

interaction

интеракция

interview

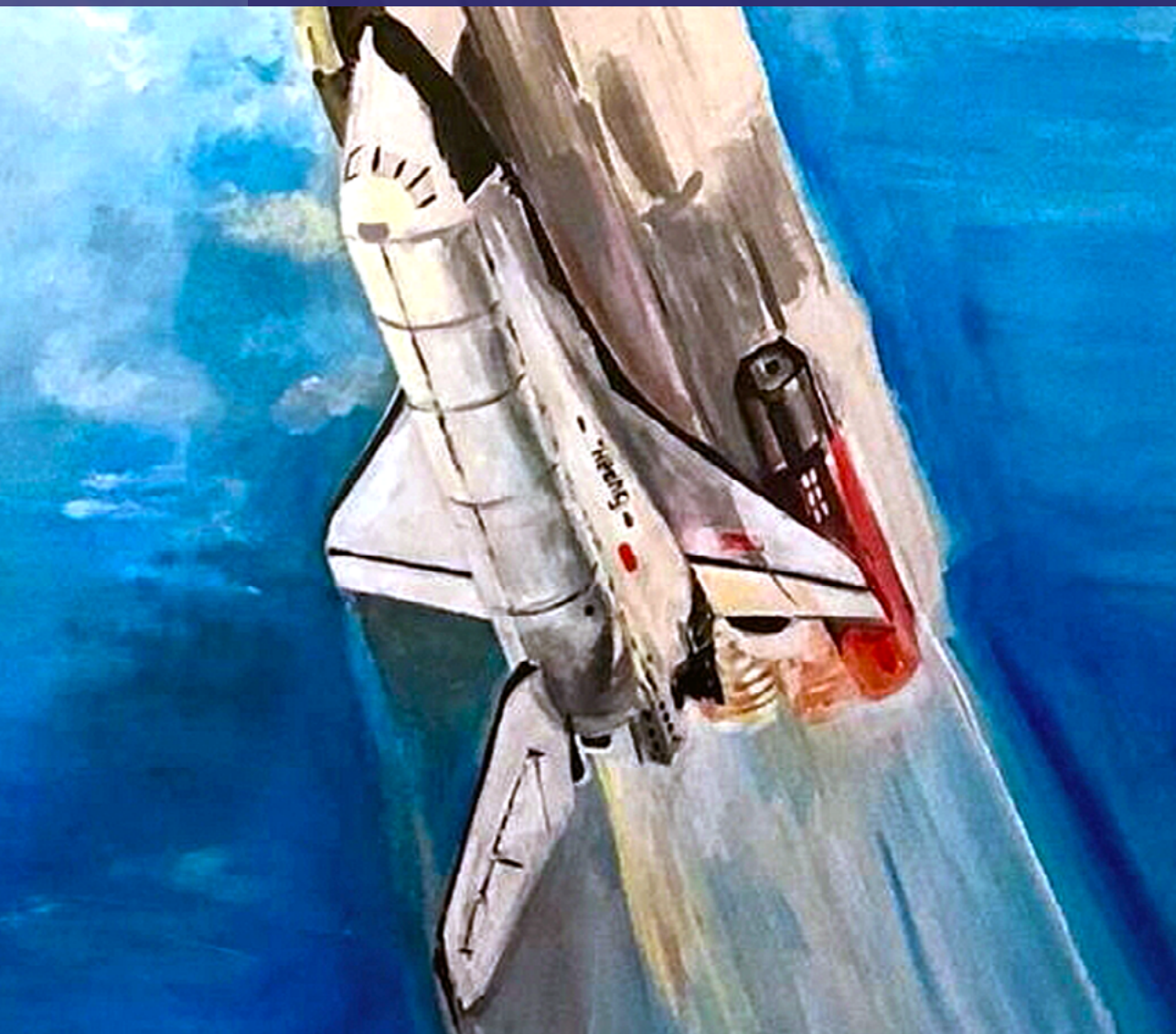
интервью

interpretation

интерпретация

INTER

16' 2018





Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

№ 16. Том 10. 2018
Интеракция. Интервью. Интерпретация

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор

Виктория Семенова, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Редакционная коллегия

Елена Рождественская, НИУ ВШЭ, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Ирина Тартаковская, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Анна Стрельникова, НИУ ВШЭ, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Павел Сушко, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Редакционный совет

Розвита Брекнер, Венский университет (Австрия)

Александрина Ваньке, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)

Том Венграф, Мидлсекский университет (Великобритания)

Леокадия Дробижева, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)

Кэти Дэвис, Амстердамский университет (Нидерланды)

Лена Иновлоки, Франкфуртский университет (Германия)

Ирина Козина, НИУ ВШЭ (Россия)

Кшиштоф Косела, Варшавский университет (Польша)

Елена Омельченко, НИУ ВШЭ (Россия)

Анна Роткирх, Университет Хельсинки (Финляндия)

Елена Ярская-Смирнова, НИУ ВШЭ (Россия)

Журнал рецензируемый

Индексируется РИНЦ

Номер подготовлен при финансовой поддержке

Российского научного фонда Грант № 14-28-00217-П

Изображение на обложке: Шестак Надежда Валерьевна (ГБОУ школа 830 г. Москвы)

Адрес редакции:

117218, г. Москва,

ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, каб. 513

Тел.: (499) 128-86-18

e-mail: inter.fnisc@gmail.com

Размещение журнала: www.inter-fnisc.ru

ISSN 2307-2075

DOI: 10.19181/inter.2018.16



Содержание

Письмо редакторов	5
Теоретические дискурсы и дискуссии	7
<i>Bernhard Begemann</i> Are we looking for a “guinea pig”? Difficulties in researching the “middle class” in Russia	7
Полевые исследования	23
<i>Анна Стрельникова</i> Границы условны? Тезисы об исследовательских практиках и нормах.....	23
<i>Дмитрий Рогозин</i> Этнографическое интервью: научная пьеса в двух действиях и способ ее интерпретации	26
<i>Анна Ипатова</i> Этнографическое интервью: комментарии полевого интервьюера к научной пьесе о тёте Веле, Наде и Лене	50
Визуальная социология	60
<i>Анна Стрельникова</i> Судьба Бурана в структуре территориальной идентичности района Тушино.....	60
<i>Екатерина Воробьева</i> О чем рассказывает татуированное тело: гендерный аспект в опыте визуальной социологии.....	70
Рецензии	81
<i>Анастасия Говорова</i> Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир.....	81
Обзоры конференций	85
<i>Нина Коленникова</i> Маркс жив, потому что с ним спорят. «Научное наследие К. Маркса: современная цивилизация и капитализм (200-летию со дня рождения К. Маркса посвящается)»	85
<i>Виктория Семенова</i> Качественная парадигма как ресурс для социальной практики	90
<i>Иван Касьяненко</i> Поиск новых подходов к актуальным проблемам социологического знания. Юбилейные XX Харчевские чтения «Теоретическое и эмпирическое знание в социологии: современные вызовы и перспективы взаимодействия»	94
Авторы номера	97

Contents

Editors's letter	5
Discourses and Discussions	7
<i>Bernhard Begemann</i> Are we looking for a "guinea pig"? Difficulties in researching the "middle class" in Russia	7
Field Research	23
<i>Anna Strelnikova</i> Are the boundaries conditional? Theses on research practices and standards	23
<i>Dmitry Rogozin</i> Ethnographic interview: science play in two acts and interpretation techniques	26
<i>Anna Ipatova</i> Ethnographical interview: field interviewer comments to the science play	50
Visual Sociology	60
<i>Anna Strelnikova</i> The fate of Soviet space shuttle "Buran" as a part of territorial identity of Tushino neighborhood	60
<i>Ekaterina Vorobyova</i> What the tattooed body tells: the gender aspect in the experience of visual sociology	70
Reviews	81
<i>Govorova Anastasia</i> Inglehart R. Cultural Evolution: How Human Motivations Change and How It Changes the World	81
Conferences	85
<i>Nina Kolennikova</i> Marx is alive because we argue with him. "The scientific heritage of Karl Marx: modern civilization and capitalism (dedicated to the 200th anniversary of Karl Marx)"	85
<i>Victoria Semenova</i> Qualitative paradigm as a resource for social practice	90
<i>Ivan Kasyanenko</i> Search for the new approaches to current problems of sociological knowledge. Anniversary XX Kharchev Readings "Theoretical and Empirical Knowledge in Sociology: Current Challenges and Prospects for Interaction"	94
About the authors	97

Письмо редакторов

Актуальный номер журнала ИНТЕР фокусируется на этнографической полевой работе как одной из разновидностей качественного исследования, вбирающего многие сопредельные дисциплины. Ключевым словом здесь является «полевая работа» с императивом выйти за пределы (собственной идентичности, кабинета, социальной группы, культуры, эпохи...). Этнография — это, прежде всего, практика наблюдения в соответствии с определенными методологическими принципами. Ее можно было бы определить как описание и анализ культуры или общества, как правило, основанные на наблюдении за участниками и письменных записях о людях, местах или организациях. Как нам представляется, это двухэтапная задача из двух этнографий — погружения в культуру с наблюдением и прощание с культурой с ее описанием. Миры близкие и чужие, реальные и виртуальные, — этнографический подход применяется как открытая индуктивно выстраиваемая коммуникация с наблюдаемым сообществом, единственной целью которых является понимание «местных» знаний, ценностей и практик с точки зрения локальной культуры. Задача социально ориентированного этнографа заключается в том, чтобы ре-контекстуализировать понимание местных ценностей и практик в более широких координатах значений, раскрыв баланс между значимостью локальной культуры как альтернативным образом жизни и ее относительностью на фоне других культур.

Как же выбрать объект этнографического исследования? Каков этот объект желания, влекущий в неизвестное? Можно предположить, что, с одной стороны, это место для ответов на теоретические вопросы, лакуны незнания, провокация интеллектуального любопытства. С другой стороны — это место, будоражащее социально-этнографическое воображение. И если раньше таковыми были географически и антропологически удаленные общества, скрытые расстоянием и цивилизационными различиями, то теперь все чаще это близкие по опыту и культуре сообщества. Возможно, мы наблюдаем ренессанс Чикагской школы с ее социальным любопытством, обращенным вовнутрь культуры.

Этнографы и антропологи делают акцент на том, что в их фокусе — наблюдение соучастников, что участие в повседневной и церемониальной жизни, предпочтительно также в качестве участника, разделяющего привычные для сообщества роли с возможностью наблюдать, задавать вопросы и делать заметки-мемосы. Можно присоединить к этому арсеналу методов и интервью, возможно групповые дискуссии, видеографию, хотя этнографы-пуристы бы этого не одобрили. Главное же заключается в том, чтобы этнографически реконструировать сложные социокультурные институты и практики, которые воспринимаются как само собой разумеющиеся, и потому с трудом артикулируемые вербально. Зачастую исследователей, надолго погружающихся в контекст сообщества, здесь подстерегают скрытые парадоксы интенциональности, обнаруживающие расхождение между тем, что говорится и делается. Хотелось бы сказать, что секреты раскрываются вдохновенным, если не одержимым, но очевидно, что наблюдение как сложная исследовательская практика балансирует на вовлечении и дистанции, которые одержимости предметом вряд ли доступны по длительности. Поэтому участвующее наблюдение может восприниматься как известный оксюморон либо как недостижимая, но необходимая исследовательская максима. Именно в приближении к ней и складываются успешные этнографические проекты.

Среди статей этого номера журнала мы представляем инновационный формат: «научную пьесу», подготовленную группой исследователей под руководством Д. Рогозина.

Выбранный авторами способ подачи материала предлагает читателям присоединиться к некоему драматургическому действию, напоминая о том, что полевое исследование — это всегда не только способ получения знания, но и приключение, искусство, интрига. Рассматривая специфику этнографического интервью, подчиненного особым задачам научной экспедиции, авторы проблематизируют многие ключевые моменты исследовательской стратегии и тактики, в том числе и ставя под сомнение таких «священных коров» как некоторые диктуемые этическими комитетами процедуры, вроде непременно подписания документа об информированном согласии. Представитель редколлегии журнала комментирует эту позицию и полемизирует с ней в рамках небольшого предисловия, предворяющего материал.

Определенное отношение к этнографическим исследованиям имеют и статьи из рубрики «Визуальная социология», в одной из которых на конкретных, визуально акцентированных примерах рассматривается роль авиакосмической промышленности в развитии коллективной идентичности одного из московских районов (А. Стрельникова), а в другой само человеческое тело, украшенное разнообразными татуировками, предстает в виде площадки для репрезентации (Е. Воробьева).

Однако для любых полевых исследований жизненно важно правильно поставить исследовательский вопрос. Статья австрийского антрополога Б. Бегеманна, открывающая номер, возвращает нас к важнейшей для нашего журнала теме социальной стратификации и делает фокус на специфике понятия «средний класс» и проблематичности его применения в российском контексте.

Ибо любые научные категории должны проверяться социальной практикой.

В. Семенова, Е. Рождественская, И. Тартаковская

Теоретические дискурсы и дискуссии

Are we looking for a “guinea pig”? Difficulties in researching the “middle class” in Russia¹

DOI: 10.19181/inter.2018.16.1

Bernhard Begemann*

Since the dissolution of Soviet Union, Russian society has undergone historic change. Following the upheaval of the 1990s, the beginning of the 21st century was characterised by economic growth and stabilisation. This period of socioeconomic change has frequently been interpreted as the cradle of an emerging “middle class”, triggering the transition from a socialist to capitalist society. However, while some researchers find a fuzzy share of “middle class” in descriptive criteria, others question the applicability of the analytical category of “middle class” to contemporary Russian society on principle. Drawing from ongoing research in Moscow, this article scrutinises this conventional class ontology by pointing out the ambiguities of the socioeconomic dynamics, based mainly on qualitative ethnographic fieldwork. As a productive lens to reveal social dynamics, the article distinguishes between formalist and substantivist uses of the term “middle class”, thus implying that a new language is needed to reflect this distinction. Illustrating these arguments through two ethnographic examples, it aims to contribute to current anthropological debates about class and post-socialism.

Keywords: Middle Classes, Russia, Anthropology of Class, Post-Socialism, Social Mobility

“Talking about a middle class in Russia by no means makes it possible to understand Russian society”

— Samson and Krasilnikova (2014: 62)

Since the dissolution of Soviet Union, Russian society has undergone historic change, transforming its economic and societal basis. Following the upheaval of the 1990s with their hyperinflation, property reallocation and political disorder, the beginning of the 21st century was characterised by economic growth and stabilisation. This unique historic period of socioeconomic change was frequently interpreted as the cradle of an emerging “middle class”, triggering a societal *transition*² from a socialist to capitalist society. As early as 1995, President Yeltsin assigned a key role in successful consolidation to the future

¹ This work is part of a PhD project, which is funded by the German Academic Scholarship Foundation.

* B. Begemann is a PhD Candidate in Social and Cultural Anthropology, University of Vienna, a1408333@unet.univie.ac.at.

² I will later further elaborate a distinction between *transition* and *transformation*. While *transformation* refers to amore open process, *transition* implies a more unilinear, teleological process. For more details, see the subsection on the anthropology of post-socialism.

formation of a “middle class”.³ In political and academic discourse, this increasingly became a catchphrase for a normative “Western”-style modernisation.

However, there is considerable disagreement on how to conceptualise “middle class”. When I told informants about my project, a typical, jocular, reply was: “but there is no middle class in Russia, so who would you ask?” In academic literature, sociologists also disagree. Depending on the various criteria used, sociological studies have found that as little as 5% or as much as 52% of Russian society belongs to the “middle class” (Remington, 2011: 99; Gontmakher and Ross, 2015: 269), making it a fuzzy concept indeed.⁴ As I planned my research project based on these ambiguous and inherently imprecise data, the Russian “middle class” reminded me of a “guinea pig”. Just as this animal is neither a pig nor from Guinea, the so-called “middle class” seems to be neither in the midst of society nor a homogeneous social class.⁵ Departing from this humorous analogy, the analytical punch line of the anecdote soon became one of the main hypotheses of my research project: the formal criteria defining the fuzzy group do not relate to an analytical group of common functional elements in content. To grasp this distinction analytically, I shall borrow the terms of the “formalist-substantivist” debate in anthropology, the Polanyian “economistic fallacy”, in which

a “formalist” approach emphasises the regular operation of ideas, in this case the universal claims of neoclassical economics; while a “substantivist” approach gives priority to the empirical content of material circumstances and disputes that this diversity can be adequately grasped through just one set of concepts (Hann and Hart, 2011: 57).

In these terms, then, “middle class” might well be identified by descriptive criteria in a formalist manner, transferring formal criteria from other societies; but it appears not to be a useful and productive analytical term for researching and understanding Russian society. The purpose of this article is to lay out ambiguities in the contradiction-laden character of an economic middle stratum of society. By ethnographically sketching the complex lived experiences of these middle classes and relating my empirical findings to theories of social class, I aim to gain insights into processes of social classification. The variety of means of livelihoods encompassed within formally similar criteria will enable me to problematise the universal validity of conventional class ontology, which is mainly developed in and for capitalist societies. This will prove useful in developing a new language that will — as suggested by this article’s epigraph — characterise contemporary Russian society better than “middle class” does.

I begin this article with a short description of my research field and a reference to the socioeconomic conditions of a “Muscovite microcosm”. I next briefly review academic debates about the emergence of a so-called “middle class” — or rather multiple middle classes⁶ —

³ Russ. (Yeltsin, 1995): «Острой проблемой остается медленное формирование среднего класса — оплота социальной и политической стабильности».

⁴ Most of the respective literature proposes criteria, as higher income, higher education, higher professional status and self-identification (cf. Balzer, 1996; Gontmakher, 2008; Maleva, 2008; Gorshkov and Tikhonova, 2008; Remington, 2011; Avraamova and Maleva, 2016; Gorshkov, 2016). Depending on the degree of application (some take a minimum of three, some take all four, etc.) the results vary quite significantly.

⁵ I first learned this joke in a different context. A Russian journalist told me that at the beginning of the 1990s, when political parties were newly founded in the Soviet Union, many were named according to formalistic “Western” political divides despite representing different constituencies: just as the guinea pig was neither from Guinea nor a pig, allegedly the “Liberal-Democratic Party of Russia” was referred in a popular anecdote as neither liberal nor democratic. A sarcastically sharpened version of the punch line, which transferred designations without accurately considering context, turned out to be appropriate for my research.

⁶ As the use of “middle class” in its singular form suggests a homogeneous social class, I will rather use its plural form of middle classes — without quotation marks. If, in the following, I want to emphasise the essentialising use, I will refer to the singular form, but then use quotation marks.



in post-socialist, transforming, Russia. Reviewing anthropological debates about post-socialism and class, I discuss their analytical implications for this research project. Finally, drawing on both ethnographic findings and anthropological debates, I sketch the main themes of my ethnographic fieldwork. By doing so, I scrutinise conventional class ontology to illustrate what ethnographic research can contribute to research on class.

Locating the Middle Classes

The referred fieldwork for this research project was conducted in the spring of 2018. While focussing on Moscow, I also collected data in other areas, such as Irkutsk Oblast, Buryatia and Krasnoyarsk Krai. Based on this data, I chose to deepen research in Moscow due to its particular prominence as a metropolitan environment where various and competing influences on livelihoods become eminently visible. After conducting fieldwork that included nearly forty interviews with people of middle income⁷, I developed a quantitative online survey on the main themes emerging from my qualitative content analysis. My interview partners were between 23 and 52 years old, representing various professions. Among them, four were university lecturers, four high school teachers, two CEOs of medium-sized companies and two of small companies, three project managers in multinational enterprises, a bank officer, a mining worker, three students, a journalist and several professionals working in government administration. Out of the 38 interviewees, 32 had a university degree. In the following sections, I will elaborate on why I chose to focus on economic middle income criteria in Moscow as a point of departure. In the further outline of the article, two cases will illustrate this choice in a more particular way.

To start with, one should take into account that Russia is one of the most “asymmetrical federations” (Gontmakher and Ross, 2015: 273) in the world in terms of socioeconomic status, ethnic composition, territories and populations. Other authors as Moshaw (2002: 101) take up this theme by arguing that the Russian regions are easily distinguishable by criteria such as the amount of foreign economic investment (centre vs. periphery) and resource extraction (raw material deposit areas). This phenomenon is conceptualised as “punctual globalisation” (ibid.) and is closely linked to people’s adaptation ability (Samson and Krasilnikova, 2014: 42) in new and transforming circumstances. This emphasises the necessity of attention to spatiotemporal embedding in socio-scientific enquiries. Moreover, it reminds us to also beware of “methodological nationalism” (Wimmer and Glick Schiller, 2002), the homogenisation and essentialisation of the nation state as an analytical category. While economic transformations in a post-socialist economy and interactions with global capitalism do take place in Russia, even within one country, their kind and degree can differ significantly. So, when looking at the Muscovite middle classes, one needs to take into account a megalopolitan environment with a great share of foreign investment, a magnetic attraction of migration and a very dynamic labour market, just to name a few aspects (Gontmakher and Ross, 2015: 273f.). This would seem to impact whom to talk with concerning middle classes. However, even choosing locations within Moscow turns out to be complicated. While researchers such as Klein et al. (2018) found their focus groups in specific neighbourhoods of big cities in Brazil, this turns out to be harder in Russia. When considering rent levels, there are of course some indicators — such as the proportion of rent to the distance to the city centre, nearest metro station, etc. — but it would be an oversimplification to name particular “middle class” areas based on rent levels. Moreover, the rate of homeownership is very high, reaching up to 87.2% (Trading Economies, 2016). Due to the socialist allocation of housing and the subsequent privatisation policy in the 1990s, there is still little social segregation, apart from some newly built super-rich districts as “Rublevka”.

⁷ According to official statistics, median income in Moscow states 48,200 rubles, which equates at the moment to around €650 (RIA Novosti, 2017).

For instance, owning a flat in the city centre could thence have many reasons: having earned millions of rubles to buy it, or having lived or been registered in it in the early 1990s and then having privatised it for a relatively low fee.

Moreover, what is conceptualised as *middle*, in, for example, income stratification, is highly debatable. According to official statistics, the middle (i.e. median) income in Moscow is 48,200 rubles (around €650) a month (RIA Novosti, 2017). However, income differentiation is high, as shown by the 2013 decile coefficient (ratio between the average income of the poorest and the richest 10% of the population) of 16.3 (Sibirskaya et al., 2013: 130). Based on the International Labour Organisation (2013: 33) definition of middle income as 70–150% of the median, one would thus end up with a quite small stratum that would probably lack any distinct characteristics. Other analyses use a monthly income of more than 120,000 rubles as one of the criteria (RBK in Echo Moskv, 2018). Whereas this doubtless selects for a wealthy socioeconomic group, this could scarcely be described as the *middle* classes. Even taking 100,000 rubles as a marker would include only 4.1% of the whole population (RIA Novosti, 2017). Thus, it is difficult to approach such an indistinct and hard to circumscribe category of analysis using quantitative data. Since one has to start somewhere, I decided to begin my fieldwork using mainly economic criteria and refine the anthropological analysis from there. I thus conducted research with people with monthly incomes above 50,000 rubles with no real upper limit. Although this includes some people with incomes far above the average — and thus oversteps the *middle* strata — it is quite valuable in reflecting dynamics of social mobility and the ethnographic examples will underline this aspect. Taking this as a point of departure, then, I aim to focus my analysis as it is in progress.

Starting with material issues, one of the topics I necessarily touched on in interviews was self-identification. When I asked people in my research field in Moscow whether they felt themselves to be part of a so-called “middle class”, some of them answered: “well, not yet, but I’m striving for it”. Others added that they actually never thought about the term before and only had certain associations about it. However, when it came to self-identification in verbal terms, most people subjectively associated themselves with a middle stratum (*sloi* rather than *class*): position 5–6 on a scale from 1–10 (q.v. Tikhonova, 2018: 19). Kordonsky (2008: 40) states that in contemporary Russia there is hardly a social group that people can unambiguously identify with (excluding clichés such as oligarchs, bandits, simple people, etc. (ibid.: 134). Rather, it seems that people identify with multiple or even mutually-contradicting status groups. Whereas some, including Kordonsky (2008) see this as a sort of Durkheimian (1982: 21) “anomie”, others emphasise these ambiguities as being instead a common phenomenon of societies in transformation (Tikhonova, 2018: 22). For those, this recalls similarities with what Yurchak (2005) describes as the last phase of socialism, where contradicting meanings were probably the only reliable norm. These ambiguous circumstances thus call for ethnographic examination. There is a definite anthropological interest in grasping the various and indistinct lines “between the way things are formally declared to be and the way in which things get done in practice” (Ledeneva, 2013: 3). Regarding the various transformations and changes in Russia’s society during the last thirty years, it is not very surprising that people may feel unclear about their social identity. In particular, this seems to hold true for the concept of “middle class” as it is used in various contexts with divergent and sometimes contradicting meanings. For instance, in normative contexts, like the President’s Poslanie (i.a. Yeltsin, 1995; Medvedev, 2008; Putin, 2007, 2012, 2018), it points to a progressive societal and economic transformation in general and rather refers to formalist, neoclassical meanings. Mostly used by politicians (ibid.) or marketing companies (Gerasimenko 2017), it indicates a term of belonging, of “membership in a First World translocal social order” (Fehérváry, 2012: 124). However, it is often ambiguously referred to as a category of self-identification. It became a buzzword for better life to many people. As fieldwork results show, people with an above average income between 50,000–100,000 rubles do not quite feel above average. They refer to “middle class”



as a "would rather be" or "still ahead" category for themselves. This might have several reasons. One that a larger part of society is extremely poor and even though my Muscovite respondents are statistically above the average, they do not feel rich and have other standards to compare themselves to.⁸ Another reason is that people feel a discrepancy between their lived and experienced reality of economic possibilities and their ascribed social status. Many people in Russian post-Soviet society do not regard themselves as winners in post-socialist transformations. On the contrary, many issues of post-socialist transformation are perceived as unjust, criminal and unfair by large parts of the Russian population all over the country (Volkov and Kolesnikov, 2018: 1–2). During the upheaval of the 1990s, when an enormous property reallocation took place, only a very few managed to get very rich. As with Marx's "primitive accumulation" (Marx, 1962: 741) of capital, this reallocation and privatisation of former state property in the end formed a — fairly uneven and perceived as unjust — point of departure for any further socioeconomic developments after the 1990s.

Regarding the striking unevenness, perceived injustice towards one's position in society and mechanisms of social mobility are thus at the core of my research into the middle classes. The issues mentioned referring to the mixed and uneven socioeconomic conditions will serve as a scaffolding for my ethnographic findings. Before illustrating the ambiguous incorporation in socioeconomic dynamics even within one location at two examples, I will now shortly review existing research about Russian middle classes.

(Trans)Formation of Russian Middle Classes in Academic Research

After the fall of Soviet Union the idea that the former socialist part of the world would abandon its economic, political and social system and eventually and quite "naturally" *transition* into Western-model capitalist market societies, was considered "common sense" by many economists and politicians (Verdery, 1996: 334). However,

Ovsey Shkaratan, Natal'ya Tikhonova, German Diligenskiy, and others have all pointed out that the transition from the Soviet system of social stratification, in which status directly depends on the intertwining of state power (vlast') and property, to one of capitalist class relations, based on private property, has been tenuous and incomplete (Remington, 2011: 107).

So, *transformation* should not be seen as a clearly circumscribed period, with society changing from A to B between one day and another. Rather, ongoing *transformations* continue to take place. Thus, for many societies in transformation, the dialectic between different forms of economic incorporation entails a discussion about society's stratification. This precarious character of society in general points to the large debates looming about the disputed "configuration of post-socialist middle classes" (Heiman et al., 2012: 3) in particular. A great deal of political and public discourse saw the creation of a "middle class" as inevitable, simultaneously a result and promoter of the economic *transition* from socialism to capitalism, although this view was criticised in anthropology as a unilinear and teleological "transitology" (Verdery, 1996: 336). Nonetheless, a crucial part of the published literature in anthropology and sociology focuses on "middle class" in a formalistic manner, "as if" it were *naturally* there, defining it by sociological criteria according to a certain income, a certain level of education, and self-identification (see i.a. Maleva, 2008; Gorshkov and Tikhonova, 2008; Remington 2011). Following Moore's (1966: 418) notion of "no bourgeoisie, no democracy" many authors in academia as well as in public discourse expressed their hopes and beliefs in the new "middle class". In Russia's booming 2000s,

⁸ As statistics show, Moscow is third in income among Russian regions (RIA Novosti, 2017). However, prices are extremely high and the share of people earning more than 100,000 rubles is 17.05% (ibid.).

the emerging middle class was commonly alleged to be a backbone and bearer of democracy, irreversibly following economic growth and the transition to market economy (For “middle class” in general, see Lipset, 1959; for the Russian case in particular, see Kolesnikov, 2011; Siegert, 2013; Gontmakher and Ross, 2015; Rosenfeld, 2017). Furthermore, in post-colonial as well as in post-socialist contexts, “middle class” tends to be described as a “universal” and “uniform” ideal type, being a product of economic growth and gain for everyone (Seidl, 2017: 176f.). In opposition to this formalist approach, I argue, similarly to other authors (Samson and Krasilnikova, 2014, Mrowczynski, 2010), that this is more wishful thinking than scientific, and ends up trapped in the same metaphorical transfer as the “guinea pig” analogy. For a given “definite structure of society, the class theory works; but what if that structure itself undergoes a change?” (Polanyi, 2001 [1944]: 159). Following Polanyi’s (ibid.) argument, “middle class” in one society does not necessarily mean “middle class” in another; so one has to beware of transferring a formalist, phenomenological notion without regard to its substantive grounds.

The discussions about the configuration of those called “middle class” in Russia, illustrates this confusion as well. On the one hand, classical “middle class” professions in capitalist European societies in a Marxist sense (Marx, 1965: 576), such as academics, doctors and small and medium entrepreneurs were usually hard to find among those with middle or higher income in Russia; on the other, those with higher income were to a great extent directly related to, and dependent on, administrative state institutions, e.g. senior ministerial officials. These last higher income professionals were — in contrast to Lipset’s (1959) and Moore’s (1966) above described assumptions — not associated with political independence or economic innovation (Gontmakher and Ross, 2015: 274) and had quite mixed views on socioeconomic issues (Gudkov et al., 2009). Moreover, the referred criteria are not cumulative: one does not necessarily lead to the other and the group of people with higher education and high professional status such as academics or medical doctors is not necessarily congruent with that of people of high income. Samson and Krasilnikova (2014) sharpened this observation, concluding that the

[...] persistence in the search for, the analysis, and the dissection of the middle class in Russia is not a scientific approach; instead, it represents faith in the existence of that class. In other words, Russia’s middle class is a myth. [...] This myth, which is promulgated by the West, conceals a desire to create Western-type countries all over the world, especially in the postcommunist countries. [...] It is thus becoming clear that the social structure in Russia differs from that of Western societies for which the term “middle class” was created (Samson and Krasilnikova, 2014: 62).

Samson and Krasilnikova (2014) call Russia’s “middle class” a myth, while Mrowczynski (2010: 35) considers it an “ahistorical concept”. Is the “middle class”, then, non-existent, even though there are both people with high income and people with high status and education? Or is it like the “guinea pig”, named in a formalist way, but ignoring empirical evidence with regards to substance, although? In their examination of the Brazilian “new middle class”, Klein et al. (2018) bypass this analytical problem in an intriguingly artful way: the authors call their focus group the “previously poor” (ibid.) and thereby avoid any a priori assumptions. However, for Russia, this analytical turn does not work: just 30 years ago, people in Soviet society had fairly equal economic conditions. So, the Russian middle classes remain an elusive target.

The middle class [...] size and shape shift depending on how it is conceptualised and measured, to the point that there is substantial doubt as to whether there is any single social group that merits being classified as a middle class at all (Remington, 2011: 115).

The nature and condition of this ‘middle class’ thus calls for ethnographic examination. First, to grasp the evolving social formation from a bottom-up perspective and thereby to better



understand macro-anthropological contexts, in-depth ethnographic material is indispensable. This is demonstratively underlined for social transformation in general in the anthropological literature of post-socialism (Bridger and Pine, 1998; Berdahl, 2000; Hann et al., 2002), above all for research into formation of middle classes (Heiman et al., 2012; Klein et al., 2018). Secondly, anthropology is the discipline par excellence to counter “transitological”, sociocentric inquiries through the acquisition of a foundation of substantivist knowledge. Thus, “theorizing through ethnography” (Heiman et al., 2012) is of particular value in developing an analytical framework for conceptualising those so-called middle classes. Furthermore, there is still remarkably little anthropological research on processes of social classification in Russia. Hence, delineating lived experience while putting it into conversation with broader social forces is of deep scientific necessity and promises a valuable contribution to anthropological debates. It aims, as Caroline Humphrey once formulated the goal of her ethnography of two collective farms, “to achieve an understandable representation, embracing the plasticity of the here and now” (Humphrey, 1998: xix).

The following discussion of anthropological debates about post-socialism and class will address theoretical tools for this endeavour. By putting their theoretical arguments into conversation with the empirical findings described so far, I aim to scrutinise conventional middle class ontologies beyond a formalist-substantivist dichotomy.

Going Beyond Conventional Class Ontologies. Anthropological Debates of Post-Socialism and of Class

Anthropology of Post-Socialism

The anthropology of post-socialism is first and foremost a body of literature focussing on a geographical area of former socialist states (Verdery in Hann, Humphrey and Verdery, 2002: 15). Nowadays, authors like Müller (2019, forthcoming) refer to it by the term “Global East”, complementing Global South and North. This construct implies the existence of analytically salient conditions of everyday life faced by people throughout these countries in contrast to those living in formerly “Western” countries. “So while post-socialism is certainly a construct of the academy, it is not ours alone, and it does correspond to certain historical conditions out there” (Humphrey in Hann, Humphrey and Verdery, 2002: 12). However, this should also remind us of the heterogeneity and diversity of those “historical conditions” (ibid.) within the former socialist world. For instance, reallocation of land in the agricultural sector in the 1990s happened to be implemented quite differently in Hungary from Romania (cf. Thelen, 2003), even though both of these neighbouring countries have socialist histories. Hence, no path dependency should be assumed based on a socialist past. Whereas little may be gained in normatively contrasting “Eastern” to “Western” societies (Burawoy and Verdery, 1999: 15, Thelen, 2003: 43), the notion of post-socialism should be, rather, an imperative to reveal the spatiotemporal particularities of each site.

Just as no path dependency should be assumed, no teleological assumptions on social development should be imposed on research either. This persistent issue is well presented (if often implicitly) in a central debate of post-socialist anthropological discourses: the transition-transformation debate. Many authors (cf. Verdery, 1996; Berdahl, 2000; Hann, Humphrey and Verdery, 2002) criticise a widespread assumption, emanating from “a swift and painless shift from socialist totalitarianism to liberal democracy, and from the planned economy to the market” (Giordano and Kostova, 2002: 74). This “transitology” (Verdery, 1996: 336) indicates a unilinear and evolutionary development of all (post-socialist) societies, as if capitalist democracy was the “end of history” (Fukuyama, 1989). In contrast, Berdahl (2000) emphasises the open and processual character of the social changes after 1989 using the term of “transformation” or “transformations”. This notion remained, then, in most of the anthropological literature of post-socialism.

As an anthropological project based on ethnographic fieldwork, this article is clearly committed to an open investigation beyond normative models of development. This is a clear argument for a “transformative” approach that takes the spatiotemporal embedding of the ethnographic field into account. As I have already touched upon in the introduction, this goes hand in hand with a substantivist approach, which prioritises empirical findings as a base for further theorizing. However, this should not lapse into an isolated presumption of Russia’s “unique” social development. Rather, it reminds us to not only *collect* ethnographic data, but also to put it into conversation with aspects which might not be empirically observable, but nevertheless cast a shadow. Suvi Salmenniemi (2012) emphasises this question, stating a need “for further research into the processes of social classification in Russia and the ways in which they are connected with global mechanisms of inequality” (Salmenniemi, 2012: 16f). As Thomas H. Eriksen notes in the preface to the 2010 edition of Eric R. Wolf’s *Europe and the People Without History*, “the networked capitalist world is a framework, or scaffolding, for almost any serious inquiry into contemporary cultural and social dynamics” (Wolf and Eriksen, 2010 [1982]: 29). In particular,

anthropologists of post-socialism have found that their subject matter has been even more directly exposed to the forces and paradoxes of this global programme [of capitalism] than other regions of the world, while being even less prepared. This is why the anthropology of post-socialism is so rich and has so much to offer in building up a new global and comparative anthropology (Kalb, 2002: 322).

Anthropology of post-socialism thus should be closely interwoven with the anthropology of global capitalism. But if — let’s call it “transformatology” — means a detached process totally unrelated to broader global forces, in the end this approach falls short of recognizing the interdependences of our current globalised world. That said, on the other hand, if “transitology” points to a teleological process of equal and unilinear character in capitalist development, it fails to consider the diversity and agency of every time and space. Post-socialism hence remains a valid analytical category only if conceived of as a set of similar conditions, such as a collectivist organisation of social life or a state monopoly on capital property, casting a shadow that extends to the present while also separating the former socialist countries from formerly “Western” countries. However post-socialism does not prove useful as an exclusive, deterministic framework that indicates a path dependency or ignores particularities. Thus, the anthropology of post-socialism calls for ethnographic research that thoroughly discusses the ambiguities of lived realities, rather than formalistically forcing neoclassical concepts to fit them.

Anthropology of Class

“In anthropological hands, then, class is less an already-defined position that determines both consciousness and action, and more an invitation to discover people’s shifting historical, situated and antagonistic social interdependences”

— Kalb (2015: 16)

Class is mainly used as a category of social stratification in the history of the period of capitalism,⁹ so, the anthropology of class should keep track of global capitalism just like the anthropology of post-socialism. Already Marx and Weber, the fathers of class studies, closely related class formation to global capitalism (Carrier and Kalb, 2015). Unsurprisingly, class formation strongly depends on processes of unevenness in the creation of value (Gill and Kasimir, 2016). As Piketty (2014: 20) reminds us, the accumulation and distribution of wealth is always a product

⁹ For an elaborate discussion of roots and evolution of the concept of class, see Carrier, 2015.



of economic, social, and political actors. Thus, unevenness is not only an economic topic, but better examined in a four-fold approach (Gill and Kasimir, 2016). This includes a strong focus on history, politics, space and labour in order to “overcome the problematic, ahistorical formulations of micro–macro or local–global relationships [...], by encouraging us to conceptualise the mutual constitution of these scales of action” (ibid.: 99). It is this constitution of scales that is critical to the anthropology of class as well. Research into class thus means research into people’s shifting interdependences, which form a bundle of configurations called class (Kalb, 2015: 14). In opposition to quantitative and descriptive criteria, this model does not regard class as a box “amid other boxes: sanitized, measurable, reified and reduced to a mere category of income, education and occupational status” (Kalb, 2015: 2, see also: Lawler, 2012: 258ff.). Rather, it emphasises its character as a processual product of social unevenness, developed over time and conflicts, in a Marxist sense (Smith, 2015: 87). In case of “middle class” formation, as will be discussed below, this will become even more evident. It will also become clear that anthropology in this context is understood in a sense of “political economy”, rather than a “cultural interpretivist” endeavour (Kalb, 2015: 7), which is again on the rise especially since the global financial economic crisis in 2008. Regarding global interrelations and the ever-greater social inequality within and between the different parts of the world, an interpretative anthropology of class that considered social class as a mere subjective cosmology might not be particularly illuminating (Carrier, 2012: 271; 2015: 38).

In short, to study class in anthropological terms is to discuss people’s shifting interdependences in the light of social stratification. It is to identify “critical junctions” (Kalb and Tak, 2005) of classification by providing “close ethnographies of critical issues that push theories to account for the histories, intricacies, and nuances of everyday life” (Heiman et al., 2012: 27). Not surprisingly, the anthropology of class presented here demonstratively calls for ethnographic inquiries. Such an anthropological analysis allows the attentive reconfiguration of “class dimensions” (ibid.) by problematising them in a theoretically and empirically informed manner. The “anthropology of class [, then, ...] describes not the dots on the map, but the ever-changing links between them” (Kalb, 2015: 14).

Class, as used here, is not reified as a category of capitalist social theory, but rather is used as a tool to study the mechanisms of social unevenness in a variety of social organisations. Following the substantivist Polanyian notion of “embedded economy” (Polanyi, 2001 [1944]) — that is, an economy embedded in social relations — the close analysis of people’s livelihoods and socioeconomic modes of subsistence will shed light on the dimensions of the framing socioeconomic system. Through ethnographic research of class, it is possible to reveal the various scales of people’s subsistence, while drawing conclusions about the society they live in. As will be discussed below, ethnographic findings indicate a quite ambiguous situation that suggests various, simultaneous and even conflicting scales. This means, social classification may simultaneously work in competing ways, depending, for example, on demand-driven market mechanisms and/or corporative, estate-based (russ. *сословное*¹⁰) ways. For instance, other authors like Shkaratan and Yastrebov (2010) and Kordonsky (2008: 128) argue that the mixture of old Soviet estate-based social groups, new Russian estate-based groups and newly capitalism-based classes (ibid.: 128) — although possibly simultaneously and not mutually exclusively — divides contemporary Russian society. Although Kordonsky (2008) uses “class” as a clear capitalist notion and prefers “group” when it comes to estate-based systems, I would prefer to emphasise the anthropological understanding of “class” described above. However, the use of these concepts points to the core of the “guinea pig problem” explained in the introduction. It is misleading to use “middle class” as a formalist category of a neoclassical capitalist society.

¹⁰ I refer to “estate-based” as a mechanism organising social mobility by social origin, professional group, or other dependent criteria, rather than market economy principles.

To find out about mechanisms of social mobility and unevenness, little is gained through using teleologically imposed frameworks or their respective formalist categories. Instead, one may reveal the various group formations by giving priority to the empirical study of people's shifting socioeconomic interdependences and taking their embeddedness into account, thus contributing to a new ontology of middle classes. The anthropology of class, then, has much to offer to the research of social classification in Russia by going beyond conventional class ontologies.

Various Social Dynamics in Various Middle Classes

Many of the middle-income respondents, like Nastya, consider their lived experience unjust according to their position in society. Nastya, a 33-year old university lecturer at a prestigious Moscow university says she feels her professional status does not correspond to her economic possibilities. She was educated in universities in Russia, the United States and the United Kingdom. Nonetheless, her official salary as a university teacher does not even cover her basic needs. She lives with her grandmother — she could barely afford to rent her own place in Moscow — in the grandmother's flat just next to a metro station near the city centre. Although she earns up to 80,000 rubles a month, only 15,000 rubles of this comes from her official salary, which she supplements by private tutoring and courses for school and college students. Despite her above average income, she feels more “working than middle class”, as she has to work from dawn till dusk to make ends meet and to afford some things she wants, like holidays in Europe. Nastya is a good example of a group called “budgetniks”, professionals like doctors and academics employed by the state and paid from the state budget. Despite her qualifications, it is hard for her to monetise them through her main job, so she feels forced to find additional income in secondary jobs. Although her total income is above average in Moscow terms, most of it is “grey” and thus unreliable: she does not receive it during the summer holiday months or when she is sick, and cannot make demands on social insurance services.

These perceptions of unfairness considering one's merits are tightly connected to mechanisms of social mobility. As I have noted, the transformations and changes in Russia's society during the last thirty years make it unsurprising that people might feel unclear about their social identity. It is also not surprising, that mechanisms of social mobility might be unclear or ambiguous — with regard to both perceived and experienced realities. According to a huge majority of my respondents, informality, insecurity and instability are significant restrictions on upward social mobility. Nonetheless, as suggested by Klein et al. (2018: 89) and other authors' research on global middle classes, meritocratic ideology is one of the main ways people explain their position in society. However, this “belief in upward social mobility” (Hage, 2005: 472) due to one's own achievements is a quite capitalist, neoclassical feature. As my results show, despite the named factors of insecurity and informality, as well as perceived unfairness, a sense of meritocratic self-reliance is widespread among my informants in Russia. Hence, they make a distinction between their reports of injustice concerning their positions in society and inequality in principle. Whereas the former is rooted in unfair allocation mechanisms, the latter refers to income or status difference according to meritocratic mechanisms. For instance, Nastya considers her income to be very well-deserved: she works hard for it indeed, and at several places. However, when she talks about the dean or the rector at her university, she expresses distrust of both the process by which they were appointed and their salaries (i.a. judging by the Mercedes the dean drives to work). Nastya said, she will never be in a position to become dean, as those positions are mainly granted through *blat* (personal connections) rather than by meritocratic mechanisms.

However, people working, for instance, for big companies experienced a more stable environment in terms of economic security or mechanisms of upward social mobility. For instance, Vlad, a 28-year old engineer, works for an international transport company in Moscow and earns about 120,000 rubles a month and “quite presumably feels to be middle class”. He is



quite happy about his job and its recruitment procedures. Although he says he have deserved a job advancement at least within the last year, he does not resent his boss’s Mercedes: at least in principle, he may have his own someday. Like Nastya, Vlad benefited from a good university education. Although he was educated entirely in Russia, he spent some time in the US on a “work and travel” programme. The international company he works for hired him through a competitive recruiting procedure after several tests and interviews in English he got the job. His salary allows him to rent a flat for himself and his girlfriend — not in the city centre, but within 15 minutes walking distance from the last metro station on the line. In addition, the company provides him with a car and annual bonus payments. Vlad says he feels that he can easily afford almost anything he wants, for instance holidays abroad: his last trip was to the United States.

However, consumption reflects mechanisms of social mobility in a particularly interesting manner. Some researchers of class criticise income- or consumption-based criteria for “oversimplifying class experience” (Klein et al., 2018: 86). Indeed, it is hard to measure “middle class” by means of iPhone ownership rates or a neighbourhood’s shopping centre density. “Such materialities carry the promise of a set of benefits on a global scale, a full humanity conferred by coeval status with the West, moral legitimacy, respectability, local status, and a host of other materially enabled desire” (Fehérváry, 2012: 124). In other words, by solely considering consumption, one could get trapped by the “imitation” of particular features and status symbols ascribed to “middle class”.

In this regard, Vlad and Nastya are carefully chosen ethnographic examples. Both spent several months abroad in the United States and United Kingdom for educational and leisure reasons. Both have a very good command of English, and both have jobs requiring high university qualifications. However, they face different mechanisms of social mobility in different branches/sectors of the economy, including different material compensation for their work: despite their quite similar backgrounds, Vlad and Nastya have an 150% nominal income difference and, as discussed, achieving it requires different efforts for each. Both of them, however, are far above the income average in statistical terms. This example, then, illustrates the coexistence of different models of socioeconomic classification and people’s incorporation in them, which in this example mainly depends on the sector they work in. Whereas Vlad’s employer represents a foreign international company hiring skilled personnel in a demand-driven way, Nastya is employed by the state, which also hires skilled personnel, but in a different way and with different remuneration. Teaching privately alongside her official university job is a lot better salaried. Although Vlad has a higher salary than Nastya has, Nastya is able to live near the city centre due to the flat her grandmother privatised in the 1990s. As Vlad has to rent a flat, he could hardly afford to do so. Although Nastya and Vlad share many similar descriptive criteria as education, status or income group, they hardly belong to the same analytical group of society, as implied by formalist categories. Rather they belong to groups exposed to different social dynamics.

The Middle Classes as a Lens for Social Dynamics

“The middle class is necessarily an ill-defined entity. This does not reflect a lack of theoretical penetration but rather the character of reality”

— Wacquant (1991: 57)

At first sight, the epigraph and the title of this conclusion seem to contradict each other. How could an ill-defined category be an analytical lens? That said, I argue that it is exactly this ill-definedness — and the attempts to define the category at all costs — that reveals its ambiguities and, as a corollary, reveals the social dynamics that make it so difficult to define. As this article shows, the study of middle classes is an all but equivocal endeavour. Locating the middle classes

in academic research, as well as in public discourse, is based mostly on a formalist approach that defines them by descriptive criteria. Drawing on anthropological debates on post-socialism and class, I advance the argument that this categorisation fails to provide an account of the different and contradiction-laden character of people's incorporation in socioeconomic dynamics. Vlad and Nastya's examples illustrate this problem empirically. Analysing the disparities and ambiguities of anomie, social mobility, and perceived injustice serves as a means to differentiate the heterogeneous configurations of the shifting relational interdependences of people's lived realities. In putting the empirical evidence into conversation with the current anthropological debates of class, I make the case for an approach going beyond conventional middle class ontologies. I argue that the formalist category of "middle class" is not only inherently imprecise, but also essentialises and overemphasises a neoclassical socioeconomic model, falling short of a complex and comprehensive analysis. Although parts of Russian society might fit into neoclassical models of "middle class", (even though they are not *middle* in Russian statistical terms), the concept distorts social dynamics and obscures other parts of society. Like the "guinea pig", it elicits certain associations by transferring a designation from a different socioeconomic system while disregarding its substantive contents. Drawing the formalist-substantivist debate in anthropology, the Polanyian notion of the economic fallacy

is still useful in grasping the axioms of a good deal of mainstream economic theory and their unwarranted application to empirical human economies universally. It does not help in providing a realistic account of any substantive economic worlds, either those of modern capitalism or of its erstwhile socialist rival (Hann, 2014: 646).

In place of checking off discrete markers of social "middle class", ethnographic examination in conjunction with anthropological theorizing can help point out blind spots in conventional class terminology.

After this discussion, Wacquant's general statement on the "middle class" character should not come as a surprise. While I made the case with regard to the supposed Russian middle classes, Wacquant's proposition is of a more general character. This is certainly a valid argument regarding the discussed debates in the anthropology of class: to find out about those at various points in the "middle" zones, it is "necessary to study dynamically the whole set of relationships that links them to those groups situated above and below" (Wacquant, 1991: 58). Thus, studying people of a middle income stratum may particularly help to elucidate processes of social classification. For the precarious proletariat on one side and the elites on the other, models of subsistence may be less ambiguous, but for the middle classes these dynamics are far less clear-cut. Due to their middle economic position, they are exposed to both upward and downward social mobility. Moreover, the middle classes in Moscow are particularly eminently situated at the conjunction of competing scales pointing to the dialectic between global capitalism on the one hand, and of state influences on the other. Hence, the Muscovite middle classes, based on an anthropological class understanding, represent a particularly productive analytical pivot for examining social dynamics in contemporary Russia, becoming a lens for relational interdependences. It is this lens that contributes to going beyond conventional class terms and to developing a new language for an analytical understanding of contemporary Russian society. This does not make the study of middle classes an easy endeavour. But, to cite Wacquant (*ibid.*) once more, the beauty of the study of class also lies in its difficulty.

Literature

Avraamova, E. M., Maleva, T. M. The Evolution of the Middle Class. Missions and Methodology // Russian Social Science Review. 2016. № 57 (6). P. 417–435.

Balzer, H. Russia's Missing Middle Class. The Professions in Russian History. Armonk: Sharpe, 1996.



Berdahl, D. Introduction. *After Socialism // Altering States. Ethnographies of Transition in Eastern Europe and the Former Soviet Union* / Ed. by D. Berdahl, M. Bunzl, M. Lampland. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000. P. 1–13.

Burawoy, M., Verdery, K. Introduction // *Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World* / Ed. by M. Burawoy, K. Verdery. O: Rowman and Littlefield, 1999. P. 1–18.

Bridger, S., Pine F. *Surviving Post-Socialism. Local Strategies and Regional Responses in Eastern Europe and the Former Soviet Union*. New York: Routledge, 1998.

Carrier, J. *The Trouble with Class* // *Archives Européennes de Sociologie*. 2012. № 3. P. 263–284.

Carrier, J. *The Concept of Class* // *Anthropologies of Class. Power, Practice, and Inequality* / Ed. by J. Carrier, D. Kalb. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 28–40.

Carrier, J., Kalb, D. *Anthropologies of Class. Power, Practice, and Inequality*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Durkheim, E., Lukes, S. *The Rules of Sociological Method and Selected Texts on Sociology and its Method*. New York: The Free Press, 1982.

Écho Moskvy. *Srednyj Klass v Rossijskikh Regionakh [Middle Class in Russian Regions]* // Écho Moskvy. 2018. 19th June. URL: <https://echo.msk.ru/news/2224352-echo.html> (accessed 24 June 2018).

Fehérváry, K. *The Postsocialist Middle Classes and the New 'Family House' in Hungary* // *The Global Middle Classes. Theorizing through Ethnography* / Ed. by R. Heiman, C. Freeman, M. Liechty. Santa Fe: SAR Press, 2012. P. 117–144.

Fukuyama, F. *Das Ende der Geschichte. Wo stehen wir? [The End of History. Where Do We Stand?]*. New York: The Free Press, 1989.

Gerasimenko, T. *The Premier' 2017 Survey: Upper Middle Class Portrait in Russia* // IPSOS. 2017. 6th June. URL: <https://www.ipsos.com/en/premier-2017-survey-upper-middle-class-portrait-russia> (accessed 27 November 2018).

Gill, L., Kasmir, S. *History, Politics, Space, Labor: On Unevenness as an Anthropological Concept* // *Dialectical Anthropology*. 2016. № 40 (2). P. 87–102.

Giordano, C., Kostova, D. *The Social Production of Mistrust* // *Postsocialism: Ideas, Ideologies and Practices in Eurasia* / Ed. by C. Hann. London, New York: Routledge, 2002. P. 74–92.

Gontmakher, E. *Srednyj Klass kak Rezul'tat Razvitiya Obshchestvennykh Institutov [The Middle Class as a Result of the Development of Social Institutions]* // Institut Sovremennogo Razvitiya (INSOR). *Diskus-siya o Srednem Klasse. Srednyj Klass. Problemy Formirovaniya i Perspektivy Rosta*. Moscow, 2008.

Gontmakher, E. *Ross, C. The Middle Class and Democratisation in Russia* // *Europe-Asia Studies*. 2015. № 67 (2). P. 269–284.

Gorshkov, M. K., Tikhonova, N. E. *Srednyj Klass v Sovremennoj Rossii [The Middle Class in Contemporary Russia]*. Moscow: Institut Sotsiologii RAN, 2008.

Gorshkov, M. K. *The Middle Class as the Reflection of the Economic and Sociocultural Model of Russia's Development Today* // *Russian Social Science Review*. 2016. № 57 (6). P. 488–504.

Gudkov, L. Dubin, B., Zorkaia, N. *The 'Middle Class'. (If There Is Such a Thing)* // *Russian Education & Society*. 2009. № 51 (8). P. 34–69.

Hage, G. *A Not so Multi-sited Ethnography of a Not so Imagined Community* // *Anthropological Theory*. 2005. № 5 (4). P. 463–475.

Hann, C., Hart, K. *Economic Anthropology. History, Ethnography, Critique*. Cambridge: Polity, 2011.

Hann, C., Humphrey, C., Verdery, K. Introduction. *Postsocialism as a Topic of Anthropological Investigation* // *Postsocialism: Ideas, Ideologies and Practices in Eurasia* / Ed. by C. Hann. London, New York: Routledge, 2002. P. 1–30.

Hann, C. *The Economistic Fallacy and Forms of Integration Under and After Socialism* // *Economy and Society*. 2014. № 43 (4). P. 626–649.

Heiman, R., Freeman, C., Liechty, M. Introduction. *Charting an Anthropology of the Middle Classes* // *The Global Middle Classes. Theorizing through Ethnography* / Ed. by R. Heiman, C. Freeman, M. Liechty. Santa Fe: SAR Press, 2012. P. 3–30.

- Humphrey, C. *Marx Went Away — But Karl Stayed Behind*, Updated Edition of Karl Marx Collective: *Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1998.
- International Labour Organization. *World of Work Report 2013. Repairing the Economic and Social Fabric*. Geneva: International Labour Office, 2013.
- Kalb, D. *Afterword: Globalism and Postsocialist Prospects // Postsocialism: Ideas, Ideologies and Practices in Eurasia / Ed. by C. Hann*. London, New York: Routledge, 2002. P. 317–334.
- Kalb, D., Tak, H. *Critical Junctions. Anthropology and History Beyond the Cultural Turn*. New York, Oxford: Berghahn Books, 2005.
- Kalb, D. *Introduction // Anthropologies of Class. Power, Practice, and Inequality / Ed. by J. Carrier, D. Kalb*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 1–27.
- Klein, C. H., Mitchell, S. T., Junge, B. *Naming Brazil's Previously Poor: 'New Middle Class' as an Economic, Political, and Experiential Category // Economic Anthropology*. 2018. № 5 (1). P. 83–95.
- Kolesnikov, A. Michail Dmitriev: *Peremeny neizbezhny i istoricheski neovratimy [Changes are inevitable and historically unavoidable] // Novaya Gazeta*. 2011. 31. August. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/08/30/45676-mihail-dmitriev-171-peremeny-neizbezhny-i-istoricheski-neotvratimy-187> [accessed 27 March 2018].
- Kordonskij, S. *Soslovnaja Struktura Postsovetskoj Rossii [Estate-based structure of Post-soviet Russia]*. Moscow: Institut Fonda Obshestvennoe Mnenie, 2008.
- Lawler, S. *Afterword. Thinking and Rethinking Class // Rethinking Class in Russia / Ed. by S. Salmeniemmi*. Farnham: Ashgate Publishing, 2012. P. 257–266.
- Ledeneva, A. V. *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Lipset, S. M. *Some Social Requisites of Democracy. Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review*. 1959. № 53 (1). P. 69–105.
- Maleva, T. M. *Rossiyskiy Sredniy Klass. Vchera, Segodnya, Zavtra [The Russian Middle Class: Yesterday, Today, Tomorrow] // Institut Sovremennogo Razvitiya (INSOR). Diskussiya o Srednem Klasse. Sredniy Klass. Problemy Formirovaniya i Perspektivy Rosta*. Moscow, 2008.
- Marx, K. *Das Kapital: Kritik der politischen Oekonomie. Buch I: Der Produktionsprozess des Kapitals [Capital. A Critique of Political Economy. Vol. I: The Process of Production of Capitals] // Marx Engels Werke*. Bd. 23. Berlin: Dietz, 1962.
- Marx, K. *Theorien über den Mehrwert. Vierter Band des 'Kapitals' [Theories of Surplus Value. Vol. IV of Capital] // Marx Engels Werke*. Bd. 26/2. Berlin: Dietz, 1967.
- Medvedev, D. A. *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju Rossiskoj Federacii [Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation] // 2008*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1968> [accessed 15 November 2018].
- Moore, B. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. London: Allen Lane/Penguin, 1966.
- Moshaew, P. *Regionen Rußlands. Gewinner und Verlierer im Transformationsprozeß im Zuge der Globalisierung [Winners and Losers in Global Processes of Transformation.] // Forschungsstelle Osteuropa Bremen: Arbeitspapiere und Materialien. Gewinner und Verlierer post-sozialistischer Transformationsprozesse. Beiträge für die 10. Brühler Tagung junger Osteuropa-Experten*. 2002. № 36. P. 101–105.
- Mrowczynski, R. *Im Netz der Hierarchien. Russlands Sozialistische und Postsozialistische Mittelschichten*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010.
- Müller, M. *In search of the Global East. Thinking between North and South // Geopolitics*. 2019, forthcoming.
- Piketty, T. *Capital in the Twenty-First Century*. London, Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2014.
- Polanyi, K. *The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time*. Boston: Beacon Press, 2001 [1944].
- Putin, V. V. *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju Rossiskoj Federacii [Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation] // 2007*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24203> [accessed 15 November 2018].



Putin, V.V. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju Rossiskoj Federacii [Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation] // 2012. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> [accessed 15 November 2018].

Putin, V.V. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju Rossiskoj Federacii [Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation] // 2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> [accessed 15 November 2018].

RIA Novosti. Rejting Regionov Rossii po Zarplatam 2017 (Income Rating of Russian Regions 2017) // RIA Novosti. 2017. URL: <http://riarating.ru/infografika/20171207/630078217.html> [accessed 15 November 2018].

Remington, T.F. The Russian Middle Class as Policy Objective // *Post-Soviet Affairs*. 2011. № 27 (2). P. 97–120.

Rosenfeld, B. Reevaluating the Middle-Class Protest Paradigm. A Case-Control Study of Democratic Protest Coalitions in Russia // *American Political Science Review*. 2017. № 111 (4). P. 637–652.

Salmenniemi, S. Introduction. Rethinking Class in Russia // *Rethinking Class in Russia* / Ed. by S. Salmenniemi. Farnham: Ashgate Publishing, 2012. P. 1–22.

Samson, I., Krasnikova, M. The Middle Class in Russia. An Emerging Reality or an Old Myth // *Russian Social Science Review*. 2014. № 55 (5). P. 42–64.

Shkaratan, O., Yastrebov, G. Russian Neo-etacratism and its Stratification // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2010. № 26 (1). P. 1–24.

Sibirskaya, E., Khokhlova, O., Eldyaeva, N. Statistical Evaluation of Middle Class in Russia // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. № 6 (36). P. 125–134.

Siegert, J. Abseits von Moskau — die etwas andere Mittelschicht // *Forschungsstelle Osteuropa Bremen: Russlandanalysen*. 2013. № 267. P. 29–31.

Seidl, G. Die neuen Mittelklassen in Ecuador und ihre Rolle im gesellschaftlichen und politischen Transformationsprozess [The New Middle Classes in Ecuador and their Role in Social and Political Processes of Transformation]. Vienna: Masterarbeit an der Universität Wien, 2017.

Smith, G. Through a Class Darkly, but then Face to Face: Praxis Through the Lens of Class // *Anthropologies of Class. Power, Practice, and Inequality* / Ed. by J. Carrier, D. Kalb. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 72–88.

Thelen, T. Privatisierung und soziale Ungleichheit in der osteuropäischen Landwirtschaft [Privatisation and Social Inequality in Agriculture in Eastern Europe]. Frankfurt am Main: Campus-Verlag, 2003.

Tikhonova, N.E. Model' Subjektivnoj Stratifikacii rossijskogo obshchestva i ee dinamika [A Model of Subjective Stratification of Russian Society and its Dynamics] // *Vestnik obshchestvennogo mnenija* [The Russian Public Opinion Herald]. 2018. № 1–2 (126). P. 17–29.

Trading Economies. Russia Home Ownership Rate // *Trading Economies*. 2016. URL: <https://tradingeconomics.com/russia/home-ownership-rate> [accessed 15 November 2018].

Verdery, K. What Was Socialism, and What Comes Next? // *What Was Socialism, and What Comes Next?* / Ed. by K. Verdery. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 330–337.

Wacquant, L. Making Class: The Middle Class(es) in Social Theory and Social Structure // *Bringing Class Back In: Contemporary and Historical Perspectives* / Ed. by R. Levine et al. Boulder: Westview, 1991. P. 36–64.

Wimmer, A., Glick Schiller, N. Methodological Nationalism and Beyond: Nation-state Building, Migration and the Social Sciences // *Global Networks*. 2002. № 2 (4). P. 301–334.

Wolf, E., Eriksen, T. *Europe and the People Without History*. With a New Preface. Berkeley: University of California Press, 2010 [1982].

Yeltsin, B. Poslanie Prezidenta Rossii Borisa El'cina Federal'nomu Sobraniju RF [Presidential Address to the Federal Assembly] // 1995. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_o_dejstvennosti_gosudarstvennoj_vlasti_v_rossii_1995_god.html [accessed 15 November 2018].

Yurchak, A. *Everything Was Forever, Until It Was No More*. Princeton: Princeton University Press, 2005.

DOI: 10.19181/inter.2018.16.1

В поисках «морской свинки»? Проблемы исследования «среднего класса» в России

Бернард Бегеманн*

*** Бегеманн Бернард — аспирант Венского университета, Департамент социальной антропологии, a1408333@unet.univie.ac.at**

После распада Советского Союза российское общество претерпело многие исторические изменения. После переломов 1990-х, начало 21-го столетия можно описать как время экономического роста и стабилизации. Этот период социально-экономических перемен часто интерпретируется как время зарождения «среднего класса», ускоряющего переход от социалистического общества к капиталистическому. Однако, в то время как некоторые исследователи выделяют неопределенный сегмент общества, относящийся к «среднему классу», опираясь на описательные критерии, другие ставят под вопрос применимость аналитической категории «средний класс» к современному российскому обществу в принципе. В данной главе, основанной на материалах продолжающегося в г. Москва исследования, рассматривается конвенциональная онтология класса и указывается на неопределенность этого понятия, основанного преимущественно на результатах антропологических полевых исследований. В качестве продуктивного для выявления социальной динамики подхода в статье проводится различие между формалистским и субстантивистским использованием термина «средний класс», и демонстрируется необходимость нового языка описания, который бы отражал это различие. Эти аргументы иллюстрируются двумя этнографическими примерами. Данное исследование призвано внести вклад в текущие антропологические дебаты по поводу классов в постсоциалистических обществах.

Ключевые слова: средний класс, российское общество, классовая антропология, постсоциализм, социальная мобильность.

Границы условны? Тезисы об исследовательских практиках и нормах

DOI: 10.19181/inter.2018.16.2

Анна Стрельникова*

Данное размышление является предисловием к материалу Д. Рогозина и А. Ипатовой и приглашением к дальнейшему диалогу.

Ключевые слова: исследовательские практики, этика, интервью

Несколько лет назад мы с моей коллегой Е. Полухиной выступали на семинаре перед западными коллегами. Мы рассказывали об онлайн-сообществах дарообмена и о тех методических приемах и находках, которые нами использовались для доступа в поле и для сбора данных¹. Одной из наших находок была идея «целевой» коммуникации с членами сообщества. «По сценарию» онлайн-дарообмена сначала люди онлайн договариваются о том, где и как они смогут встретиться, а затем встречаются и передают вещь из рук в руки, т.е. для них такой формат ожидаем и привычен. Поэтому мы решили подстроиться под этот формат: сначала договаривались о дарообмене, а затем, уже при встрече, сообщали дарителю, что хотели бы провести с ним интервью. И, получив согласие, приступали к беседе. На удивление, озвученная схема вместо одобрения вызвала серию критики. Оказалось, что мы, по мнению участников семинара, не соблюдали этические принципы исследования, так как уже в самом начале онлайн-коммуникации (до личной встречи), обязаны были сообщить о том, что являемся социологами. Этот случай показал, насколько разными могут быть нормативные ожидания по поводу типовых исследовательских ситуаций и проявляемой в них свободы. Иначе говоря, поисковый характер исследовательских практик подразумевает и наличие многочисленных «минных полей» на исследовательском пути: от рисков не собрать запланированные данные до рисков собрать их не так, как ожидается.

В ходе полевого интервью к таким «минным полям» нужно быть готовым, поскольку «согласие респондента на интервью, это только “согласие” — “поднятый шлагбаум”, за которым, неизвестно, что ждет интервьюера» (Штейнберг, 2017). Штейнберг приводит в пример такие «минные поля», как нарушение табу и культурных кодов, излишняя или недостаточная информированность исследователя, неконгруэнтность, ловушки эмпатии и невыполненных обещаний, подчеркивая, что список не исчерпан. На мой взгляд, в сегодняшней реальности одним из «минных полей» становятся этические требования и регламентация их соблюдения.

Сейчас в российской практике появились этические комиссии, прохождение которых валидирует этическую чистоту инструментария и различных процедур проекта. Появились

¹ Результаты этого исследования см., например: (Polukhina E., Strelnikova A, 2015).

* Стрельникова Анна — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. astrelnikova@hse.ru

и образцы информированных согласий и других этических документов. Но вопросы исследовательских границ, поведенческих и методических предписаний, их эффективности и обоснованности не теряют актуальности. Приведу еще один пример: недавно наш исследовательский коллектив заказывал часть полевых работ у регионального подрядчика. Исследование было подкреплено этическими документами, среди которых был бланк информированного согласия. Его полагалось зачитать респонденту в начале интервью после преамбулы. И обнаружилось, что некоторые интервьюеры никак не могли взять в толк, в чем функция этого согласия: ведь они имели перед собой лист с именем информанта и его контактными данными, и буквально за несколько минут до интервью делали сверку квотного задания (тот ли человек пришел, соответствует ли критериям), т.е. оба — и информант, и интервьюер — понимали, что они уже не анонимны *друг для друга*, а в бланке согласия звучало про анонимность и про то, что в ходе интервью информант может называться любым псевдонимом. В итоге некоторые интервьюеры просто ритуализировали (Мертон, 2006) практику зачитывания согласий, не усвоив при этом норму, лежащую в ее основе. Еще сложнее дело обстояло с самими информантами: в некоторых ситуациях мы отказывались от использования полученных данных в своих презентациях, так как не всегда были уверены в том, действительно ли информанты, хоть и подписавшие согласие, понимали, каким образом могут использоваться исследовательские материалы.

Приведенные примеры показывают, что реальная исследовательская практика иногда входит в противоречие с правилами, по которым выстраивалась модель этой практики, причем это присуще различным профессиональным сообществам (Корбут, 2016). Но возможна ли какая-либо дискуссия по поводу правил, или это необсуждаемый канон? Д. Рогозин и его коллеги не отвечают на этот вопрос напрямую, но предлагают драматургическую форму подачи, написав «пьесу» вместо научной статьи. В пьесе и комментариях по ее поводу этическая коллизия по поводу согласия информантки стала только одним из фоновых элементов, в основе же обсуждения лежит анализ разговора-во-взаимодействии (Турчик, 2010) и сопутствующая исследовательская рефлексия. Транскрипт интервью с тетей Велей используется не для анализа содержания, а для описания структуры коммуникации в ситуации этнографического интервью: демонстрации того, как устанавливается коммуникация, как происходит ее «ремонт», т.е. диалог преподносится вместе с деталями действий, предпринимаемых собеседниками. Подчеркивается тезис о том, что интервьюер должен стремиться к поддержанию естественно протекающего взаимодействия (Корбут, 2015) без институциональных вмешательств, что и выступает обоснованием «интуитивного» получения согласия от информанта². Мне кажется, что дальнейшее рассмотрение данного сюжета могло бы стать стартовой точкой для дискуссии о том, как извлечь на поверхность неписанные нормы или непроговоренное [не]приятие этих норм, и как найти баланс между интуитивным и формальным. Ведь правила, которые очерчивают различные сферы ответственности исследователя, являются одной из основ профессиональной деятельности и солидарности. Но при одном допущении: если они рефлексивно разделяются членами сообщества, а не ритуализируются.

Литература

Корбут А. М. Говорите по очереди: нетехническое введение в разговорный анализ // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 120–141.

Корбут А. М. Шаблон в структуре действия: электронные медицинские карты и рутинизация в медицинской практике // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 1. С. 34–53.

² Тем не менее, редакционная коллегия журнала и автор этой заметки не разделяют точку зрения Д. Рогозина и его коллег по поводу приемлемости данного варианта разрешения этической коллизии.



Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой, и др.; науч. ред. З. В. Каганова. М.: АСТ, Хранитель, 2006. С. 246–272.

Polukhina E., Strelnikova A. Exploring the Russian Online Gift-Exchange Communities: the Results of Nethnographic Approach // *The Qualitative Report*. 2015. Vol. 20. No. 12. P. 2041–2049.

Турчик А. В. Конверсационный анализ речевого взаимодействия в ситуации исследовательского интервью. Дисс. ... к. соц. н. М.: Российский университет дружбы народов, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.knigi-x.ru/22istoriya/583792-2-konversacionniy-analiz-rechevogo-vzaimodeystviya-situacii-issledovatel'skogo-intervyu.php> (дата обращения: 07.10.2018)

Штейнберг И. Как полевые интервьюеры «спасают поле» или «коммуникационные мины» в интервью // Социолог в поле. Авторский блог И. Штейнберга. Запись от 14.12.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://fieldsociology.blogspot.com/2017/12/blog-post.html> (дата обращения: 07.10.2018)



DOI: 10.19181/inter.2018.16.2

Are the boundaries conditional? Theses on research practices and standards

Anna Strelnikova*

* **Strelnikova Anna** — *Candidate of Sciences (PhD) in Sociology, Associate Professor in Sociology at The National Research University Higher School of Economics (HSE), and Senior Researcher at Institute of Sociology, FCTAS RAS.* astrelnikova@hse.ru

This reflection is a preface to the material by D. Rogozin and A. Ipatova, and also it is an invitation to further dialogue.

Keywords: research practice, ethics, interview

References

Korbut A. (2015) Govorite po ocheredi: netekhnicheskoye vvedeniye v konversatsionnyy analiz [Turn-Talking: Non-technical Introduction to Conversation Analysis]. *Russian Sociological Review*, vol. 14, no 1, pp. 120–141.

Korbut A. (2016) Shablon v strukture deystviya: elektronnyye meditsinskiye karty i rutinizatsiya v meditsinskoypraktike [A Template in the Structure of Action: Electronic Health Records and the Routinization of Clinical Practice], *Russian Sociological Review*, vol. 15, no 1, pp. 34–53.

Merton R. (2006) Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura [*Social theory and social structure*]. Translated by E. Egorova et al; ed by E. Kaganov. Moscow: AST, pp. 246–272.

Polukhina E., Strelnikova A. Exploring the Russian Online Gift-Exchange Communities: the Results of Nethnographic Approach // *The Qualitative Report*. 2015. Vol. 20. No. 12. P. 2041–2049.

Turchik A. V. (2010) Konversatsionnyy analiz rechevogo vzaimodeystviya v situatsii issledovatel'skogo interv'yū [Conversion analysis of speech interaction in a situation of a research interview]. Phd thesis. Moscow: RUDN. URL: <http://doc.knigi-x.ru/22istoriya/583792-2-konversacionniy-analiz-rechevogo-vzaimodeystviya-situacii-issledovatel'skogo-intervyu.php> (accessed at: 07.10.2018)

Shteinberg I. (2017) Kak polevyye interv'yuyery «spasayut pole» ili «kommunikatsionnyye miny» v interv'yū [How field interviewers “save the field” or “communication mines” in an interview]. *Sociologist at the field. Author' blog*. Post at 14.12.2017 URL: <http://fieldsociology.blogspot.com/2017/12/blog-post.html> (accessed at: 07.10.2018)

Этнографическое интервью: научная пьеса в двух действиях и способ ее интерпретации

DOI: 10.19181/inter.2018.16.3

Дмитрий Рогозин*

В статье предлагаются к обсуждению особенности этнографического интервью как специфического формата исследовательской коммуникации. Представляется, что этнографическое интервью — это не просто устное взаимодействие участников коммуникации, но и последующая интерпретация коммуникативных ситуаций, аналитическая переработка полученного нарратива в структурированные схемы и графики, с подробными дополнительными описаниями. Предложен авторский вариант представления этнографического интервью в виде научной пьесы из двух действий по четыре явления в каждом. Научная пьеса — это, с одной стороны, стилизованная обработка реальной коммуникации, и реплики действующих лиц почти не отличаются от транскрипта интервью. С другой стороны, это пространство для научной дискуссии и образовательной практики, поэтому в пьесу введена роль комментатора, который помогает сконструировать научное оформление пьесы в виде теоретических и методических акцентов на базе диалогов основных действующих лиц. В статье также обсуждаются варианты структурирования и интерпретации этапов этнографического интервью на примере представленной научной пьесы.

Ключевые слова: этнографическое интервью, роль интервьюера, полевой интервьюер, исследовательская коммуникация, диалогичное общение, вопросо-ответная коммуникация, научная пьеса

Идея научной пьесы об этнографическом интервью

Этнографическое интервью — это особый вид разговора, направленный на производство теоретических различий о тех или иных культурных нормах, порядках и практиках. «Коммуникативная машина» этнографического интервью состоит из трёх основных элементов: локализация информантов, коммуникативные навыки и аналитические приёмы (рис. 1).

Локализация информантов — это отбор характеристик людей, которые будут информантами, выбор ключевого информанта, выступающего проводником между исследователями и исследуемым миром, объяснение правил исследования его участникам.

Коммуникативные навыки — это умение поддерживать беседу, весьма близкую к повседневным разговорам и, одновременно, имеющую определенную цель, направленность, со структурно заданными ролями задающего вопросы и отвечающего на них. Мы выделяем четыре базовых навыка: (1) установление отношений, или знакомство; (2) уточняющие вопросы; (3) поддержание нарратива; (4) управление контекстом (см. подробнее: (Рогозин, 2018)).

* Рогозин Дмитрий — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. d.rogozin@list.ru



Рис. 1. Методология этнографического интервью

Этнографическое интервью — это не только особая техника ведения разговора, но и приемы его анализа и представления другим. Поэтому уже в ходе разговоров с информантами производится теоретическая работа, вырабатывается и калибруется оптика для описания и представления материала в форме теоретического письма. Ключевым приёмом выступает построение теоретической рамки. Именно задаче построения общей теоретической схемы подчинены: (1) поддержание нарратива, или детальное раскрытие фактологического, эмоционального и этического фона важнейших событий прошлого; (2) управление контекстом, или включение в беседу третьих лиц, разнообразие речевых практик; (3) поддержание незаконченности диалога, сохранение ощущения незавершенности исследования. В словах собеседника интервьюер пытается обнаружить аутентичные описания событий и действий его культурных миров (Roulston, 2010: 19). Представленные в естественной обстановке, они должны быть восприняты и не искажены теоретическими схемами, привнесёнными из других культурных контекстов.

Этнографическое интервью — это череда незавершенных этнографических текстов, сначала представляющих собой бриколаж из устных или транскрибированных форм, заметок, зарисовок и фотографий, а затем структурирующихся в схемы и графики с подробными дополнительными описаниями.

Навыки, необходимые для проведения этнографического интервью, крайне сложно выработать по книгам, инструкциям и советам, без личного проживания ситуации «в поле». Поэтому мы предлагаем интерактивный формат описания (и проживания) ситуации этнографического интервью в виде научной пьесы, в которой наблюдающий будет непосредственным ее участником. Научная пьеса — это, с одной стороны, театрализованная «обработка» реальной коммуникации, с другой — пространство для научной дискуссии, образовательной практики. За первое отвечают реплики участников стилизованного интервью (тёти Вели, Лены, Нади и Василя), лишь немногим отклоняющегося от транскрипта полевого интервью: проведено минимальное редактирование, сокращение нарративов, концентрация релевантных для представления интервью смыслов. За вторую особенность научной пьесы отвечают реплики Комментатора. Последний радикальным образом отличается от привычных исполнителей. Он не играет роль, не повторяет заученный текст, не следует предзаданным инструкциям. Комментатор — не актёр, а научный работник, раскрывающий известные ему техники этнографического интервью в отведенное для этого время.

Пьеса состоит из двух действий, каждое из которых делится на четыре явления. Реплики участников пьесы пронумерованы (в квадратных скобках после имени говорящего), что позволяет ссылаться на них в других сопутствующих текстах. В течение пьесы чаще всего высказывалась Надя: 93 реплики. Однако её реплики — самые короткие, часто состоят из одного-двух подтверждающих междометий: «угу, ага». Тётя Веля произнесла 88 реплик, Лена — 54, Василий — 4 и Комментатор — 6. Реплики Комментатора не определены в базовом тексте пьесы, они включены в авторский комментарий, представленный ниже. Таким образом, каждое исполнение научной пьесы типично по структуре и диалогам участников интервью, но уникально по репликам Комментатора.

Объяснения, опирающиеся на актёрскую игру, интерпретации коммуникативных ситуаций, теоретические вопросы и ответы о технологических особенностях интервьюирования — три составляющие успешного исполнения научной пьесы, основная цель которой — обучение основам этнографического интервью и обозначение границ этого метода в социальных и культурных исследованиях.

Далее представлен текст пьесы, а вслед за ним — размышления по поводу её интерпретации.

НАУЧНАЯ ПЬЕСА

Л И Ц А

ТЁТЯ ВЕЛЯ, Авелина Прокопьевна, 75 лет, живёт в Синиках с рождения; сейчас одна, муж умер несколько лет назад, дочь трагически погибла в пятилетнем возрасте, взрослый сын с семьей живут в городе.

ЛЕНА, племянница тёти Вели, чуть старше 55 лет, недавно вышла на пенсию, но продолжает работать учителем литературы в школе. Собрала материалы и написала книгу об истории родного села. Помогает тёте Веле, навещает её.

НАДЯ, полевой интервьюер, чуть старше 30 лет, приехала в Синики брать этнографические интервью. Светловолосая, в потертых джинсах и вязаном свитере. Ходит в валенках, которые нашла за печкой в доме Василия.

ВАСИЛИЙ, ключевой информант, чуть старше 60-ти, коренной житель деревни, еще в молодости переехавший в другой регион. Знакомит и представляет жителей, является проводником полевых интервьюеров в сельский мир.

КОММЕНТАТОР, любой профессиональный полевой интервьюер, готовый поделиться опытом и рассказать об особенностях этнографического интервью. Его монологи могут быть построены как фрагменты лекции, семинара или тренинга. Он может инициировать дискуссию или давать задания. Единственное ограничение — время. На протяжении пьесы Комментатору дается несколько не очень продолжительных реплик. Исходя из общей длительности пьесы, было решено ограничить общее сценическое время реплик Комментатора тридцатью минутами. Каждая реплика Комментатора логически встроена в канву изложения, в его ключевые эпизоды. Всего таких вставок шесть, соответственно, продолжительность каждой — около 5 минут.

Комментатор не общается с остальными героями, наблюдая со стороны за происходящим, комментируя и акцентируя внимание на особенностях интервью. Речь Комментатора построена на личном опыте и публикациях об этнографическом интервью. Он говорит спонтанно, импровизирует, комментирует прозвучавшие диалоги, рассказывает собственные истории или отсылает к публикациям других авторов. Задача Комментатора — в отведенное время раскрыть методические и методологические особенности этнографического интервью. Комментатора могут играть несколько человек.

Речь участников пьесы представлена «как есть», со всеми просторечиями, оговорками и ошибками.



Действия проходят в деревне Синики Устьянского района Архангельской области, «на краю света» (по словам жителя поселка Октябрьский, районного центра, расположенного в 170 км к юго-западу от деревни). Снежный декабрь 2017-го, оттепель.

В левом углу сцены стоит стул, на котором сидит, временами стоит, автор пьесы. Стул нарочито отличается от остальных декораций, подчеркивая иное пространство. Во время монологов Комментатора, общий свет гаснет, и прожектор выхватывает лишь небольшой участок вокруг говорящего.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Деревенская изба-пятистенок. В углу слева топится русская печь. Пара полешек, прислоненная кочерга. Железная кровать справа, стол, иконка в углу. Белые занавески с рюшечками. Домотканый половик стелется от порога к самому столу.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

На д я и В а с и л и й заходят в избу, нагибаются, чтобы не удариться об осевший от времени дверной проём. Т ё т я В е л я сидит на маленьком стульчике. Готовится обед: томятся щи, варится картошка с мясом.

Т Ё Т Я В Е Л Я [1]: Кто это там стучит-то всё?

Н А Д Я [1]: Здравствуйте! Т ё т я В е л я?

Т Ё Т Я В Е Л Я [2]: Здравствуйте!

Н А Д Я [2]: А можно с вами поговорить?

Т Ё Т Я В Е Л Я [3]: А чего со мною поговорить? Я чего вам скажу-то? Бабка старая, чего-то.

Н А Д Я [3]: Нет, мы просто...

Дверь открыта. Веет холодом, и тетя Веля на полуслове обрывает Надю.

Т Ё Т Я В Е Л Я [4]: Ну закройте дверь-то, да проходите. Зайдите тогда. Чего вы хотели?

Н А Д Я [4]: Мы просто приехали, разговариваем.

За Надей входит В а с и л и й.

В А С И Л И Й [1]: Здравствуйте!

Т Ё Т Я В Е Л Я [5]: Здравствуйте. Возьмите табуреточку. Сам (повелительно). И сядьте туда.

В А С И Л И Й [2]: Ай, я сейчас сяду.

Т Ё Т Я В Е Л Я [6]: Ну, чего вы хотели-то?

Н А Д Я [5]: Мы просто... Да вы идите (обращается к Василию).

Т Ё Т Я В Е Л Я [7]: Пусть сидит, вы чего на мороз-то гоните (ха-ха) человека? (Общий смех.)

Н А Д Я [6]: Не, ему там надо пойти печку, чё-то там сделать.

Т Ё Т Я В Е Л Я [8]: А кто это?

В А С И Л И Й [3]: Я Василий.

Т Ё Т Я В Е Л Я [9]: А-а-а, сейчас-то узнала!

В А С И Л И Й [4]: Лины Петровны и Алексей Василича сын.

Т Ё Т Я В Е Л Я [10]: А-а-а! Дорогой! Щас-то я узнала, очки-то у меня свалились, я и не вижу. Щас-то вижу! О-ох! (Поворачивается к Наде.) А вы-то откуда?

Н А Д Я [7]: Да, ему просто надо пойти, чего-то там по хозяйству сделать.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [11]: Ой, да я вас недолго задержу-то! Я ничего не знаю, ничего не могу сказать, не вижу, insult у меня был. Видишь, какая я, хожу-то — еле-еле душа в теле дак... Не знаю. Спросите чего, может скажу. Только мне кажется, ничего...

В а с и л и й кивает и, тихо прикрыв дверь, уходит.

НА ДЯ [8]: Так не-ет, это же не то что там... Мы приехали и просто разговариваем с пожилыми людьми о жизни.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [12]: Ой жизнь. Жи-изнь (протяжно, с понижающей интонацией, со вздохом).

Общий свет гаснет. Проектор выхватывает стул, на котором сидит К о м м е н т а т о р.

КОММЕНТАТОР [1]: Знакомство как базовый коммуникативный элемент этнографического интервью. Узнавание друг друга. Транспарентность позиции интервьюера. (Пять минут выступления.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Включается общий свет. Тётя В е л я кивком головы показывает на стул. Н а д я присаживается на краешек предложенного стула. Она всё ещё в куртке. Наклоняется чуть вперед по направлению к хозяйке дома. Тётя В е л я привстаёт, пошарив ногами тапки, вновь располагается на небольшом стульчике.

НА ДЯ [9]: Ну просто, вот, например, как вы... Вы сами отсюда?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [13]: Да.

НА ДЯ [10]: Здесь родились прям?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [14]: Да.

НА ДЯ [11]: А родители?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [15]: И родители здесь?

НА ДЯ [12]: А родители родителей (говорит со смехом)?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [16]: И родители родителей здесь (улыбается).

НА ДЯ [13]: Все прям отсюда?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [17]: Да, мы все отсюда родом.

НА ДЯ [14]: А чего, не хотели уехать?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [18]: Никто ничего. Раньше я хотела уехать (проглатывая слова), когда закончила школу, у меня ни паспорта, ничего, из колхоза. Колхоз тогда был дак. Ничего не разрешали дать.

НА ДЯ [15]: Паспорта у вас не было.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [19]: Да, и паспорта не было. Ничего.

В комнате жарко. Н а д я снимает куртку.

НА ДЯ [16]: (Тихим голосом.) А можно там повесить?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [20]: (Тоже приглушая голос.) Дверь там откройте, занавесочку-то... (Далее обычным голосом.) Ой, а я вас хотела сразу выгонять! Ха-ха-ха! Ой, извините уж меня. Я ведь еле шевелюсь, так я ничему и не рада, простите!

НА ДЯ [17]: Да ничего страшного. Ну, э, вы в колхозе работали?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [21]: Ну, сначала я в колхозе. Я ведь не, я мало училась, семь классов только кончила, и у меня одна мать. Нас пятеро. (Пауза.)

НА ДЯ [18]: У-у.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [22]: Отец погиб на войне. Некогда было учиться-то. (Пауза.)

НА ДЯ [19]: Угу.



ТЁТЯ ВЕЛЯ [23]: Я работала в совхозе-то вот, молоденькой девушкой два года. Потом я все-таки уехала на Украину. (Пауза.)

НАДЯ [20]: Хм.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [24]: Там у меня сестра старшая. Мне достали паспорт, всё это сделали, и я всё равно там прижиться не могла — мне мамку жалко было.

НАДЯ [21]: А она здесь осталась?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [25]: Мамка здесь осталась. Она все скота кормила, дом это, двор у нас большой, колхозного скота кормили. Мне её жалко. Я там полгода где-то пожила и всё равно выехала обратно. И вот потом всё дома и жила. 21 год отработала у нас на заводе. У нас был свой маслозавод. 21 год проработала, потом у меня... (Осекается, машет рукой.) Да что я вам всё подробности-то... Дочка утонула, (понижая голос) у меня с сердцем... (дрожащим голосом) плохо стало. (Пауза.)

НАДЯ [22]: Угу.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [26]: (тихим голосом) Я потом... (неразборчиво, проглатывая слова) потом перешла на почту почтальоном. Последние 14 годов я работала почтальоном. Вот вся моя жизнь.

НАДЯ [23]: А сколько вам лет сейчас?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [27]: Мне сейчас 75.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Общий свет гаснет. Проектор выхватывает стул, на котором сидит Ко м м е н т а т о р.

КОММЕНТАТОР [2]: Особенности уточняющих вопросов. Недирективность реплик интервьюера. Трансформация разговора в сторону нарративности повествования респондента и редукции реплик интервьюера до минимальных речевых форм — междометий, подтверждающих активное слушание речевых конструкций. (Пять минут выступления.)

Ко м м е н т а т о р ещё не закончил говорить, гаснет проектор. Он продолжает в темноте, и, когда заканчивает, включается общий свет.

НАДЯ [24]: А вы, э-э-э, ваша сестра как оказалась на Украине?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [28]: Сестра оказалась как на Украине? У нас дядя был, военный, мамы брат. Он был военный и почему-то вот он оказался... Сначала в Котласе жил. С Котласа его куда-то отправили, потом на Украину вот отправили, в Черновцы. Вот он там жил. Потом Настенька, это наша сестра. (Задумалась, замолчала.) Пришел парень её из армии, женились, и тоже на Украину, к этому дяде вот. Потом этот колхоз — делать нечего, работы нет, и они вот туда уехали. И у нас все там. И потом брат мой, старший, уехал тоже на Украину, прижился. Мы две сестры младших не могли прижиться на Украине, и та выехала. Та шесть годов жила. Да, и я домой поехала, и она ни в какую не осталась. И вот вышла замуж здесь и жила и работала всю жизнь.

НАДЯ [25]: А дом этот, откуда? Как?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [29]: Этот дом мы сами лично строили, вот как женились в 59-м году, и стали дом строить. Сами его рубили. Ну, родители вот тут рядышком жили. Отец помогал, конечно. Щас родителей никого нету уж. Ни сестер, ни братьев, я одна осталась.

НАДЯ [26]: И хозяйство большое здесь держали?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [30]: Ой, хозяйство все держали. И я держала, пока мужа в лесу не ушибло. Корова была, поросенок был, все было. Потом года два подержали мы, его ушибло в лесу. Упал хлыст, ему на голову и на плечо — и отбило руку совсем, нерабочая была рука. С одной рукой остался, с молодых годов, 27 годов ему было. Я вот прожила с им, с инвалидом.

НАДЯ [27]: Угу. И он что, больше не работал?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [31]: Ну, он потом по возможности покочегарит да посторожит, да, так, немножко. С одной рукой дак чего он мог? Ничего он не мог. Голова часто болела. Вот так и прожили.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Там же. Тётя Веля вздыхает, отводит голову в сторону. Глаза слезятся, и она вытирает их кончиком головного платка.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [32]: Я девочку родила, в 60-м году, доченьку. А в 65-м утонула, пяти годиков. Так воды боялася всё. Ходила с отцом вот. Отец-то не работал, он её всё и... (осекается, молчит). Ходили с ей. А тут вот приехали из города гости и на рыбалку позвали его, и они все пошли на рыбалку, а дочку-то оставили вот с бабулей. Ой (тяжело вздыхает), а у бабули приехали ещё две дочери из Архангельска. Гости были, как тётушки это, у моей Аленьки. Вот они и взяли её на реку. И недосмотрели. Вот сейчас этот парень жив, который её завел... Он тоже мало её постарше. (Говорит про себя, неразборчиво, осекается.) Нашей тоже мало, но она очень была смышлёная, умная. Она сама уже. Вот гости приехали, она не ходила день-два в садик-то. (Смотрит на Надю и видит диктофон.) А там, наверное, всё записывается, я догадалась! Всю-то ерунду-то говорю, о-о-о, ужас! Смешно ведь там кому будет.

НАДЯ [28]: Нет. Это важно для многих.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [33]: Но вся это истинная правда.

НАДЯ [29]: А больше не получилось, да, родить?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [34]: Нет, родила ещё сына, вот сейчас сын ещё есть. Сын хороший, тоже, очень беспокоится вот сейчас, какая я стала, и меня все дни зовет, когда приехать, забрать... А мне-то в город и не очень хочется. У них-то бы и очень хорошо, и комната мне есть, и всё бы есть, но... всё равно не дома.

НАДЯ [30]: Да!

ТЁТЯ ВЕЛЯ [35]: Вот всего жалко, как, домик свой останется пустой.

НАДЯ [31]: Ну, конечно. Сами же строили.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [36]: Да.

НАДЯ [32]: Жалко, всё знакомое. У вас здесь не выкипит? (Показывает на плиту, на которой стоит кастрюля с водой.)

ТЁТЯ ВЕЛЯ [37]: Да нет.

НАДЯ [33]: Угу. (Пауза.) А муж у вас давно умер?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [38]: А муж давно, уже 16 годов.

НАДЯ [34]: То есть это, получается, лет в 60 он умер? В 2001-м он умер. А сколько ему лет было?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [39]: 64.

НАДЯ [35]: 64, да получается, что ещё молодой.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [40]: Да, молодой. Эх (протяжно, со вздохом). Ну это у него от ушиба пошло всё это, закупорка такая, съездил, операцию сделали, на ноге там чего-то вытягивали эти, вены. Ну после того что, пожил 6 годов, а потом всё равно, скоропостижно, вот тут у меня и умер.

НАДЯ [36]: Угу.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [41]: Быстренько. Не думала я, конечно, я нисколько не готова была к этому. Он сходил на улицу. Вечером сказал, не ходи на улицу, я все двери закрыл, всё уже. Только зашёл, (неразборчиво), а я тут как-то стояла рядом, только сказал: «Вот как, Веля, меня-то!» Указал и упал. Всё. Больше ни словечка. Ничего. (Встаёт. Подходит



к кастрюлям, приподнимает крышку, помешивает и возвращается.) Вот такая всё моя жизнь, никудышная. Не жизнь, а существование. Вам кто ко мне-то посоветовал? Вася?

Н А Д Я [37]: Да! (Смеется.) А вы сейчас, у вас есть огород сейчас?

Т Ё Т Я В Е Л Я [42]: Огород сей год вообще ничего не садила, огород есть. Но сей год у нас было, у меня вообще сырой огород, а сей год вообще, дождливое лето-то было. Ко мне трактор подъехал пахать, застрял, уехал, и всё. И с концами. Ничего не садила. Ой (вздыхает).

Н А Д Я [38]: А скотину вы перестали держать как вот... как мужу...

Т Ё Т Я В Е Л Я [43]: Да вот мужа как ушибло в 63-м, да мне потом вот, как сын-то у меня родился, мы её и забросили. Ребенок маленький, муж больной, мы и бросили скотину. Всё. (Задумавшись, глубоко вздыхает.) Теперь вот, четыре года как инсульт, прихватило. Тоже, ничего не болело, ничто, хватилась — Боже мой! — рука у меня, всё, не заработала.

Н А Д Я [39]: Онемела?

Т Ё Т Я В Е Л Я [44]: Онемела, ой (вздыхает). А потом уж и западала, нога отказала. По полу западала, западала, скорую вызвали, увезли в Вельск, а там уж больше и не помню и чего. В основном мне всё сын привозит: муку, песок, растительное масло — это он всегда привозит, чтобы не носить отсюда, из магазина всё такое, что не портящее. Остальное вот здесь, хлебушек да кое-что. Вот молодцы Света и Лена, очень помогают. Не они бы, дак я бы здесь, конечно, не осталась. Мне тут никак бы, жить бы одной. Может, как-нибудь опять, лето-то как-нибудь прокручусь, а зиму-то мне что-то трудно, да, Бог даст, добрые люди, племянница немножко помогает. Вот брата жена, Светлана, осталась тоже одна, рядышком живет. Она помогает. (Пауза.) А вы Васю-то, как познакомились, через кого?

Н А Д Я [40]: Через дочку его.

Т Ё Т Я В Е Л Я [45]: А-а-а!

Н А Д Я [41]: С дочкой его мы вместе работаем, тоже научный сотрудник, вместе работаем.

Т Ё Т Я В Е Л Я [46]: Поняла. Дочка у его тоже там же, да-да-да.

Н А Д Я [42]: Вот, и мы вот приехали, ходим, разговариваем. Они к другим просто пошли.

Т Ё Т Я В Е Л Я [47]: Ну понятно.

Н А Д Я [43]: А Василий там занимается домом!

Т Ё Т Я В Е Л Я [48]: Хозяйством.

Н А Д Я [44]: Ну и нас разводит тоже, мы-то никого не знаем, а он всех знает, и вот разводит. Вот сюда идём, он говорит: так, вот здесь вот т ё т я В е л я должна жить, да-дайте зайдём. (Общий смех.)

Т Ё Т Я В Е Л Я [49]: Да.

Н А Д Я [45]: Дома нету, пойдём в следующий, там ещё кто-то живёт.

Т Ё Т Я В Е Л Я [50]: Светка, Светка там живёт, тоже вот. У нас мужа-то — братья, вот всё со Светкой-то, братья. Тоже брат-то у ей умер, тоже у неё муж, тоже 64 года было, тоже одна осталась молодая.

Общий свет гаснет. Прожектор выхватывает стул, на котором сидит К о м м е н т а т о р.

К О М М Е Н Т А Т О Р [3]: Поддержание нарратива. Углубление интервью, переключение информанта с ответов на вопросы на рассказ о жизни. Резюме трёх коммуникативных приемов этнографического интервью: дескриптивные вопросы, уточнения, поддержание нарратива. (Пять минут выступления.)

Гаснет свет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Там же. На дяди тётя Веля сидят за столом, перед ними разложены альбомы с фотографиями и пачка фотографий рассыпью из целлофанового пакета.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Включается прожектор на Ко м м е н т а т о р а, сидящего на стуле в левом углу сцены. В руках он держит книгу (Самойлова Е. Отсюда родом / Отв. ред. Н. В. Ипатова; Науч. ред. А. А. Истомин. Пос. Октябрьский: МБУК «Устьянский краеведческий музей», 2016). Он встаёт. Начинает говорить и идёт к середине сцены. Прожектор следует за ним.

КОММЕНТАТОР [4]: Управление контекстом. Сопоставление сведений из разных источников. (Пять минут выступления.)

Прожектор гаснет. Медленно включаются софиты. На дяди тётя Веля беседуют. Скрипят половицы на мосте (часть дома перед жилой избой). В избу входит Л е н а.

Л Е Н А [1]: (Открывая дверь.) Приветик!

Т Ё Т Я В Е Л Я [51]: Ой, приветик!

Л Е Н А [2]: Сумочка у тебя (обращаясь к тётя Веле)?

Н А Д Я [46]: Это я! Здравсьте! (Смеются.)

Т Ё Т Я В Е Л Я [52]: Это у меня такая гостыюшка, (с улыбкой в голосе, растягивая слова) я её не пускала, от дверей аж, двери не закрытые, гоноу. (Смеются.)

Н А Д Я [47]: Не бойтесь, так все делают!

Т Ё Т Я В Е Л Я [53]: Да? (Смех. Обращаясь к Лене.) Проходи, милая, проходи!

Н А Д Я [48]: Так все делают. А потом у всех хорошо разговариваем! (Смех.)

Т Ё Т Я В Е Л Я [54]: (Обращаясь к Лене.) Ну куртку-то сними!

Л Е Н А [3]: Не, я на минутку, тётя Вель.

Т Ё Т Я В Е Л Я [55]: А куда торопишься-то?

Л Е Н А [4]: О-о, я звонки телефонные — вчера и до позднего вечера, сегодня с раннего утра.

Т Ё Т Я В Е Л Я [56]: Понятно, понятно, что сегодня у тебя звонки будут, хе-хе!

Н А Д Я [49]: А чего, день рожденья что ли?

Л Е Н А [4]: У отца, у отца.

Л е н а раздевается, садится за стол со всеми.

Т Ё Т Я В Е Л Я [57]: Геннадия Павловича дочка, только что о ней говорила!

Н А Д Я [50]: А-а! Вы дочка!

Л Е Н А [5]: Да. (Смех.)

Н А Д Я [51]: А это вы книжку написали? (Берёт со стола книгу, смотрит.)

Т Ё Т Я В Е Л Я [58]: Да.

Л Е Н А [6]: Да. (Смеется.)

Н А Д Я [52]: А-а-а! Как интересно! Мы сегодня к нему тоже хотели зайти, мы к нему уже ходили, ещё хотели зайти.

Т Ё Т Я В Е Л Я [59]: Если что-то хотели спросить, у её спросите, всё знает. Плохо ходить! Дорогу всё перемело, так что спросите чего, она всё скажет.

Л Е Н А [7]: Да, ходить невозможно, просто кошмар, вся испроваливалась!

Н А Д Я [53]: Я хотела спросить, мы с ним поговорили, потом оказалось, что его Венедикт зовут.

Л Е Н А [8]: Да.

Н А Д Я [54]: А как так получилось? (С улыбкой.)



Л Е Н А [9]: По паспорту — Венедикт, а обиходное имя — Геннадий.

Н А Д Я [55]: А как так получилось?

Л Е Н А [10]: А вот его дедушка, Борисонька, его звал Енюшка, Венедикт — Енюшка, а потом стали Генюшка, и стал Гена (смеются).

Н А Д Я [56]: Так бы не сказали, я бы так и не знала, что его...

Т Ё Т Я В Е Л Я [60]: Это, документы все. В совхозе работала, везде «Геннадий, Геннадий Палыч» слышала.

Л Е Н А [11]: Но, тётя Веля, однажды на доску почёта фотографию повесили и внизу «Венедикт» написали. Я маленькая была, но читать-то уже умела, я прибежала домой, во всю голову реву! (Общий смех.) Папа, там твоя фотография, а чужой дяденька написан! (Общий смех.) Так что... Я начинала когда в школе работать, мне тоже один старик говорит: придумала какого-то Венедикта, а у самой батька Геннадий! (Смех.) Это я придумала, оказывается! Я говорю, он всем объясняет, что у него праздничное имя — Венедикт, будничное — Геннадий. Вот, и я Венедиктовна теперь!

Т Ё Т Я В Е Л Я [61]: Тоже это знаю.

Л Е Н А [12]: Кто назовет Венедикторовна, кто Викторовна, кто как! (Смех.)

Т Ё Т Я В Е Л Я [62]: А кто и спросит, тебе разве Геннадий-то не родной отец-то? (Смех.) И то спросят! (Смех.)

Л Е Н А [13]: Геннадий, а я Венедиктовна.

Т Ё Т Я В Е Л Я [63]: Что ж, у нас в деревне-то как бывает!

Н А Д Я [57]: Может, ему надо было поменять паспорт-то на «Геннадий»?

Л Е Н А [14]: Да, и мучиться не надо, потому что у него — где Веонидикт, где Венедикт, где Венидикт! А шас мы так же. Все дети по-разному записаны!

Т Ё Т Я В Е Л Я [64]: Кто Венеодикт, кто и...

Л Е Н А [15]: У всех разные отчества.

Н А Д Я [58]: Да.

Т Ё Т Я В Е Л Я [65]: Ой, что у меня на плите-то делается?

Т ё т я В е л я поднимается, идёт к плите. Берёт половник. Приподнимает крышку и помешивает суп. Софиты медленно гаснут.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Софиты медленно включаются. Н а д я и Т ё т я В е л я сидят за столом. Л е н а стоит рядом, намеревается уйти.

Н А Д Я [59]: А вы шас, а вы будете как-то день рождения справлять его?

Т Ё Т Я В Е Л Я [66]: Вот сейчас будем, (обращается к Лене) сиди дак!

Л Е Н А [16]: Мы обычно, как говорим, на троих соображаем. Собираемся у меня, тётя Веля придёт, тут я поближе к ней.

Л е н а садится.

Т Ё Т Я В Е Л Я [67]: Нет, не будем, Лена у меня сегодня будет.

Л Е Н А [17]: Нет, тётя Веля, ему сегодня не выбратся, ему сегодня не выбратся.

Т Ё Т Я В Е Л Я [68]: Так-то у неё всё справляем на троих.

Л Е Н А [18]: Так-то у меня собираемся, что он ко мне придёт, тётя Веля ко мне пришла, посидим отметим, все праздники так отмечаем, на троих соображаем. А сегодня папа плохо себя чувствует. Я ему даже ничего говорить не стала. Я говорю папа, я тебе праздничный обед приготовила, потом прибегу.

Н А Д Я [60]: Угу!

Л Е Н А [19]: Оладушек ему напекла, да рыбки сделала с картошечкой, он сегодня есть даже не стал, вернее не выходил, за стол не садился. Голова болит, таблетки пьёт. Он на сердце начал жаловаться. Я иду с работы... (осекается). Он вообще, утром не дал скорую вызвать, когда, ну вот, перед работой приходила. После работы зашла, он на веранде встречает, чуть ли уже не ползком на коленках — что всё! Ему так плохо, я сбегала скорую вызвала. Девочки тут же приехали, начали ему уколы делать. Вроде как полегче стало. Я хотела на ночь остаться. Он: «Мне без тебя спокойнее, не надо». А наутро прихожу — у него гора вот этих вот распечатанных таблеток (разводит руками), каких только не ел за ночь, это ужас! (Говорит очень эмоционально.) И я, значит, опять скорую вызвала. Два раза приезжали, ему уколы делали. На третий раз он говорит: «Больше не пущу, пусть не ездят». Полегче стало — и всё! Отказался! (Звучит громкий телефонный звонок.) Так и лежат уколы все и лекарства на столе. (Звонок.) Я к ним зашла перед работой, я говорю: «Девочки, не ездите, всё, он такой, что если он сказал (звонок), что не даст больше уколов делать, значит не даст. (Звонок.) Немножко поотлегло, как говорят, и всё».

Т ё т я В е л я встает, подходит к телефону, снимает трубку.

Т Ё Т Я В Е Л Я [69]: Да, алё! (Слушает ответ.) Здравствуй, дорогой!

Тётя Веля говорит по телефону, Лена и Надя продолжают разговор между собой. Разговоры идут параллельно.

Л Е Н А [20]: Запретил. Ну, щас-то получше, но... (Замолкает, поворачивает голову к тёте Веле.)

Т Ё Т Я В Е Л Я [70]: (В телефонную трубку.) Да, тяжело конечно, очень тяжело!

Н А Д Я [61]: (Продолжает разговаривать с Леной) Ну, он у вас такой, да.

Л Е Н А [21]: Мамы-то вот не стало, и он вот: «У меня никакого интереса жить, была бы Жаннушка, мы бы жили да радовались». В общем... (запинается) Жанной маму звали.

Т Ё Т Я В Е Л Я [71]: (Громко, нервно, разговаривает по телефону.) Да нету ещё мозолю-то, у нас сегодня ночь! Снегу много, очень много у нас сегодня. (Слушает.)

Л Е Н А [22]: Он говорит, скорей бы мне туда, за реку.

Н А Д Я [62]: Тяжело, конечно, терять любимых своих.

Т Ё Т Я В Е Л Я [72]: (В телефон.) Как у тебя-то дела?

Л Е Н А [23]: Угу, так что, так что не знаю, что будет. Не знаю, стоит ли к нему сегодня идти. Щас вот звонят тут все родственники, что вот, пойдёте туда отмечать все к нему. Я говорю: «Пойдём-пойдём». А на самом-то деле я одна пойду, никого и не приглашаю. На прошлый-то год приезжали все, на 80-летие много было, а в этом-то году уже никого. Я говорю, во-первых, его ничто не радует. Я стала его поздравлять, тут подарок от всех, а он: как вам не стыдно поздравлять, если у человека уже смерть приближается, со смертью меня поздравляете? Ужас! (Начинает смеяться. Смех подхватывает Надя.) Я говорю: «Папа, поздравляем, что ты до таких лет прожил». И он такое говорит в светлом уме и твердой памяти: что это уже не жизнь, это издевательство! В общем, у него такое настроение. Кошмар. Потом вот эти очередные родственники звонят, про козочек его говорят. Всё держит козочек.

Н А Д Я [63]: Да?

Л Е Н А [24]: Козочки уже не доят, можно сказать. В сутки мы их доим — на двух козочек 400 граммов. И он бедный: «Я их не уберу ни за что. Они же Жаннушку помнят!» Ужас! (Переходит на шепот.) И он говорит... Вот он болел, я говорю: «Ну давай уберём хотя бы одну». Он говорит: «Если уберёте, то мне вставать незачем. Я утром могу, не могу — встаю. Надо». Что, если их не будет, то мне и вставать незачем.

Н А Д Я [64]: Ну, это правильно, нет, он правильно рассуждает, это так и есть, да.

Л Е Н А [25]: Поэтому мы уж и не предлагаем. Пусть живёт и радуется!



Н А Д Я [65]: Ха-ха!

Л Е Н А [26]: Ой, кошмар! Он пол красить не даёт, страшный уже: (подражает голосу отца) «Потому что по нему Жаннушка ходила!» Ничего нигде менять не даёт, всё это Жаннушку помнит. Ничего не убирай, ничего не делай. Кошмар какой-то!

Н А Д Я [66]: Угу. Ну, тяжело пережить-то, когда прожили всю жизнь и... (прерывается). Причём прожили, я так понимаю, не то что там, знаете, ссорились, вот, а душа в душу.

Л Е Н А [27]: Это конечно.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Там же. Все сидят за столом. Н а д я берёт в руки книгу.

Н А Д Я [67]: Ну а вы-то, какой труд сделали! Книжку-то! Это же вообще!

Л Е Н А [28]: Этот труд-то, можно сказать, так... (усмехается). Всю жизнь готовилась к урокам, потому что историю вела, материал собирала. Сбирала, потом думаю: «А случись чего — всё пропадёт!» И я решила, что это всё надо издать. Книжка-то она быстро (осекается). Я всё тётё Веле рассказываю: такое чувство, что мне как будто кто-то помогает.

Н А Д Я [68]: У-у (удивленно).

Л Е Н А [29]: Потому что, бывает, вот некогда-некогда, ну сяду, немножко поработаю. Начинаешь работать — и времени не замечаешь, сидишь набираешь, набираешь текст, печатаешь. Потом спать ляжешь — ещё что-то придумалось! Подскакиваю. Или просто хотя бы запишу, чтобы завтра дописать. Ну, в общем, как-то работалось-то легко над книжкой. Единственное, меня потом такой ужас взял, когда уже всё, книжка почти готова, я думаю: «Вдруг это никому не надо, вдруг это никому не интересно, чё это я делаю?» Ну потом ещё и с денежками проблема. Сначала сказали: 150 тысяч. 150 тысяч мы как-нибудь насобирали. Когда эти 150 отправили, сказали, ещё надо 100 как минимум.

Н А Д Я [69]: Угу.

Л Е Н А [30]: Даже 110, я потом собирала. И вот, благодаря опять-таки всем своим пенсионерам, всем бабушкам, тётушкам.

Н А Д Я [70]: А это вы на свои деньги выпустили?

Л Е Н А [31]: Да, полностью на свои.

Н А Д Я [71]: Разве не музей заплатил краеведческий? Он как издательство указан.

Л Е Н А [32]: Нет-нет. В общем, как мы сделали. Я собрала эти денежки. В музей как они написали, бумажку дали, что это как бы я спонсором выступила. На самом деле, свою книгу, на свои. Они-то говорят: «Ты где взяла?» Я говорю: «Так свои!» Я уж не стала им объяснять, что всех тётушек обанкротила, и сестёр, и братьев. (Смех).

Н А Д Я [72]: Да, слушайте, вот это сильно!

Л Е Н А [33]: Я, правда, старалась возвращать, почти все уже вернула, потихоньку. Как только книжки реализуем, возвращаю. И вот мы тыщу издали экземпляров: 300 музею и 700 мне. И теперь, наверное, у них нераспроданные, и у меня ещё не весь тираж распродан.

Н А Д Я [73]: А вы давно, какого года книжка? (Открывает страницу. Ищет год.)

Л Е Н А [34]: А вот позапрошлым, теперь уже, летом. Как раз у нас день деревни ожидался, и мне привезли вот тётё Велины внучка с мужем, сын, на двух машинах ехали. Мой сын их встречал, привезли этот тираж. Буквально в 2 часа ночи. А назавтра — праздник. Вот в праздник у меня их хорошо попокупали. А в этом году я на праздник даже не ходила, тем более и книжек не носила, потому что сырой день был, туда не попасть ни на машине, ни на чём.

Н А Д Я [74]: А долго писали?

Л Е Н А [35]: Дак вот, я материал собирала, в общей сложности, 20 лет. Ну а писала, плотно вот работала — последние два года. Получается вот с 14-го по 16-й, в 16-м издали.

Н А Д Я [75]: Угу.

Л Е Н А [36]: Ну, говорю, вот как-то всё это хорошо. В музей увезла флешку. У них материалы-то брала, ездила. Но у них там как, значит, у них всё оцифровано, вот эти вот все переписные книги. И она, значит, мне распечатки все эти даёт. У них там в папочках всё, аккуратно, я сижу, переписываю. Я напереписывала от руки. Долго конечно это всё — ездила много раз. Потом приеду домой, всё это оцифрую, распечатаю уже только по нашим деревням — Синики, Кидюга, Закидюга. И еду к ним, уже показываю, сколько листочков получилось, и за эти листочки оплачиваю. Потому что, если бы вот так, просто сканировать это всё, много бы дороже получилось.

Н А Д Я [76]: Ну да.

Л Е Н А [37]: Потом приезжаю, уже всё. Разбираю этот почерк: никакой, непонятный, нечитаемый, вообще, и потом снова оцифровываю всё уже сама. Но главное, то, что я боялась, что я ведь, ни типографии, всё далеко. Что я буду делать? Привезла флешку в музей, оставила им, говорю: «Посмотрите, есть ли смысл мою эту книжку издавать?» Ну, вот директор через какое-то время мне позвонила: «Берёмся редактировать». Как редактировать? Книжка уже полностью готова, просто ещё раз сверяли документы. Они ещё раз всё просмотрели, добавили несколько фотографий, каких у меня не было, ещё несколько фрагментов добавили, там, что сами нашли по селу. Вот за это-то им огромное спасибо. И уже с типографией-то они дело имели. Я только время от времени позванивала.

Н А Д Я [77]: Ну, это такое великое дело! Гордитесь книжкой-то?

Л Е Н А [38]: Да я не то что горжусь, я просто, как, тётя Веля, сказать? Не страшно умирать стало! (Смех.) Что сделано, то, что...

Т Ё Т Я В Е Л Я [73]: Она ничего не гордится, она очень талантливый человек! Она ничем не гордится. Она сама себя не ценит.

Л Е Н А [39]: Талантливый, дак не тут бы сидел! (С усмешкой.) Тётя Веля, талантливые что-то большое делают (разводит руками).

Т Ё Т Я В Е Л Я [74]: Талантливые где угодно могут быть.

Звук телефонного звонка.

Т Ё Т Я В Е Л Я [75]: Ну, снова!

Т ё т я В е л я уходит к телефону. Прижимает трубку рукой и тихо разговаривает.

Н А Д Я [78]: Это же, не каждый человек, вот так, ну как бы почувствует надобность и будет это делать за собственные деньги.

Л Е Н А [40]: Мне вот, знаете чего, можно сказать, сподвигло на эту книгу? Был летний день. И вот у этого дома, развалины-то щас, тогда он еще более-менее крепкий, но уже не жилой был, а оттуда наши корни. Их отец (показывает на тётю Велю) — из этого дома. Вот я чего-то придумала родословную нашего рода, дедушки, на стену этого дома сделать. Значит, такая уже хорошая там была погода, дождя уже, наверное, месяц не было, — и такой зной. И я ещё так вот подумала, пришла и говорю мужу: «Серёжа, если меня услышит бабушка, значит, будет дождик». Ну вот мы с бабушкой как-то особенно тесно были связаны. Понимаете, праздник только закончился, я листочки снимаю, и загремело, загремело, и такой ливень! (Смех.) Вечером мне муж-то говорит: «Ну что, услышала бабушка?» Я говорю: «Услышала! И надо мне книжку писать про бабушку». Тогда я и начала всё это делать.



Н А Д Я [79]: Угу.

Л Е Н А [41]: Так что, действительно, какая-то связь существует. И вот самое-то интересное, бабушка родилась 8 января шестого года, умерла 8 января восемьдесят шестого, то есть ровно 80, изо дня в день. И главное, перед этим всё нормально себя чувствовала. Дети-то и с Украины, и с Кавказа, отовсюду должны были приехать. И она и говорит: «Молите мне смерти, чтобы ребятам два раза не ехать». Мы говорим: «Бабушка, ты чего такое говоришь?» Сама можно сказать выпросила. Дети приехали, со всеми поговорила, отметили — и всё. А потом, через пять лет, у меня дочь родилась. В тот же день, 8 января! Поэтому, видите, связь какая! Вот, так что Нинушкой-то и назвали в честь бабушки, что в это же число.

Н А Д Я [80]: Угу.

Л Е Н А [42]: Так что вот бабушке эта книжка и посвящена. (Пауза.) Она у нас, вообще, хороший человек была.

Софиты медленно гаснут.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Прожектор выхватывает стул К о м м е н т а т о р а в левом углу.

КОММЕНТАТОР [5]: Теоретическая рамка. Разбор рассказа Лены об издании книжки. (Пять минут выступления.)

Прожектор гаснет. И медленно зажигаются софиты, освещая женщин за столом.

Н А Д Я [81]: А где вы работаете? В школе?

Л Е Н А [43]: Да, да.

Н А Д Я [82]: Учителем? Директором?

Л Е Н А [44]: Учителем. Я директором была 15 лет, самые «хорошие» годы! (Смеются.) С девяносто первого по две тыщи пятый.

Н А Д Я [83]: И чего потом?

Л Е Н А [45]: Потом ушла. Всё.

Н А Д Я [84]: А чего?

Л Е Н А [46]: 15 лет отработала, хватит. Ни здоровья, ни сил, ничего уже не было. А в то время на свою зарплату ещё и школу содержали. С ума сойти. Мы с мужем в школе оба работали, так на одну зарплату семья, на вторую зарплату школа содержится. Это кошмар! Это вообще ни на что, (далее речитативом) ни на что! Ни на порошок стиральный, ни на полотенушки, ни на лампочки. Да ни на что денег не было. А заведующей РОНО пожаловалась, ну сколько можно на своё-то всё покупать? Она: «Так не покупай!» А как жить-то?

Н А Д Я [85]: Угу.

Л Е Н А [47]: Не покупай, и все дела.

Н А Д Я [86]: Угу.

Л Е Н А [47]: А потом вот мужа не стало, я и рассчиталась уже. Так-то всё-таки вдвоём мы тянули, а одной-то уже.

Долгая пауза, секунд пятнадцать. Все молчат, думают о своём.

Т Ё Т Я В Е Л Я [76]: Я Васю-то не узнала.

Л Е Н А [48]: Почему? Мне кажется, он всё такой же. Я, наоборот, думала: и не стареетнисколько! (Смех.)

Т Ё Т Я В Е Л Я [77]: А я сидела на стульчике, и вот так вот смотрела вот в это место без очков (показывает на дверной косяк). На него-то сначала посмотрела. Ну, думаю, чужая девушка, и он чужой. А потом-то заговорил-то, да я очки-то подняла, дак узнала!

Л Е Н А [49]: Ну, ты его последний-то раз, наверное, у Валерки на похоронах-то видела?

Т Ё Т Я В Е Л Я [78]: Да, да, его тогда только видела. (Пауза.. А я Васю дак останавливаю, говорю: «Дак посидим, ведь недолго, это проходи, вон стул бери да». На минутку, я говорю, ведь только я ничего не скажу, а смотри-ка сию уже два часа, наверное! (Общий смех.)

Н А Д Я [87]: Все что-то рассказывают.

Т Ё Т Я В Е Л Я [79]: Мне смешно, Вася стоит всё в дверях, дверь открыта, я их не пускаю. (Сильный, давящийся смех Лены.) Девушка-то смелее! Она зашла и села сразу на табуретку! (Общий смех.)

Л Е Н А [50]: А Вася всё в дверях!

Т Ё Т Я В Е Л Я [80]: А Вася всё... (смеется). Я говорю: ну тогда заходите, закройте двери. Пустила! Я-то подумала, что сначала-то и цыгане! (Смех.)

Гаснет свет. Проектор выхватывает К о м м е н т а т о р а в левом углу сцены.

К О М М Е Н Т А Т О Р [6]: Незаконченность диалога как условие успешности этнографического интервью. Представление общей методологической рамки интервью. Резюме. (Пять минут выступления).

Проектор гаснет. И медленно зажигаются софиты, освещая женщин за столом.

Н А Д Я [88]: Да, мне надо возвращаться, по-моему, уже темнеть начинает? Уже у меня такое ощущение, хе-хе!

Т Ё Т Я В Е Л Я [81]: Дак у нас сейчас да, в третьем часу у нас уже и темно.

Л Е Н А [51]: В восемь ещё темно, а в третьем уже темно.

Т Ё Т Я В Е Л Я [82]: Сегодня вообще не рассветало.

Н А Д Я [89]: Да, да!

Т Ё Т Я В Е Л Я [83]: Снег валит, так бело кругом.

Н А Д Я [90]: Да, метель, метель какая-то у вас тут. А мы пришли — вы так и не поели, да, наверное?

Т Ё Т Я В Е Л Я [84]: И не поела, и ничего не доварила я! Ха-ха! (Общий смех.)

Л Е Н А [52]: Из-за вас, да? (Обращается к Наде.)

Т Ё Т Я В Е Л Я [85]: Из-за... Ха-ха! Нет! Вы-то сидите (к Наде). Лена, ну сиди ты, будем есть. Сейчас щи сварила. И вы сидите, дак будем есть. Как сварилось, так и, не заправлено только, а всё сварилось хорошо.

Н А Д Я [91]: Просто надо, мне надо идти.

Т Ё Т Я В Е Л Я [86]: Ну Лена, ты не уходи!

Л Е Н А [53]: Тётя Веля, я укол сделаю, потом второй раз приду. Я печку протоплю.

Т Ё Т Я В Е Л Я [87]: Ну ладно тогда.

Медленно гаснет свет. И последние слова произносятся уже в темноте.

Н А Д Я [92]: До свидания, спасибо!

Л Е Н А [54]: И тебе спасибо!

Т Ё Т Я В Е Л Я [88]: Извините, что не пускала.

Н А Д Я [93]: Да ничего страшного, мы же зашли.

Звук закрывающейся двери. Скрип снега под ногами уходящих женщин.

Зажигается общий свет. Артисты выходят на сцену.

Время для вопросов и комментариев.



Как интерпретировать научную пьесу

Научная пьеса, представленная выше, обладает двумя независимыми планами представления. Первый — коммуникативный. В нём разворачиваются диалоги, динамично сменяющиеся действия и явления. Задача коммуникативного плана — создать остенсивное определение, т.е. продемонстрировать этнографическое интервью как оно есть, максимально приближаясь к реалиям разговоров с информантами. Коммуникативный план выполнен в привычном литературном жанре, требует отлаженной игры актеров, направленной на погружение зрителя в мир разговоров.

Второй план — аналитический. Он представлен шестью комментариями исследователя, проясняющими структуру пьесы и придающими смысл череде действий и явлений. Если первый план ведется по жестко заданному сценарию, второй — принципиально свободен и вариативен, определяется профессионализмом и личными представлениями комментатора. Включение научных комментариев в тело пьесы, с одной стороны, ломает драматургию последовательных сцен, с другой — вносит динамику иного рода, направленную на выработку рефлексивной позиции по отношению к увиденному.

Ниже представлен один из вариантов комментариев, которые могут быть развернуты в пьесе. Первое действие посвящено разбору коммуникативных навыков, второе — аналитических (рис. 2).

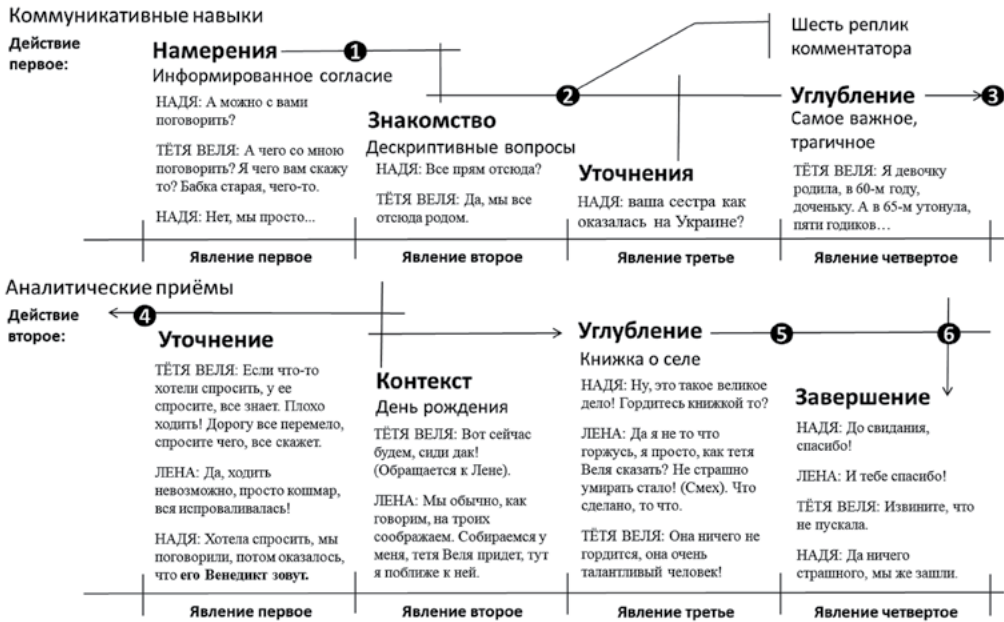


Рис. 2. Структура научной пьесы

Зритель может не догадываться в начале пьесы (незаинтересованный зритель не догадается и в конце) об особой структуре этого произведения. Актуализация методологической составляющей актерской игры есть условие адекватного просмотра пьесы, критерий успешности всего задуманного предприятия.

Итак, шесть реплик комментатора: знакомство, уточняющие вопросы, поддержание нарратива, управление контекстом, теоретическая рамка и незаконченность диалога.

1. Знакомство

Этнографическое интервью — это разговор о жизни, простой и безыскусный. Интервьюер полностью подстраивается под респондента, сливается с его средой. Оставаясь гостем, он не рассказывает о себе, а расспрашивает хозяев, интересуется деталями сказанного, развивает темы, которые волнуют его собеседников. Задача этнографического интервью — обозначить культурные детерминанты повседневного мира респондента. Последние проявляются в речи, историях, акцентах на тех или иных событиях, возвращениях и повторях. В таком интервью предметом исследования выступает не только получаемая информация, но и манера её подачи, эмоциональный фон, переживание, динамика разговора. Интервьюер не расспрашивает и не собирает сведения. Он ведёт беседу и наблюдает за собой и своим собеседником, обстановкой, в которой текущая беседа стала возможной.

Оставаясь в позиции внешнего, приходящего человека (этический подход), исследователь реализует стратегию включенного наблюдателя, погруженного в текущие, обыденные ситуации взаимодействия (эмический подход), развивая базовую метафору (артикулированную ещё со времен Малиновского) этнографической работы: представление культурных паттернов через оптику инсайдера (Sexton, 1980: 937).

Интервью, как и любой разговор с незнакомцем, начинается с представления. Обозначаются намерения интервьюера как человека расположенного к разговору особого типа, в котором устанавливаются роли спрашивающего и отвечающего (НАДЯ[2] — НАДЯ[4]).

На наш взгляд, в этнографическом интервью не может быть формальных процедур получения информированного согласия: письменных уведомлений, казенных фраз, перечисления собственных регалий и задач. Подобные чужеродные элементы разговора сразу трансформируют интервью в другой тип, и для реанимации этнографичности, включенности в жизненный мир собеседника потребуются огромные усилия, не факт, что успешные. Поэтому короткие реплики и бытовые формулировки «пришли поговорить о жизни» (НАДЯ[8]) выступают основным элементом для начала разговора, расположенность к которому явным образом обозначается в речи информанта (ТЁТЯ ВЕЛЯ[11]).

Этнографическое интервью часто ведется с уже знакомыми людьми. Если встреча происходит впервые, весьма полезно проводить её с третьим лицом, знакомым с респондентом и интервьюером, выступающим проводником, для снятия коммуникативных барьеров, погашения первоначального недоверия и конструирования информированного согласия или взаимной договоренности о последующем разговоре, протекающем по правилам вопрос-ответной коммуникации. Для Нади таким человеком выступает Василий — отец её коллеги и односельчанин тёти Вели (ТЁТЯ ВЕЛЯ[8] — ТЁТЯ ВЕЛЯ[10]).

После того, как интервьюер представлен и позиции обозначены, проводник, ключевой информант может уйти. Теперь задача интервьюера справиться с неловкостью первых минут самостоятельно, заполнить их короткими вопросами, предельно фактологическими и не предполагающими какого-то проникновенного, доверительного повествования.

С формальной точки зрения, представление и объяснение намерений можно назвать информированным согласием. Но последнее — не контракт, скрепленный подписями, к которому можно обратиться в любой момент. В разговоре человек забывает об услышанном, уточняет и возвращается к уже сказанному. Представление о собеседниках — важнейший элемент коммуникации, к нему возвращаются, уточняют, обогащают подробностями на протяжении всей встречи, да и последующих встреч (ТЁТЯ ВЕЛЯ[44] — ТЁТЯ ВЕЛЯ[47]).

Первые минуты разговора — самые насыщенные по той информации, которую следует усвоить обоим собеседникам. Потому весьма рискованно, не нарушив открытость и непосредственность коммуникации, предлагать ознакомиться, а то и подписать



многочисленные пункты информированного согласия. Апологеты юридического подхода к исследовательской практике, превалирующего в западных университетах, апеллируют к этическим нормам, забывая, что тем самым нарушают базовую норму — поддержание корректного и полного восприятия происходящего. Разговор в формате юридической нормы ознакомления и согласия может лишь сбить с толку, спровоцировать недоверие или придать ненужный формальный статус происходящему, закрыть от исследователя непосредственный мир обыденной коммуникации. Информированное согласие следует получать на протяжении всего разговора. Не скрывая своих намерений и роли интервьюера, нужно быть готовым для обсуждения допустимых границ в поддержании разговора и фиксации сказанного. Отвлекаясь от тяжелого воспоминания, тётя Веля замечает включенный диктофон (ТЁТЯ ВЕЛЯ[32]). Надя делает акцент на важности происходящего, на акцентируя внимания на разрешении (НАДЯ[28]), и получает согласие, выраженное косвенным образом в апелляции к искренности и правдивости рассказа (ТЁТЯ ВЕЛЯ[33]). Формалист вновь может сказать, что никакого информированного согласия не получено. Для полевого интервьюера важнее другое — полная открытость намерений, поддержание эмпатического диалога и открытое обсуждение особенностей вопрос-ответной коммуникации. Бытовая речь отличается от официальной тем, что согласие не требует рациональных подкреплений, а фиксируется эмоциональным фоном и речевым принятием информантом предлагаемых полевым интервьюером имплицитных правил общения.

Второе явление пьесы насыщено дескриптивными вопросами (НАДЯ[9, 10, 11, 14, 17], [10]), которые не только позволяют получить некоторую предварительную информацию для продолжения беседы, но и обозначают намерения интервьюера, демонстрируют правила прохождения беседы особого типа, в которой явно выделяются тот, кто задает вопросы, и тот, кто на них отвечает. Знакомство в этнографическом интервью — критический элемент, не столько по качеству и точности вопросов, сколько по необходимости удержаться на них некоторое время, заинтересовать, рассмешить, расположить к себе собеседника.

Тётя Веля на протяжении всего, почти двухчасового, разговора возвращается к первоначальному минутам неловкости, своему желанию прервать разговор, не пустить, выставить вон непрошенных гостей. Пользуясь паузой между вопросами, когда Надя снимает куртку и ищет, где её повесить, тётя Веля впервые проговаривает свое первоначальное негативное отношение к гостям. Впервые извиняется за него (ТЁТЯ ВЕЛЯ[20]). Затем, в течение всего разговора, это станет ключевой темой, определяющей некоторую короткую историю первоначального недоверия (ТЁТЯ ВЕЛЯ [52, 76, 77, 80, 88]), которая под конец приобретет форму анекдота, повода для общего смеха и приятных воспоминаний (ТЁТЯ ВЕЛЯ[78] — ТЁТЯ ВЕЛЯ[80]). Фактически, весь разговор есть знакомство информанта с интервьюером, поиск взаимных позиций, привыкание к нетипичному для сельской местности формату однонаправленного разговора, в котором роли задающего и отвечающего на вопросы определены заранее. Знакомство есть «информированное согласие», но с точки зрения формализованной этики, прописанной на языке сформировавшейся за последние десятилетия когорты академических бюрократов, это не так. Навязывая исследователям чуждые полевой работе практики формализованного общения, они разрушают канву обыденной речи, обедняя потенциальные результаты, разрушая этнографический компонент полевого исследования.

2. Уточняющие вопросы

Любой человек может уложить свою жизнь в минуту, а то и меньше, рассказа. Тётя Веля — не исключение (ТЁТЯ ВЕЛЯ[11]). Это не означает, что она бедна событиями, эмоциями, личными переживаниями. Интервьюер, в этом случае, не должен ни терять

инициативу, ни переключаться на другую тему, принимая и соглашаясь со столь коротким представлением жизни. Лучшая тактика — перейти к уточняющим вопросам, отталкиваясь от уже услышанного, прояснять детали, недосказанности (НАДЯ[24] — НАДЯ[27]).

Незнакомый человек, ведущий себя таким образом, воспринимается как вежливый, внимательный собеседник. Интервьюеру важно подчеркнуть свою заинтересованность в личной жизни информанта и, одновременно, не показаться слишком навязчивым, доби- вающимся каких-то особых сведений. Уточняющие вопросы сближают этнографическое интервью с допросом как особой формой коммуникации. Задача интервьюера — не допустить возникновения подобных ассоциаций у респондента. Поэтому уточняющие вопросы никогда не должны задаваться в директивной форме. Они скорее выступают поддерживающими, предвосхищающими беседу репликами. Интервьюер как бы делает предположения о прошлом, поддерживая разговор, подталкивая собеседника к развернутому рассказу. И те вопросы, на которые не получен сразу ответ, можно пропустить, на время отложить в сторону, чтобы вернуться (в случае их значимости) к ним в дальнейшем.

Прислушаемся к диалогу (НАДЯ[25] — ТЁТЯ ВЕЛЯ[31]). Каждый ответ тёти Вели может быть развернут различными способами. Надя выбирает один из вариантов. Ответ о доме (ТЁТЯ ВЕЛЯ[29]) содержит упоминание о женитьбе, отце, сестрах и братьях. Надя продолжает разговор о доме, расширяя контекст до хозяйства (НАДЯ[26]), что неудивительно. Дом в сельской местности — это прежде всего двор: скотина, птица, огород. Отвечая о хозяйстве, тётя Веля вспоминает мужа, несчастный случай, произошедший с ним при рубке леса и радикальным образом изменивший их хозяйственный уклад (ТЁТЯ ВЕЛЯ[30]). Поддерживая значимую для информанта тему, Надя переключается на супруга тёти Вели (НАДЯ[27]).

Разговор продолжается в контексте только что сказанного. Техника нефокусированных расспросов через несколько минут позволяет подойти к самому важному, определяющему жизнь респондента событию. Углубление интервью, возникновение смысло- образующих и, зачастую, глубоко травмирующих событий (или события), подчеркивает правильность построения этнографического диалога. Задача интервьюера — от расспросов респондента перейти к слушанию его самостоятельного рассказа исповедаль- ного типа. Коммуникативно это выражается в радикальном сокращении длины реплик интервьюера, редукции их до междометий, кивков головы, и одновременном увеличении времени на ответы, которые из коротких реплик становятся продолжительными нарративами.

3. Поддержание нарратива

Самое важное и предельно трагичное в жизни тёти Вели — это гибель маленькой пятилетней дочки, о чем она упоминает в самом начале разговора, во втором явлении первого действия: «Да что я вам все подробности-то... Дочка утонула, (понижая голос) у меня с сердцем (дрожащим голосом) плохо стало. (Пауза.)» (ТЁТЯ ВЕЛЯ[25]). Боль от утраты только усиливалась с годами, предопределяя трагичный фон всех последующих событий (ТЁТЯ ВЕЛЯ[32]). В коротком, спонтанно возникшем монологе о гибели дочери, тётя Веля называет всех участников этой трагедии: муж, который обычно смотрел за дочкой, а тут ушёл на рыбалку с гостями, бабушка, две тётушки и соседский мальчик. Дочка могла быть отведена в садик, но, по случаю приезда гостей, была оставлена дома. По напряженности речи, всплывающим деталям, очевидно, что этот день много раз прокручивался в голове тёти Вели, она живёт этим событием, переопределившим всю жизнь их семьи.

Описав всех участников события, тётя Веля ничего не говорит о себе. Мы не знаем, где была она? Что переживала? Как узнала о случившемся? Каким образом справилась



с горем? Как продолжились отношения с родственниками? Как узнала, что именно мальчик-сосед завел девочку в воду? Что говорили об этом в деревне? Как восприняли трагедию соседи? Короткий монолог о смерти дочери — это вход в глубинное состояние непроизносимого, но постоянно возвращаемого к жизни, вечно актуального воспоминания тёти Велы. Здесь возможно углубление интервью, разворачивание трагического нарратива, но Надя выбирает другую стратегию. Неготовность говорить об этом? Нежелание или опасение травмировать человека воспоминаниями? Иной план исследования? Возможна любая из обозначенных причин. Надя остается в позиции простого собеседника, поддерживающего разговор и избегающего сложных, вызывающих слезы мест (НАДЯ[29, 31, 32, 33]).

После рассказа о трагедии с девочкой, смерть мужа уже описывается несколько буднично, речь уравнивается, как бы демонстрируя закономерность произошедшего (НАДЯ[33] — ТЁТЯ ВЕЛЯ[41]).

Вновь возникает контекст информированного согласия. Тётя Веля интересуется, откуда интервьюер знает Василия, который её представил. Это небольшое переключение ролей (с интервьюера на респондента) необходимо для поддержания доверительности беседы. Но важно не увлечься рассказом, давать точные и короткие ответы, позволяющие вернуться к жизни респондента.

Рассказ об утратах, смертях близких людей всегда травматичен. К нему нужно быть не только готовым, но и уметь поддержать срывающуюся речь, дать возможность выговориться, задеть самые болезненные точки, поправить ситуацию, вывести её на нейтральные тона, в нужном месте подбодрить, проявить сочувствие. Надя либо не готова к такой роли, либо не желает её брать, поэтому уходит от поддержания темы. В противном случае, возникает риск срыва коммуникации. Риск, оправданный для глубинного интервью, но не всегда — для этнографического. В последнем предполагаются повторные беседы и встречи. Вполне оправданно отложить самые острые переживания, стать чуть ближе собеседнику.

О важном говорят дольше, монологичней, прерывая и поправляя себя, делая паузы, порой отвлекаясь на другие предметы. Интервьюер не должен вмешиваться в такие монологи, вводить в сторону, замещать важную тему нейтральной, менее травмирующей. Сопереживание, кивки или покачивания головой, не более того. Что определяет границы вежливости в обыденном разговоре, зачастую нарушает нарративную насыщенность этнографического интервью, не позволяет углубиться в важнейшие для информанта темы. И только тогда, когда респондент напрямую обращается к интервьюеру, можно включиться в разговор. Такой рассказ о себе может длиться часами — и из короткой зарисовки трансформироваться в большой роман, где первое, краткое, описание жизни станет лишь эпилогом к развернутым повествованиям, трагическим и комическим сюжетам из жизненного мира информанта.

4. Управление контекстом

В стандартизированном, фокусированном или экспертном интервью появление третьих лиц — катастрофа. От интервьюера требуется как-то нивелировать их присутствие, а лучше под любым предлогом сделать так, чтобы они удалились. В этнографическом интервью третьи лица позволяют изменить контекст, вносят новые элементы в динамику разговора, а потому воспринимаются как один из важнейших элементов включенного разговора.

Надя проговорила с тётёй Велей уже около часа. Дополнительным стимулом к разговору послужили альбомы с личными фотографиями, которые они начали рассматривать. Но в гости к тётё Веле пришла её племянница, Лена, что позволило переключить

разговор, наполнить его новыми сюжетами: о пожилом отце Лены, о написанной и самостоятельно изданной ею книге о родном селе (Комментатор показывает книгу зрителям и затем кладёт на стол), об особенностях жизни родственников.

Надя уже заходила к отцу Лены и брала у него интервью. И хотя женщины ещё не встречались, они заочно знакомы. Лена знает о Наде по разговору с отцом, Надя — из прошлого интервью. Потому в текущее интервью как бы привносится дополнительный контекст доверительности: разговаривают знакомые люди. Существенно возрастает количество мест, где речь участников сопровождается общим смехом, шутками, в ней присутствуют иронические конструкции (ЛЕНА[1] — НАДЯ[48]).

Дополнительные расспросы связывают семейные истории, позволяют прояснить неясности, оставшиеся от взятого интервью, а также представить социальный контекст села, увидеть через личные судьбы жизнь северного поселения. Полифоничность, получение сведений из разных источников, чередование разговоров, вписывание их в разные контексты — отличительная особенность этнографического интервью, его визитная карточка.

5. Теоретическая рамка

Надя провела в гостях у тёти Вели два часа. Время за разговорами пролетело незаметно. Начали с коротких реплик, к середине разговора собеседницы уже рассуждали развернуто, с множеством примеров, пространными историями, размышлениями. Только Надя, интервьюер, оставалась в границах коротких реплик, кивков головы и эмпатических подкреплений, маркирующих позицию внимательного и заинтересованного слушателя. Лишь изредка она позволяла себе небольшие отступления от вопрошания, комментируя, ссылаясь на личный опыт. Для респондентов этнографическое интервью мало отличается от обычного разговора — и это первое условие успешной, эффективной работы полевого интервьюера.

Второе условие — надразговорная, внекоммуникативная позиция интервьюера. Коммуникативно, он активный участник разговора, концептуально — наблюдатель, отстраненно фиксирующий собственные промахи или удачные решения, ищущий теоретические конструкты в бытовой речи. Отстранение от коммуникации необходимо для обнаружения её культурных детерминант, бытовых референций, поддерживающих жизненные миры собеседников. Третье условие — незаконченность диалога. Об этом пойдёт речь в следующем комментарии.

Наконец, четвертое и основное условие успешного этнографического интервью — это поиск теоретической рамки для развития исследовательского вопроса, определившего направление беседы. Таких вопросов может быть несколько. Они могут быть сформулированы до или во время полевой работы, могут быть изменены или существенно обогащены в ходе полевых интервью. Важно не это. Теоретическая рамка позволяет удерживать напряжение вокруг поставленного вопроса, расширять или сужать границы проблематизации, развивать интерпретативные или объяснительные схемы.

Как возможны достижения в далекой северной деревне? Чем можно гордиться? Чем гордятся сельчане? Могут ли вестись разговоры о достижениях в таежной глуши? Как смотрят на свою жизнь пожилые люди? Что видят значимого в прожитом и пережитом? Как выделить значимое? Как начать разговор в позитивном ключе, отказавшись от привычного режима жалоб и предложений, наказов власти? Эта череда вопросов о смысле человеческой жизни, о переживании прошлого сквозь призму значимого в настоящем была для нас основной. На незамысловатые прямые вопросы: «Чем вы гордитесь в своей жизни?», «Что вы вспоминаете с гордостью?» — мы получали отрицательные ответы: «Ничем», «Жизнь как у всех», «Всё обычное, привычное, незаметно жизнь прошла, как и не было».



Поэтому встреча в деревне человека, который не просто смог достигнуть некоторого значимого результата: издания монографии об истории родного села, — но сделал это вопреки многим препятствиям, основное из которых — нетипичная, нетривиальная, если не сказать, конфликтная по отношению к деревенскому укладу идея писательского труда, — стала для нас большой находкой.

Глубокий, детальный рассказ о написании и издании книжки о селе не оставил сомнения, что для Лены — это одно из важнейших дел жизни. Изначально мы маркировали это гордостью, но Лена сразу же отменила такое описание. Не гордость, а исполнение своего предназначения, преодоление страха смерти (ЛЕНА[38]). Дело малое, но свое, без которого нельзя, которое определилось всем строем жизни. Не случайны отсылки к бабушке: особая связь, давшая о себе знать через даты рождения и смерти (ЛЕНА[41]), через знамение с дождиком, загаданное желание (ЛЕНА[40]), которое запомнилось и стало важной частью большого рассказа о подготовке книги, предначертании замысла. Помощь материальная и моральная от живых, духовная — от мёртвых, определяет особую энергию Лены, её одержимость в написании истории родного села.

Ограничившись лишь третьим явлением второго действия, можно выделить основные элементы важного дела, проследить критическую взаимосвязь между ними (рис. 3).

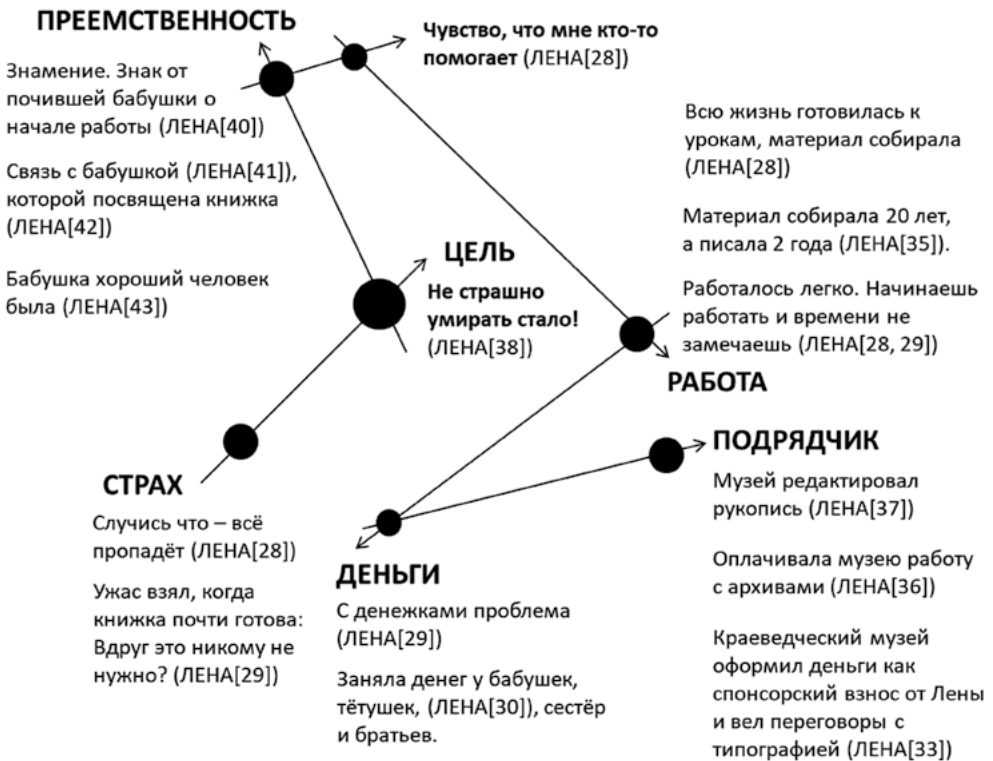


Рис. 3. Элементы важного дела

Страх перед смертью, неисполнением предназначения; преемственность; работа, продолжающаяся с юности; родственники и друзья, поддержавшие деньгами и интересом к замыслу; музейные работники, выступившие подрядчиками в редактировании и подготовке издания — всё это предопределило основной элемент важного дела:

«Не страшно умирать стало!» (ЛЕНА[38]). В такой схеме гордость, действительно, становится лишним, избыточным элементом. Нельзя гордиться призванием, реализацией предназначения. Это, как раз, естественная, единственная возможность, которую так легко пропустить, пройти мимо, исполнение которой и есть смысл жизни, преодоление мирского тлена.

Теоретическая рамка — это не жесткая конструкция, определяющая причинно-следственные связи. Напротив, это система категорий, порой не проясненных, смутных понятий, позволяющих исследователю говорить о наблюдаемом, связывать разнородные явления в некотором едином повествовании. Теоретическая рамка — это грамматика этнографического нарратива, оптика наблюдающего участия (по Алексееву) присутствующего среди информантов исследователя.

6. Незаконченность диалога

Успешное этнографическое интервью, как и разговор между близкими людьми, не имеет завершения. Ни вопросы, ни расположение друг к другу, ни общий смех не могут быть исчерпаны. Успешное интервью — это открытая возможность для будущих встреч, принципиальная незаконченность, незавершенность начатого диалога, радиальная континуальность этнографической работы.

Приход Нади нарушил привычный уклад, за разговором чуть не забылось приготовление обеда. Однако это послужило лишь поводом для возможного его продолжения. «Вы-то сидите», — обращается тётя Веля к Наде (ТЁТЯ ВЕЛЯ[85]), когда та начинает собираться уходить. Аналогичная просьба звучит и в отношении родственницы (ТЁТЯ ВЕЛЯ[85]). Переключение на совместную трапезу могло бы стать хорошим продолжением этнографического интервью. Подобное переключение в иной фрейм речевого взаимодействия не только создает новый контекст для разговора, но и снимает усталость, утомление от прежнего. Последовательная смена разговорного контекста позволяет вести весьма продолжительные — от двух до восьми часов — этнографические интервью. Обе собеседницы под разными предлогами отказываются от продолжения разговора. Однако этот отказ не категоричен и предполагает возвращение, продолжение беседы. В 1969 году у Джеймса Спрэдли вышла монография «Гости никогда не уходят голодными», представляющая культурные паттерны через автобиографию ключевого информанта (Spradley, 1969). Стол, совместная трапеза закрепляет роль гостя за исследователем, открывает дополнительные возможности для ведения неспешных, ненавязчивых и не выходящих за пределы обыденного смысла бесед.

Заключение

Этнографическое интервью — это особый вид разговора, в котором конструируется возможность поддержания диалога в длительной, многолетней перспективе. Это особый формат исследовательской коммуникации, в ходе которой создается этнографический текст: сначала в процессе разговора с информантами, потом во время анализа состоявшегося взаимодействия и описания выстроенной в ходе разговора теоретической рамки и, наконец, в момент теоретического письма.

Представленный в статье вариант осмысления этнографического интервью в виде научной пьесы, с одной стороны, демонстрирует особенности взаимодействия интервьюера и информанта в процессе непосредственного общения, используемые коммуникативные приемы, а с другой — выступает в качестве образовательной практики, насыщая диалогичное общение теоретическими и методологическими комментариями.



Литература

Рогозин Д. М. Формальная процедура определения этнографического интервью // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2018. № 3. С. 24–31.

Sexton J. D. [Rev.] The ethnographic interview — Spradley, J. P. // American Anthropologist. 1980. Vol. 82. № 4. P. 937–938.

Spradley J. P. Guests never leave hungry: The autobiography of James Sewid, a Kwakiuti Indian. New Haven: Yale University Press, 1969.

Roulston K. J. Reflective interviewing: A guide to theory and practice. Thousand Oaks, CA: Sage, 2010. [Ch. 1: Asking questions and individual interviews]

DOI: 10.19181/inter.2018.16.3

Ethnographic interview: science play in two acts and interpretation techniques

Dmitry Rogozin*

*** Rogozin Dmitry — Candidate of Sociological sciences, senior researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS. d.rogozin@list.ru**

The article is devoted to the aspects of the ethnographic interview treated as a specific form of research communication. It is submitted that the ethnographic interview is not just an oral communication of participants, but also the following interpretation of communicative situations, analytical revision of narrative into structured figures and graphs with in-depth description. The author presents the interview in the shape of the science play in two acts with four actions in each. On one side, the science play is a stylized revision of the real interview, so the dialogue among characters is not so different from the transcript of the interview. On the other side, the science play is the space for the intellectual discourse and educational practice. That is why the author adds the role of the commentator, who creates the scientific composition of the play by theoretical and methodological conceptualization of the dialogue. The article also discusses different variants of structuring and interpreting the ethnographic interview stages using the example of the given science play.

Keywords: ethnographic interview, field interviewer, role of interviewer, research communication, interlocution, science play, question-answer communication

References

Rogozin D. M. (2018) Formal'naya procedura opredeleniya etnograficheskogo interv'yu [Formal procedure for defining the ethnographical interview]. Telescope: zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovaniy, no 3, pp. 24–31.

Sexton J. D. (1980) [Rev.] The ethnographic interview — Spradley, J. P. // American Anthropologist. 1980. Vol. 82, no 4, pp. 937–938.

Spradley J. P. (1969) Guests never leave hungry: The autobiography of James Sewid, a Kwakiuti Indian. New Haven: Yale University Press, 1969.

Roulston K. J. (2010) Reflective interviewing: A guide to theory and practice. Thousand Oaks, CA: Sage. [Ch. 1: Asking questions and individual interviews]

Этнографическое интервью: комментарии полевого интервьюера к научной пьесе о тёте Веле, Наде и Лене

DOI: 10.19181/inter.2018.16.4

Анна Ипатова*

В данной статье обсуждается рефлексия полевого интервьюера по поводу этнографического интервью, представленного в «научной пьесе» Д. Рогозина. Согласно схеме пьесы, в нее включено 6 методических комментариев. Предлагаются комментарии как по структурным элементам интервью (начало интервью, контактное общение), так и по стратегии поведения интервьюера (направленное слушание, уточняющие вопросы, управление контекстом, рефлексивная позиция).

Ключевые слова: этнографическое интервью, полевой интервьюер, коммуникативные техники, эффективная коммуникация, эмпатия, контактное общение, диалогичное общение

Этнографическое интервью — это исследовательская практика, в которой, помимо непосредственного разговора между интервьюером и респондентом, важное место отводится наблюдениям и рефлексии самого интервьюера. Как и любая этнография, оно невозможно без погружения исследователя в самую ситуацию, без его «чувствования» диалога и респондента, без эмпатии и активной включенности в происходящее. Научиться этнографическому интервью можно только через опыт участия или со-участия в этой практике, и одним из вариантов такого со-участия является роль зрителя или наблюдателя научной пьесы, в которой представлена драматургия этнографического интервью.

Научная пьеса о тёте Веле, Наде и Лене, написанная Дмитрием Рогозиным, — зарисовка об этнографическом интервью в действии, своего рода документальная проза, имитация реально произошедшего интервью. Эта пьеса выступает в двух значениях: как художественный, драматургический текст, и как действие, театрализованное исполнение для подготовленного зрителя. По замыслу автора в традиционную структуру пьесы введено новое действующее лицо — Комментатор, которому отведено шесть высказываний, не включенных в полотно текста. Комментатор — непостоянная переменная, его задача — научное оформление пьесы, придание смоделированной в диалогах интервьюера и респондентов действительности проблемной, научной специфики. В зависимости от личности Комментатора пьеса приобретает свое индивидуальное звучание, именно Комментатор реализует образовательный потенциал данного действия. Ниже представлены шесть комментариев полевого интервьюера к научной пьесе.

* Ипатова Анна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник Лаборатории методологии социальных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. ipatova_anna@mail.ru



Начало интервью

Каждое интервью, вне зависимости от его разновидности, имеет свою хронологию. Особенность этнографического интервью — его континуальность, принципиальная незаконченность, возможность и готовность обоих участников взаимодействия продолжить общение. Поэтому установить точное окончание интервью довольно сложно, ведь оно может быть продолжено в любой момент, а может и вовсе перерасти в другую совместную деятельность. Иначе обстоит дело с началом интервью, а именно с моментом установления первого контакта, со знакомством обоих основных участников: респондента и интервьюера.

Знакомство — базовый элемент любого интервью, и этнографическое интервью — не исключение. Первые минуты контакта интервьюера и респондента чрезвычайно насыщены, даже если обмен репликами незначителен, а сами участники — немногословны. Именно в это время идет «сканирование» респондента, считывание его вербальных и невербальных характеристик. Во время знакомства интервьюер и респондент формируют свои первые представления друг о друге, пытаются типологизировать собеседника. Интервьюер в данном случае должен выбрать правильные стратегии вхождения в круг респондента, понять, как тут принято поступать, оправдать ожидания респондента. Выбор модели поведения интервьюера происходит по наитию, в силу опыта и обоснованных предположений о том, в какую ситуацию он попал. Надя четко определила, что вербальный компонент при знакомстве с тётёй Велей — вторичен, и залог успеха — в её невербальном поведении. Она решительно и уверенно заходит на кухню, садится на табуретку, в то время как Василий несколько неуверенно топчется в дверях. Надя начинает руководить процессом, занимает активную позицию (ТЁТЯ ВЕЛЯ[6] — НАДЯ[6]).

Задача интервьюера при знакомстве — сделать так, чтобы в базовом различении людей на «своих» и «чужих» он приблизился к первой категории. Поведение Нади сразу располагает тётю Велю, вызывает интерес. Она начинает с удовольствием комментировать действия других участников, смеяться, задавать Наде вопросы. Происходит моментальное установление первых эмпатических связей (Garbarski, Schaeffer, Dykema, 2016: 2; Miller, 2010), получение первого совместного опыта, первого базового совместного события, на котором можно надстраивать дальнейшее взаимодействие и к которому можно апеллировать в диалоге (далее тётя Веля сделает это не раз). Это первая общая ситуация респондента и интервьюера, начало их совместной истории, выстраивание тональности восприятия (Карасик, 2009: 305), построение доверия (Dickson-Swift et al., 2007: 338).

Особую роль при знакомстве в этнографическом интервью играет посредник, человек, который привел интервьюера к респонденту. Такой проводник, «свой» человек, облегчает вхождение незнакомца-интервьюера в узкий круг. Василий выступает в роли посредника, однако тетя Веля не узнает его сразу. Возможно, она отвлеклась на Надю как на нового, незнакомого человека. В данном случае роль Василия как посредника при установлении контакта не очень успешна: он заходит вслед за Надей, не представляет её, не объясняет тётё Веле контекст. Надя эту ситуацию решает самостоятельно, хотя вряд ли осознает, что Василий не опознан. Это говорит об опытности и внимательности Нади: она интуитивно понимает, как ей необходимо действовать в сложившихся обстоятельствах. Тем не менее, когда тётя Веля понимает, что Надежду привел «свой» человек, это работает на создание доверительной обстановки. Она ласково обращается к нему, пытается сохранить лицо, не обидеть знакомого тем, что не узнала его, находит оправдание для ситуации — «свалились очки». Попытка оказывается успешной, все участники взаимодействия настроены положительно и готовы к дальнейшей беседе. Василий удаляется, тётя Веля обращается к Наде, пытается расположить её (сетует на инсульт),

разрешает задавать вопросы, чем легитимизирует саму возникшую ситуацию этнографического интервью. Отлично работает на это и реакция Нади: она говорит, что «мы просто разговариваем с пожилыми людьми о жизни» (НАДЯ[8]), чем снижает возможную тревожность респондента, связанную с тем, что он со своей «обыденной» и «неинтересной» жизнью может не подойти для разговора.

Снижение пафоса и статусности, уход от ситуации «большого» события — еще одна особенность этнографического интервью. В отличие от стандартизированного интервью, где упоминание высокого статуса исследования может быть крайне успешной стратегией вовлечения респондента, в этнографическом интервью такой подход создаст ненужную дистанцию (Крейдли, 2002: 467–471). Здесь все равны, все должны быть близки хотя бы в момент разговора, находиться в одном регистре. Именно уход от дистанции, максимальное сближение с респондентом — ключ к успеху интервьюера в начале интервью.

Направленное слушание

Умение слушать — ключевой навык интервьюера. Для эффективной коммуникации именно навык слушания — залог успеха (Hargie et al., 1994: 194–218). Наоборот, «неумение слушать является основной причиной неэффективного общения, поскольку именно оно приводит к недоразумениям, ошибкам и проблемам» (Атватер, 2001). Интервьюер слушает, что говорит респондент, внимательно фиксируя и выстраивая в своей голове картину происходящего, анализируя полученную информацию с точки зрения логики и последовательности. Именно своими вопросами ему предстоит в дальнейшем заделывать белые пятна в рассказе (Голофаст, 1995). Или же отпустить эту тему, не развивать её — ведь этнографическое интервью не является глубинным, требующим полноты описания ситуации из жизни респондента. В этнографическом интервью именно умение слушать, не лезть со своей позицией и любопытством, поддерживать беседу эмпатически и дать ей развиваться гармонично и естественно — задача интервьюера.

Выжидание, обдумывание, активное и внимательное, эмпатическое слушание (Романова, Филиппов, 2009: 300) — достаточно сложная практика, с которой не всегда справляются интервьюеры. Надя успешно её реализует, не мешая повествованию тёти Вели. Со стороны может показаться некоторая отстраненность и незаинтересованность Нади, но на самом деле она максимально сосредоточена, внимательно слушает и обрабатывает информацию (ТЁТЯ ВЕЛЯ[21] — НАДЯ[20]).

Такое участливое слушание, невербальная и вербальная поддержка повествования (Hargie et al., 1994: 37–62; Ephratt, 2011), неторопливость, отсутствие навязчивого интереса к подробностям, малоговорение требуют от интервьюера предельной концентрации. Конечно, концентрация внимания имеет свои ограничения по длительности, поэтому необходимы некоторые компенсаторные перерывы: смех, смена дислокации, шутка, какие-либо физические действия, иногда даже смена активности (НАДЯ[32]).

Очень важно вовремя понять, что тема исчерпала себя или что респонденту не хочется дальше её развивать. В таком случае нужно дать ему возможность комфортно перейти к другой теме, отвлечься. Такой культуре общения (Зализняк, 2012: 165), умению слушать и слышать можно учиться годами. Интервьюер должен быть спокоен и восприимчив, как тонкий медиатор улавливать настроения респондента (Гоулман, 2017: 218). Не перебить рассказ, дать повествующему самому развить свою историю (Хоффман, 1994: 48), расставить в ней акценты, выйти на ту глубину рассказа, которая была бы уместна для него в данный момент, нащупать именно то, о чем хочется говорить — вот то, что важно в этнографическом интервью.



Уточняющие вопросы

Не каждый человек может связно и последовательно рассказать свою жизнь, и часто в самом начале интервью респонденты говорят об этом открыто: «Ой, да я вас не долго задержу-то! Я ничего не знаю, ничего не могу сказать» (ТЁТЯ ВЕЛЯ[11]). Опыт рассказа о себе, конечно же, присутствует у каждого человека, но в обычной жизни это происходит в диалогичном общении при обмене историями из жизни, где реплики говорящих относительно равнозначны по времени. В ситуации интервью вопрошающий про свою жизнь не рассказывает, навязывая респонденту модель направленного монолога, где последний рассказывает о себе сам и не получает в ответ аналогичную историю. Именно в этой связи, особенно в начале интервью, респонденты рассказывают короткие и, казалось бы, законченные истории, как бы проверяя, насколько важно и интересно то, что они говорят. Тётя Веля неоднократно резюмирует свои высказывания «вот так и прожили» (ТЁТЯ ВЕЛЯ[31]), «вот вся моя жизнь» (ТЁТЯ ВЕЛЯ[26]), как бы ставя точку в рассказе. Задача интервьюера в этом случае — сделать из точки запятую или многоточие, показать, что его жизнь интересна, и темы, которые он затрагивает — важны и актуальны. Сделать это возможно при помощи вопросов, и чем больше арсенал разного рода опросных конструкций у интервьюера, тем выше его эффективность.

Не каждый вопрос направлен на запрос новой информации, часто это уточнение или подтверждение того, что было сказано ранее. Такие вопросы можно назвать уточняющими (интервьюер уточняет какие-то факты из жизни респондента) и достоверительными (интервьюер удостоверяется, правильно ли он понял то, что было сказано). Часто вопрос можно охарактеризовать как уточняюще-достоверительный, поэтому мы их объединили в одну категорию. Применительно к ситуации этнографического интервью именно такой тип вопросов необходимо рассмотреть подробнее.

Удостоверительный вопрос требуется интервьюеру, когда респондент не очень глубоко описал ситуацию, но факты, которые он произнес, вызывают определенные интерпретации. Например, тётя Веля рассказала, как мужу в молодом возрасте отбило руку в лесу, и рука стала нерабочей. Упоминает она и о том, что до этого происшествия они с мужем держали скотину, а после несчастного случая муж остался с одной рукой и стал инвалидом. Надя логично предполагает, что муж мог остаться без работы, и спрашивает у тёти Вели, так ли это (ТЁТЯ ВЕЛЯ[30] — ТЁТЯ ВЕЛЯ[31]).

Надя оказывается права: нормальной работы у мужа респондента после этого не было. Но мы узнаем, что немного он все же подрабатывал. Вопрос Нади помогает тёте Веле более плавно вести повествование, несколько глубже описывать события, хотя отметим, что в конце реплики про мужа она все равно резюмирует свою жизнь (ТЁТЯ ВЕЛЯ[31]). Такой тип вопросов, конечно же, достаточно часто употребляется в обыденной, повседневной речи, и, более того, именно обилие таких вопросов показывает, что люди понимают друг друга, слушают друг друга. Очевидно, что использование этих вопросов в речи интервьюера приближает интервью к повседневному разговору. Это более понятная и узнаваемая ситуация для респондента, и это позволяет ему расслабиться, более спокойно и в обычном для себя режиме вести рассказ. Конечно, есть и определенные риски: например, мы можем столкнуться с чрезмерной интерпретацией интервьюера, навязыванием своей позиции или своего понимания ситуации, особенно когда интервьюер сам резюмирует рассказ или пытается подвести его под какие-либо аналитические категории. Эффективный способ не увлечься — выбирать короткие и точные формулировки в уточняющих, удостоверяющих вопросах: это не будет сбивать респондента, навязывать ему непривычную для него лексику, не будет уводить ситуацию монологичности в диалогичность и, более того, будет работать как элемент активного и внимательного слушания, показывать, что интервьюер понимает, о чем говорит респондент (ТЁТЯ ВЕЛЯ[43–44]).

Важно отметить, что удостоверительные и уточняющие вопросы могут быть как содержательными, так и функциональными. В первом случае они направлены на поиск или уточнение фактической или целевой информации, на запрос подробностей, словом, несут смысловую нагрузку. Во втором случае они выполняют разные функции, например, могут служить управлению беседой, выводить ее в нужное русло, разряжать психологическую атмосферу интервью, создавать особое ощущение со-участия и эмпатии, сблизить респондента и интервьюера, что крайне важно для этнографического интервью.

Контактное, фатическое общение

Этнографическое интервью может быть только контактным и непосредственным, т.е. участники обязательно должны находиться в одном месте и взаимодействовать друг с другом напрямую, без дополнительных средств в виде телефона, интернета и так далее. Именно личный и близкий контакт, создание доверительной и даже несколько интимной атмосферы — отличительная особенность этнографического интервью. Особую роль в таком контактном общении имеют жестово-мимические и интонационные сигналы (Формановская, 2017: 17). Вот что пишет о контактном общении Н. И. Формановская: «здесь все на виду, многое понятно с полуслова, а нередко мимика, выражение глаз, жест, фразовое ударение, интонация в целом говорят больше, чем слова» (там же).

Особое место в контактном общении занимают междометия, в целом характерные для диалогического взаимодействия. Междометия (НАДЯ[18], НАДЯ[19], НАДЯ[20]) и междометные высказывания (НАДЯ[31]) служат для выражения эмоций, удивления, согласия, т.е. для поддержания контакта участников взаимодействия. Видно, как сложно и медленно выстраивает свою речь тётя Веля и как внимательно и терпеливо слушает её Надя.

Такая беседа «по-свойски», с полной открытостью намерений, разговор за жизнь, где интервьюер направляет своё внимание на повествование респондента (Квале, 2003: 15; Фукс-Хайнритц, 1994: 25), включает рефлексивное слушание, способствует раскрытию респондента. Рассказывающий здесь один — это респондент; второй — интервьюер — внимательно молчит, кивает, поддерживает, но не рассказывает о себе. Поэтому этнографическое интервью больше напоминает исповедь, беседу у психоаналитика, а не вопрос-ответную коммуникацию. Самое главное здесь — поддержание коммуникативного контакта, норм и ритуалов речевого поведения, то общение, которое, вслед за Б. Малиновским, можно назвать «фатическим». Фатическое общение не несет новой смысловой информации, не имеет логической и содержательной составляющей, это своего рода ритуал контактирования (Формановская, 2012: 173–174). Фатическое общение создает условия для успешного обмена информацией между говорящими, обеспечивает особую близость: «душевная доверительность, “узы общности”, сочувствие и соучастие, духовное единение, ощущение, что “мы одной крови”, сближение хоть бы на короткое время (с железнодорожным попутчиком), желание поделиться и быть понятым — все это фатика» (там же: 174).

Этнографическое интервью не может быть формальным, оно невозможно без эмпатии, без доверия, без эмоций и без одобрения. Именно фатическое общение в этнографическом интервью способствует поддержанию контакта и развитию повествования респондента.

Управление контекстом (работа с чувствительностью, управление эмоциями, этика)

Самое трагичное и эмоционально насыщенное событие в жизни респондента — смерть маленькой дочери. Это событие, которое глубиной своей боли не может оставить безучастным собеседника вне зависимости от его профессионализма, интервьюерского мастерства и коммуникативного опыта (ТЁТЯ ВЕЛЯ[32] — ТЁТЯ ВЕЛЯ[34]).



Тётя Веля не готова рассказывать об этом более подробно, сам рассказ дается ей с огромным трудом: она делает длительные паузы, осекается, что-то бормочет про себя, вздыхает. Сенситивность этой темы для респондента зашкаливает, потому она сама останавливает себя и пытается переключиться на что-то другое. Она замечает диктофон, и это становится для неё выходом из сложившегося психологического напряжения в коммуникации — ей удается отойти от описываемых событий и сохранить лицо. Сразу же она обесценивает сказанное, чтобы сделать его менее травматичным для себя и для Нади. Надя тему не развивает, но подчеркивает важность сказанного тётей Велей. Она понимает, что есть риск вхождения респондента в измененное состояние, и в этом случае, вернуть его к нормальной, обычной беседе будет очень сложно. Материнская боль утраты всепоглощающа, оставить её незамеченной и вернуться в доброжелательный и чуть игривый тон разговора в такой ситуации — не только неправильно, но и невежливо. Надя осознает, что начни она развивать эту тему, уходить вглубь переживаний респондента, отойти от этой ситуации в интервью далее будет уже невозможно, она как якорь будет тащить за собой тётю Велю, и весь свой дальнейший рассказ, оценку своих жизненных ситуаций она фактологически и эмоционально будет выстраивать через призму этого события. Надя принимает решение не углубляться, не узнавать подробности горя. Она решает нащупать островок стабильности — тему с домом — и далее развивает разговор в ключе последующей жизни респондента: новые роды, рождение сына. По сути, Надя находит сильное и положительно заряженное эмоциональное событие в жизни тётки Вели, дает ей возможность переключиться. Функционально подробности смерти дочери вряд ли дадут нам новую информацию, ведь уже из рассказанного можно предположить невысказанное чувство вины и всю ту боль, с которой живет тётя Веля (Шмелев, 2012: 479). Вряд ли в том месте, где она находится, существует грамотная психологическая помощь, которая помогла бы тётке Веле пережить эту утрату с меньшими потерями. Надя не психотерапевт, она не обладает и не должна обладать нужными познаниями в этой области, и совершенно правильно, что она не берет на себя такую роль. С точки зрения этики Надя принимает верное решение по дальнейшему развитию беседы (Квале, 2003: 122). Важно это и с точки зрения метода, ведь, в отличие от глубинного, этнографического интервью не предполагает глубокого и подробного описания событий жизни респондента. Задача этнографического интервью — понять повседневность респондента, чем он живет, как проводит свои дни, чем интересуется, до какой степени сам рефлексировал свою жизнь, — а вовсе не вскрыть все его глубинные переживания и разузнать подробности трагичных событий.

Контекст, в котором происходит взаимодействие, — это сложный, запутанный, неоднозначный мир респондента, и интервьюер должен понимать, что его задача — не раскопать сенсацию, не выведать рвущие душу подробности, не отпустить грехи и не дать выговориться. Разговор закончится, мы уйдем, а респондент останется в этих переживаниях и прокручивании этой ситуации. Это слишком большая ответственность, интервьюер не должен вызывать рефлексии и переоценку событий, его задача — гармонично составить компанию респонденту на определенный период времени, со-существовать с ним момент разговора, не переструктурировать его повседневность, а стать её временной, органичной частью. Интервьюер должен идти за респондентом, углубляться на столько, на сколько того желает сам человек, рассказывающий о своей жизни, следовать его сценарию (Берн, 2017: 43–44). Поняв, что беседа принимает драматичный поворот, Надя переключает разговор на повседневные вещи, возвращает тётю Велю из переживаний и воспоминаний в реальность. Респондент не засасывает Надю: она отстраненна и этична, у нее нет «конфликта интервьюера и человека», поэтому она может управлять контекстом беседы (Dickson-Swift et al., 2007: 330).

Рефлексивная позиция интервьюера

Со-участие в жизни респондента на момент интервью, нахождение вместе с ним на его территории, прикосновение к его индивидуальному миру — это то, что крайне важно, но остается за кадром. Во время любого интервью огромное количество информации передается при помощи невербальных средств, например, позы респондента, направления его взгляда, мимики, темпа и скорости его речи, пауз и интонирования. Чтобы интервью стало этнографическим, интервьюеру необходимо отрефлексировать свою позицию и сложившееся взаимодействие, описать контекст, в котором оно происходило. В тексте пьесы за рефлексией интервьюера отвечают комментарии в скобках, но их недостаточно для создания полной картины происходящего. Там нет достаточных описаний эмоциональной компоненты разговора, невербального поведения респондента, чтобы мы могли делать свои заключения не только из речи. В этом плане театральное действие может компенсировать этот недостаток, приблизить ситуацию к тому, как она могла бы происходить.

Итак, этнографическое интервью требует от интервьюера рефлексивности, вне зависимости от того, были ли его действия осознанными или интуитивными. Прием рецепции (Романова, Филиппов, 2009: 230) — возвращения к тому, что уже было сказано респондентом, — позволяет интервьюеру анализировать разговор в реальном времени, вставить в рефлексивную позицию. У профессионального интервьюера должна быть хорошо развита логическая память, он легко заметит противоречия, несоответствия и непоследовательности в речи респондента. Очень важно, чтобы все эти сомнения и размышления были зафиксированы в заметках интервьюера к данному конкретному интервью, а его личное переживание интервью — в полевом дневнике (Штейнберг, 2008: 189). Те естественные техники сбора данных (Романов, 1996: 143), которые использует Надя, профессиональны и органичны для нее, но могут не подходить для другого интервьюера. Это именно её «волшебный ключик» от двери, ведущей в душу респондента. То, как она подбирает этот ключик, как открывает эту дверь — все обязательно должно быть отражено в заметках интервьюера. Только такая рефлексивная позиция интервьюера, который описывает свои эмоции, мысли, умозаключения, причины выбора той или иной стратегии разговора, речевой тактики или темы для дальнейшего общения, формирует особый жанр направленной беседы, делает возможным составить из коммуникативного взаимодействия аналитический конструкт.

Заключение

Этнографическое интервью может и должно происходить в течение нескольких встреч интервьюера и респондента, и встречи эти должны быть максимально непринужденными, приближенными к повседневной жизнедеятельности респондента. Каждый новый виток общения привносит что-то новое в отношения респондента и интервьюера, в дискурс этнографического интервью с данным конкретным человеком. По этой причине сложно определить последовательность речевого взаимодействия, то, как плетется кружево жизни респондента. Интервьюер здесь — четкий медиатор процесса, угадывающий хитросплетения души респондента, помогающий ему рисовать замысловатый узор жизненного опыта. История бесконечна, каждая новая встреча добавляет красок и новых штрихов в описываемую картину жизни респондента, иногда даже представляя уже рассказанные события в новом или другом свете. Этнографическое интервью — больше творчество, интуиция, психология, чем коммуникативные техники и речевые приемы.



Литература

- Атватер И. Я Вас слушаю: Советы руководителю, как правильно слушать собеседника // Психология внимания. Хрестоматия / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М.: ЧеРо, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://textarchive.ru/c-2861441.html> (дата обращения: 19.03.2018)
- Берн Э. Люди, которые играют в игры / Пер. с англ. А. Грузберга. М.: Издательство «Э», 2017.
- Голофаст В. Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–89.
- Гулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / Пер. с англ. А. П. Исаевой. 5-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
- Зализняк А. А. Заметки о словах: общение, отношение, чувство, эмоция // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 167–174.
- Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.
- Квале С. Исследовательское интервью / Пер. с англ. М. Р. Мироновой. М.: Смысл, 2003.
- Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Романова Н. Н., Филиппов А. А. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология. М.: Флинта: Наука, 2009.
- Романов П. Процедуры, стратегии, подходы «социальной этнографии» // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 138–148.
- Формановская Н. И. Коммуникативный акт. М.: Издательство ИКАР, 2012.
- Формановская Н. И. Культура общения и речевого поведения. 3-е изд. М.: Издательство ИКАР, 2017.
- Фукс-Хайнриц В. Биографический метод / Пер. с англ. Е. Ю. Мещеркиной // Биографический метод: История, методология, практика / под ред. Е. Ю. Мещеркиной, В. В. Семеновой. М.: Институт социологии РАН, 1994. С. 11–41.
- Хоффман А. Достоверность и надежность в устной истории / Пер с англ. В. В. Семеновой // Биографический метод: История, методология, практика / под ред. Е. Ю. Мещеркиной, В. В. Семеновой. М.: Институт социологии РАН, 1994. С. 42–50.
- Шмелев А. Д. Семантика печали // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 471–484.
- Штейнберг И. Е. Профилактика «профессионального выгорания» в полевой работе социолога // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). 2008. № 27. С. 188–202.
- Dickson-Swift V., James E. J., Kippen S., Liamputtong P. Doing sensitive research: what challenges do qualitative researchers face? // Qualitative Research. 2007. No. 7. P. 327–353.
- Ephratt M. Linguistic, paralinguistic and extralinguistic speech and silence // Journal of Pragmatics. 2011. Vol. 43. No. 9. P. 2286–2307.
- Hargie O., Saunders C., Dickson D. Social skills in interpersonal communication. 3rd ed. New York: Routledge, 1994.
- Garbarski D., Schaeffer N. C., Dykema J. Interviewing practices, conversational practices, and rapport: Responsiveness and engagement in the survey interview // Sociological Methodology. 2016. Vol. 46. No. 1. P. 1–38.
- Miller C. Interviewing strategies, rapport, and empathy // Diagnostic interviewing / 4th ed.; Ed. by D. L. Segal, M. Hersen. New York: Springer, 2010. P. 23–37 [Электронный ресурс]. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-4419-1320-3_2 (дата обращения: 12.06.2018)

DOI: 10.19181/inter.2018.16.4

Ethnographical interview: field interviewer comments to the science play

Anna Ipatova*

* *Ipatova Anna* — *Candidate of Sciences (Culturology), senior researcher at Laboratory of Social Research Methodology of the Institute for Social Analysis and Forecasting of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. ipatova_anna@mail.ru*

The article is devoted to the field interviewer introspection to the ethnographical interview. The material for the introspection is the "science play" given by Dmitry Rogozin. As it is defined in the play, there are six methodological comments of the commentator-analyst. The author suggests his own perspective of the science play comments. Suggested comments refer to the structure of the play (the beginning of communication, communicative interaction), as well as to the strategies of the interviewer behavior (directive listening, asking qualifying questions, context management, reflexive position).

Keywords: ethnographical interview, field interviewer, communicative technics, effective communication, empathy, communicative interaction, interlocution

References

- Atvater I. (2001) Ya Vas slushayu: Sovety` rukovoditelyu, kak pravil'no slushat` sobesednika [I'm listening to you: recommendations for the director on how correctly listen to the interlocutor]. *Psixologiya vnimaniya. Xrestomatiya* [Psychology of attention. Anthology] (eds. Yu. B. Gippenrejtser, V. Ya. Romanov). Moscow: CheRo. URL: <http://textarchive.ru/c-2861441.html> (accessed 19 March 2018)
- Bern E'. (2017) *Lyudi, kotorye igrayut v igry* [People who play games] (Translated by A. Gruzberg). Moscow: Izdatel'stvo "E".
- Golofast V. B. (1995) Mnogoobrazie biograficheskix povestvovanij [Variety of biographical storytelling]. *Sociological Journal*, no 1, pp. 71–89.
- Goulman D. (2017) *E`mocional'nyj intellekt. Pochemu on mozhet znachit' bol'she, chem IQ* [Emotional intelligence. Why It Can Matter More Than IQ] (Translated by A. P. Isaeva). 5th ed. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Zaliznyak A. A. (2012) Zametki oslovax: obshhenie, otnoshenie, chuvstvo, e`mociya [Notes about words: communication, relationship, feeling, emotion]. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Konstanty` i peremenny`e russkoj yazy`kovoju kartiny` mira [Constants and variables of Russian linguistic worldimage]. Moscow: Yazy`ki slavyanskix kul'tur. P. 167–174.
- Karasik V. I. (2009) *Yazy`kovy`e klyuchi* [Language keys]. Moscow: Gnozis.
- Kvale S. (2003) Issledovatel'skoe interv'yu [Research Interviewing] (Translated by M. R. Mironova). Moscow: Smy`sl.
- Krejdlin G. E. (2002) *Neverbal'naya semiotika: Yazy`k tela i estestvennyj yazy`k* [Non-verbal semiotics: Body language and natural language]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Romanova N. N., Filippov A. A. *Slovar`. Kul'tura rechevogo obshheniya: e`tika, pragmatika, psixologiya* [Dictionary. Culture of verbal communication: ethics, pragmatics, psychology]. Moscow: Flinta; Nauka.
- Romanov P. (1996) Procedury`, strategii, podxody` «social'noj e`tnografii» [Procedures, strategies, approaches of 'social ethnography']. *Sociological Journal*, no. 3–4, pp. 138–148.
- Formanovskaya N. I. (2012) *Kommunikativnyj akt* [Communicative act]. Moscow: IKAR.



Formanovskaya N. I. (1994) *Kul'tura obshheniya i rechevogo povedeniya* [the culture of communication and speech behavior]. 3rd ed. Moscow: IKAR.

Fuks-Xajnitcz V. (1994) Biograficheskij metod [Biographical method] (Translated by E. Yu. Meshcherkina). *Biograficheskij metod: Istoriya, metodologiya, praktika* [Biographical method: history, methodology, practices] (eds. E. Yu. Meshcherkina, V. V. Semenova). Moscow: Institut sociologii RAN, pp. 11–41.

Hoffman A. (1994) Dostovernost' i nadezhnost' v ustnoj istorii [Authenticity and reliability in oral history] (Translated by V. V. Semenova). *Biograficheskij metod: Istoriya, metodologiya, praktika* [Biographical method: history, methodology, practices] (eds. E. Yu. Meshcherkina, V. V. Semenova). Moscow: Institut sociologii RAN, pp. 42–50.

Shmelev A. D. (2012) Semantika pechali [Semantica of sadness]. At: Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Konstanty i peremenny'e russkoj yazy'kovoj kartiny mira* [Constants and variables of Russian linguistic worldimage]. Moscow: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, pp. 471–484.

Shteinberg I. E. (2008) Profilaktika «professional'nogo vy'goraniya» v polevoj rabote sociologa [Prophylaxis of “professional burnout” in the field work of the sociologist]. *Sociology: methodology, methods and mathematical modelling* (Sociology: 4M), no. 27, pp. 188–202.

Dickson-Swift V., James E. J., Kippen S., Liamputtong P. (2007) Doing sensitive research: what challenges do qualitative researchers face? *Qualitative Research*, no. 7, pp. 327–353.

Ephratt M. (2011) Linguistic, paralinguistic and extralinguistic speech and silence. *Journal of Pragmatics*, vol. 43, no. 9, pp. 2286–2307.

Hargie O., Saunders C., Dickson D. (1994) *Social skills in interpersonal communication*. 3rd ed. New York: Routledge.

Garbarski D., Schaeffer N. C., Dykema J. (2016) Interviewing practices, conversational practices, and rapport: Responsiveness and engagement in the survey interview. *Sociological Methodology*, vol. 46, no. 1, pp. 1–38.

Miller C. (2010) *Interviewing strategies, rapport, and empathy. Diagnostic interviewing, 4th ed.* (Ed. by D. L. Segal, M. Hersen). New York: Springer, pp. 23–37. Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-4419-1320-3_2 (accessed: 12 June 2018)

Судьба Бурана в структуре территориальной идентичности района Тушино¹

DOI: 10.19181/inter.2018.16.5

Анна Стрельникова*

В статье рассматриваются основные сюжеты истории орбитального корабля Буран, который разрабатывался и собирался на Тушинском машиностроительном заводе в 70х-80х годах прошлого века. На базе эмпирического исследования выделяются основные элементы нарративов о Буране, а также ключевые сюжеты «биографии» Бурана. В статье показано, что причастность к работам над Бураном является одним из важных смыслообразующих элементов территориальной идентичности жителей Тушино.

Ключевые слова: Тушино, Буран, территориальная идентичность, индустриальный район, завод

«15 ноября 1988 г. орбитальный корабль Буран, совершив два витка вокруг Земли и управляясь полностью автоматически, коснулся посадочной полосы с точностью, которой могут позавидовать опытные лётчики. Это была первая в мире автоматическая посадка крылатого космического аппарата. Это была победа тысяч ученых, специалистов и рабочих».

Официальный сайт Тушинского машиностроительного завода²

Тушино — бывший поселок, город, а затем и район столицы с многослойным прошлым и противоречивыми границами, — является одним из ключевых объектов в проекте о прошлом и настоящем рабочих районов.³ Ранее в Тушино работали предприятия авиастроительной и космической промышленности, размещались аэродромы полярной и военной авиации, и жили «советские простые люди». Идентичность таких людей — работников заводов, являющихся жителями близлежащих заводских районов — в настоящее время является ускользающей (Стрельникова, 2018) и изучается в проекте с помощью интервью, биографических прогулок, ментальных карт и анализа документов.

В данной статье на материалах упомянутого проекта я рассмотрю историю Бурана — советского орбитального корабля многоразового использования — и превращение

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Прошлое и настоящее рабочих районов: трансформации социокультурной и территориальной идентичности», при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-33-01006)

* Стрельникова Анна — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. astrelnikova@hse.ru

² Официальный сайт Тушинского машиностроительного завода (ТМЗ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oao-tmz.ru/node/12> (дата проверки 12.10.2018)

³ Сайт проекта: present-past.ru. Участники проекта: Анна Стрельникова, Александрина Ваньке, Елизавета Полухина. Автор благодарит магистранток НИУ ВШЭ Яну Багину и Олесу Ключину за неоценимую помощь в работе над кейсом Тушино в течение проекта.



этой истории в элемент территориальной идентичности района Тушино⁴. В основе анализа — материалы публикационного и визуального массива (более 200 единиц), которые отбирались по наличию ключевых слов «Тушинский машиностроительный завод», «ТМЗ», «Буран»: новостные ленты, массовые печатные издания, онлайн-дискуссии, ролики на Youtube. Также я опиралась на результаты наблюдений на территории района Тушино (24 сеанса наблюдений) и на полуформализованные интервью с жителями района (в данной статье используется 8 интервью из собранных 18ти).

Тушинская идентичность: авиационный район

Территория Тушино в советское время формировалась вокруг двух заводов — Тушинского машиностроительного завода (ТМЗ) и находящегося рядом завода им. Чернышева, оба из которых имели авиационный профиль деятельности (Рис. 1).

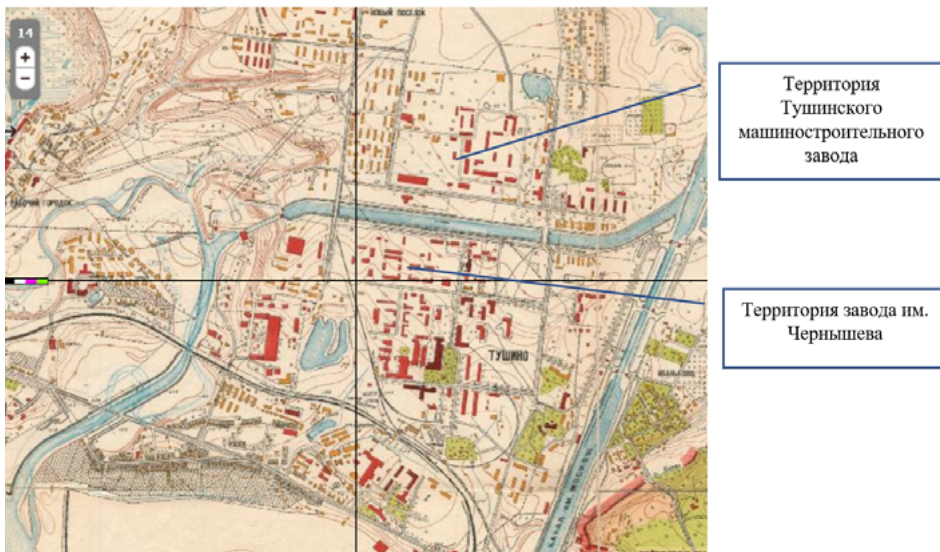


Рисунок 1. Фрагмент ретро-карты 1952 года с изображением г. Тушино. (Источник: retromap.ru)

На территории Тушино находилось 2 аэродрома, один из которых был известен как место праздничных авиапарадов, другой — как опорная точка советской полярной авиации. Неудивительно, что авиационные сюжеты легли в основу *территориальной идентичности* жителей района, т.е. эмоционально окрашенного чувства принадлежности к пространству, которое формируется в том числе благодаря знанию о тех событиях, объектах и локациях, которые связаны с прошлым. Примеры таких объектов приведены на рисунке 2 и Фото 1–2. В нарративах местных жителей это также подчеркивается:

«я воспринимал Тушино как мощный авиационный район» (муж., 65 лет, работал на авиационном предприятии в коллаборации с ТМЗ),

⁴ В проекте используется топоним «Тушино» несмотря на то, что он не соответствует текущему официальному разделению на районы. Под «Тушино» в рамках проекта «Прошлое и настоящее рабочих районов» понимается территория в рамках исторических границ города Тушино; в настоящее время эта территория поделена между московскими административными районами Покровское-Стрешнево, Южное Тушино и Северное Тушино.

«Это гидроспуск [для гидропланов]. Здесь было довольно много заводов авиа-промышленности» (жен., 36, живет в Тушино с детства).

Вполне логично, что символом района является пропеллер:

«Все-таки это и два предприятия, которые связаны с авиацией. И «Красный октябрь», и «ТМЗ», который выпускал в годы войны «Яки». Все равно идёт авиация. Были два аэродрома — Тушинский и Захарково. Многое, что связано все-таки с авиацией. Именно для меня символ — мотор, самолёт, что-то такое» (жен., 59, живет в Тушино 50 лет).



Рисунок 2. Герб района Южное Тушино (Источник: <https://tushino-juzhnoe.mos.ru/about-the-area/the-symbolism-of-the-district/?special=Y>)



Фото 1. Авиационная тематика в объектах инфраструктуры Тушино (кинотеатр «Полет»). Фото Анны Стрельниковой.



Фото 2. Вид на авиационно-космическую эмблему Тушинского машиностроительного завода. Фото Олеси Ключиной.



Далее перейдем к анализу такого элемента тушинской территориальной идентичности, как орбитальный корабль Буран — пожалуй, последний из широко известных объектов, произведенных заводом ТМЗ и НПО «Молния»⁵, который до сих пор является объектом гордости у старожилов района и всех тех, кто причастен к отечественной аэрокосмической тематике.

Политика памяти: как структурируется информация о Буране

Реконструирование памяти о важных событиях прошлого тесным образом связано с текущей социально-политической ситуацией, а также с практиками, регулирующими коллективную память и сам выбор фокуса интерпретации событий: «переупорядочивание или изменение коллективной памяти означает постоянное «изобретение прошлого», которое бы подходило под настоящее» (Репина, 2012: 5). Текущая ситуация отмечена тем, что заводы в городской черте закрываются или резко сокращают свою деятельность, т.е. все их производственные успехи остаются в прошлом. Становясь объектом воспоминаний, заводское прошлое реконструируется через наиболее яркие, типичные, узнаваемые события. Как следует из проведенного нами исследования, история Бурана входит в число этих событий, и может быть рассмотрена на четырех уровнях: СМИ, музеи, ностальгические Интернет-сообщества, личные воспоминания.

СМИ

Упоминания о Буране в СМИ в последние 10 лет являются достаточно редкими и связаны со следующими тремя сюжетами: перемещение макета орбитального корабля из Парка Горького на ВДНХ (2011 год), новостные и дискуссионные материалы в годовщину запуска Бурана, судьба завода ТМЗ («завод, на котором собирали Буран» (Новости РБК, 2018)). Контекст упоминаний соотносится, во-первых, с патриотическим вектором («победили Америку в технологической гонке на тот момент», «превзошли Шаттл» (Ячменникова, 2013), во-вторых, с вектором легендарности самого полета и разработок (внесен в книгу рекордов Гиннеса, «венец советской космической эры»).

Музеи

На текущий момент в Москве существует официальный музей Бурана, который размещается на ВДНХ в корпусе макета орбитального корабля⁶ (до 2011 года этот макет располагался у набережной в Парке Горького). Музей является интерактивным и преподносит «парадный» фрагмент истории Бурана (от информации о сложной и успешно выполненной задаче по разработке и сборке изделия до его успешной посадки, которую желающие могут повторить в специальном симуляторе). В отзывах посетителей музея, доступных в google-картах, можно обнаружить полярные оценки этого места: говорится о радости за то, что макет корабля сохранен и по-прежнему вызывает ностальгическую гордость, но вместе с тем упоминается дороговизна билетов (500 рублей — взрослый билет и 250 — детский) и сожаление о том, что в музее практически ничего не осталось от настоящего Бурана.

В Тушино (если говорить о текущих административных границах, то в Покровском-Стрешнево) имеется неофициальный музей, посвященный Бурану. Он располагается в школе 830, которая находится примерно в 15 минутах ходьбы от ТМЗ, и занимает

⁵ Для решения конструкторских задач было создано НПО «Молния» в рамках Тушинского машиностроительного завода, где происходила сборка корабля. В целом в разработке и реализации проекта принимали участие сотни предприятий Советского Союза.

⁶ Сайт музея: <http://vdnh.ru/events/vystavki/interaktivnyy-muzeynyy-kompleks-buran/>

одну комнату площадью 40 кв. м. Музейный фонд пополняется в основном старожилами района, которые ранее работали на заводе и в НПО «Молния». На данный момент музей располагает ретро-фотографиями, книгами и памятными альбомами, сувенирами, фрагментами личных документов, видеокассетами, плакатами, макетами, а также несколькими заводскими проектировочными стендами. Кроме того, в ходе нашего исследования было обнаружено, что 2 года назад по инициативе местных жителей было разработано несколько макетов памятника Бурану. Представитель инициативной группы сообщил, что на текущем этапе необходим сбор подписей по поводу места установления памятника и прохождение различных бюрократических процедур. Макеты памятника в настоящее время хранятся в данном школьном музее (Фото 3). Как и памятник «Рабочий и колхозница» (Стрельникова, 2015), проектируемый памятник Бурану символически обращен к позитивной стороне советского прошлого (в данном случае — достижения, покорение космоса).



Фото 3. Макеты памятника Бурану в школьном музее (школа 830 г. Москвы). Фото Анны Стрельниковой.

Ностальгические Интернет-сообщества

Функцию сохранения памяти о «старом» Тушино и о Буране достаточно активно взяли на себя ностальгические Интернет-сообщества: сайты, блоги, видеоблоги. Некоторые из таких ресурсов можно назвать «виртуальными музеями» — например, авторский ресурс П. Лукашевича (buran.ru), который сам автор называет энциклопедией крылатого космоса. На сайте представлены обширные архивы фотографий, рисунков, видео, информационных материалов, связанных как с Бураном, так и с рядом других советских аэрокосмических проектов. Сайт выполнен в «конструкторском» дизайне, имитирующем металлические элементы обсуждаемой техники (Фото 4).



Фото 4. Фрагмент скриншота главной страницы сайта buran.ru.

Содержание сайта представляет собой не только обсуждение успехов советского покорения космоса, но также и «дневниковые» записи автора, в т.ч. о том, что эти успехи были утрачены, что усиливает ностальгическую составляющую данного Интернет-ресурса. Например, статья автора в дату юбилея запуска Бурана называется «Космос как разочарование...», и в ней отмечается, что «история «Бурана» стала символом нашей истории, олицетворением нашей судьбы, свидетельством нашего взлета и падения, показателем нашего отношения к нашему историческому наследию, отношению к самим себе. Сначала — многолетняя напряженная работа, увенчавшаяся беспрецедентным беспилотным полетом в теперь уже далеком ноябре 1988-го, наш тогдашний триумф со слезами на глазах, наш долгожданный национальный реванш за проигрыш в лунной гонке... Рукоплескания наших друзей, и скупые, скрипя зубами, поздравления наших конкурентов. Затем — резкий сброс темпов, отсрочки второго полета и отсечка финансирования. Распад СССР и постановка «Бурана» на прикол... В конце — закономерный, символически показательный и исторически неизбежный итог — гибель «Бурана» под обломками рухнувшей крыши» (Космос как разочарование, 2018)

В сети Youtube размещены десятки ностальгических ретро-фильмов о тушинских авиапарадах, а также роликов, посвященных Бурану и сопутствующим проектам. Однако роль рядовых жителей района в подобных материалах, как правило, остается за кадром — в основном освещается роль главных конструкторов, руководителей проектов, но не простых рабочих (Последний «Буран» Империи, 2008). Можно предположить, что ностальгические визуальные репрезентации передаются людьми с более высоким статусом (точно так же, как устная история — от «простых» людей, а письменная, официальная — от более «авторитетных»).

Личные воспоминания

Расказы о Буране являются важным сюжетом интервью со старожилками района (прежде всего, с самими работниками завода ТМЗ и НПО «Молния»). Отметим, что, как и в случае с другими ретроспективными сюжетами, затронувшими большую часть людей, память о Буране имеет два слоя: пересказ «канонической» коллективной версии, с которой рассказчик сверяется при уточнении своих воспоминаний, т.е. которую

«принято» излагать, так как ее придерживается большинство, и изложение собственно индивидуальных воспоминаний (Хальбвакс, 2007; Куприянов, 2012). При этом в целом в нарративах о Буране можно выделить несколько ключевых структурных элементов: обозначение масштаба проекта (перечисление причастных к проектно-конструкторским работам — сотен предприятий, известных ученых и конструкторов), обозначение своей личной роли в реализации проекта, история создания Бурана (прежде всего, описание сложностей, которые приходилось преодолевать: постоянная гонка за сроками, нехватка комплектующих, необходимость их доставать всеми правдами и неправдами), история транспортировки Бурана из цеха ТМЗ на подмосковный аэродром, история успеха и славы (информация об успешном запуске, награждениях, всеобщей радости и гордости), история упадка (социально-экономические преобразования, которые привели к забвению проекта, а затем и к упадку завода ТМЗ), и сюжет сохранения памяти (информация о мероприятиях в память Бурана, о различных неформальных инициативах). К последнему сюжету можно также отнести формирование локальных районных легенд. Например, как в интервью, так и в Интернет-дискуссиях упоминается, что транспортировка Бурана из цеха ТМЗ на подмосковный аэродром Жуковский должна была проводиться в условиях строгой секретности, однако местные жители «украдкой наблюдали», «отец рассказывал», «соседи видели», «все знали, зачем расширяют улицу». Как показали наши наблюдения и интервью, место для погрузки Бурана с берега на баржу является сейчас одной из точек неофициальных экскурсий по району (Фото 5).



Фото 5. Причал, на котором совершалась погрузка Бурана на баржу для дальнейшей транспортировки. Фото Анны Стрельниковой.

Из нарративов проведенных нами интервью можно выстроить «биографию» самого Бурана и разделить ее на несколько этапов:

1. Первый этап: советская повседневность, выполнение плана в сжатые сроки, ответственная задача, которая способствовала и развитию заводского района: *«Чертежей тысяча, надо было все это отследить. Был жесткий план. Все быстрее и быстрее <...> На Буран хорошие деньги шли, поэтому ... построили дома [у завода ТМЗ], поликлинику, ДК «Салют» построили, дом отдыха отремонтировали. Все были обеспечены квартирами,*



был свой комбинат питания» (муж., 83, главный инженер Бурана-«двойки» (второй экземпляр для испытаний) на ТМЗ).

2. Второй этап: успешный запуск орбитального корабля как кульминационный момент: *«Три космических достижения было: полет Гагарина, высадка на Луну и наш Буран»* (муж., 83, главный инженер Бурана-«двойки» (второй экземпляр для испытаний) на ТМЗ), *«работой на заводе [ТМЗ] гордились, хвастались. Это был передовой завод, на котором построили Буран»* (муж., 30, работал на ТМЗ 3 года, старшие члены семьи в 2-х поколениях также работали на ТМЗ).

3. Третий этап: «смутное время». Этот этап наступил практически сразу после яркой кульминации, так как начинались девяностые, печально известные тем, что «каждый выживал в то время, как мог» (Polukhina, Strelnikova, Vanke, 2017). Несмотря на единственный и при этом успешный полет, космический проект «Буран-Энергия» был закрыт. Для Тушинского машиностроительного завода наступили тяжелые времена (неоднократные смены собственников, убытки, увольнения работников). А сам Буран в этом периоде постигла та же судьба, что коснулась большинства объектов советского периода (Стрельникова, 2015): забвение, риск утраты, попытки использовать объект для развлечений и досуга⁷. Один информант с печалью вспоминал, как в 90-е годы на Тушинском радиорынке он *«...в киосках находил комплектующие и узлы из нашего предприятия»* (муж., 65, работал на авиационном предприятии в коллаборации с ТМЗ). И новый кульминационный момент, но уже со знаком «минус»: разрушение основного экземпляра орбитального корабля, и попытка сохранить макетные экземпляры: *«мы все следили, как он летал. Это была такая гордость. Мы даже увидели, как его везли [из цеха ТМЗ к Москве-реке]. И когда вот его начали резать и делать из него непонятно что, было просто обидно. Знаете, наверное, грубо скажу, как будто дитя потерять. Вот такое был чувство»* (жен., 59, живет в Тушино 50 лет).

4. Четвертый этап: активизация коллективной памяти с привязкой к территории Тушино. Появление неофициальных инициатив, связанных с установкой памятника, меморизацией улицы, которую расширяли ради транспортировки Бурана по Москве-реке, создание школьного музея, посвященного Бурану, и др.:

«Сама идея музея принадлежит жителям Тушино, это их запрос» (жен., директор школьного музея).

Часть из этих активностей в текущем году можно объяснить 30-летним юбилеем полета Бурана, и, в целом, актуализацией контекста советского космоса (например, появление художественных фильмов, обыгрывающих сюжеты советской космонавтики — фильм 2017 года «Салют-7» и др.).

Заключение

Тридцатилетний юбилей полета орбитального корабля Буран — знаменательное событие, вынесенное в эпиграф, — проходит на грустной ноте. Работы на заводе ТМЗ свернулись, большая часть территории занята арендаторами, а сам завод в этом году оказался на торговой площадке Авито. Однако наше исследование показывает, что рассказы о Буране как о самом известном изделии завода являются важным сюжетом локальных нарративов о прошлом. Вокруг этих нарративов формируются солидарности и поддерживается социокультурная и территориальная идентичность.

⁷ Например, один из рабочих макетов Бурана стоял в Парке Горького в Москве с 1993 г. до 2011 г. и использовался как аттракцион (см.: www.park-gorkogo.com/about/history).

Литература

Куприянов П. С. Вспоминая о месте... вместе: групповое интервью в изучении городского пространства // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 15: Стратегия и практика полевых исследований. Сборник научных статей. М., 2012. С. 84–105.

Лукашевич В. П. Космос как разочарование... [Электронный ресурс] URL: <http://www.buran.ru/hm/str224.htm> (проверено 19.11.2018)

Новости РБК от 09.08.2018. Посредник объяснил продажу собравшего Буран завода на Avito. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/business/09/08/2018/5b6c2e409a7947d4a0328894> (дата проверки 12.10.2018)

Последний «Буран» Империи. Научно-популярный фильм. Телеканал Россия — 2, альманах «Русский космос». 2008. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=K2SLnyX8qNY> (проверено 19.11.2018)

Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 3–30.

Стрельникова А. В. Смыслы жизни, укорененные в пространстве: ностальгическая идентичность жителей «заводских» районов // Смыслы жизни российской интеллигенции / Сост.: Д. Г. Цыбикова; под общ. ред. Ж. Тощенко. М.: РГГУ, 2018. С. 275–280.

Стрельникова А. В. Музейно-выставочный центр «Рабочий и колхозница»: трансформация политики памяти // Вестник РГГУ. Серия «Социология». 2015. № 2. С. 86–95.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

Ячменникова Н. Уроки Бурана. Полетит ли когда-нибудь российский челнок // Российская газета. 13.11.2013. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2013/11/13/buran.html>

Polukhina E., Strelnikova A., Vanke A. The Transformation of Working-Class Identity in Post-Soviet Russia: A Case-Study of an Ural Industrial Neighborhood / NRU Higher School of Economics. Series SOC «Sociology». 2017. No. WP BRP 77/SOC/2017.



DOI: 10.19181/inter.2018.16.5

The fate of Soviet space shuttle “Buran” as a part of territorial identity of Tushino neighborhood

Anna Strelnikova*

*** Strelnikova Anna — Candidate of Sciences (PhD) in Sociology, Associate Professor in Sociology at The National Research University Higher School of Economics (HSE), and Senior Researcher at Institute of Sociology, FCTAS RAS. astrelnikova@hse.ru**

The article considers the main plots of the history of the Buran orbital ship, which was developed and assembled in Tushino in the 70s-80s of the last century. Based on empirical research, the main elements of the Buran narratives are highlighted, as well as the key plots of Buran’s “biography”. The article shows that involvement in the work on Buran is one of the important semantic elements of the territorial identity of Tushino residents.

Keywords: Tushino, Buran, territorial identity, industrial neighborhood, plant

References

Halbwachs M. (2007) *Framework of Social Memory* [Les cadres sociaux de la mémoire]. Translated by S. N. Zenkin. M.: New Publishing.



Kupriyanov P. S. (2012) Vspominaya o meste... vmeste: gruppovoye interv'yuu v izuchenii gorodskogo prostranstva [Remembering a place ... together: a group interview in exploring urban space]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir* [Slavic traditional culture and the modern world]. Vol. 15: Strategiya i praktika polevykh issledovaniy [Field Research Strategy and Practice]. M., pp. 84–105.

Last Burane of Empiry (2008). Popular science film. *Channel Russia – 2, the almanac “Russian space”*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=K2SLnyX8qNY> (accessed at 19.11.2018)

Lukashevich V. P. (2018) *Kosmos kak razocharovaniye...* [Space as a disappointment...] URL: <http://www.buran.ru/htm/str224.htm> (accessed at 19.11.2018)

RBC News at 09.08.2018. Posrednik ob»yasnil prodazhu sobravshego Buran zavoda na Avito [The mediator explained the sale of the plant, which was engaged in assembling the ship Buran, on Avito] URL: <https://www.rbc.ru/business/09/08/2018/5b6c2e409a7947d4a0328894> (accessed at 19.11.2018)

Polukhina E., Strelnikova A., Vanke A. (2017) *The Transformation of Working-Class Identity in Post-Soviet Russia: A Case-Study of an Ural Industrial Neighborhood*. NRU Higher School of Economics. Series SOC “Sociology”. No. WP BRP 77/SOC/2017.

Repina L. P. (2012) Opyt sotsial'nykh krizisov v istoricheskoy pamyati [Experience of social crises in historical memory]. *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoy pamyati* [Crises of turning epochs in historical memory]. Ed. by L. P. Repina. M.: IVI RAN, pp. 3–30.

Strelnikova A. V. (2018) Smysly zhizni, ukorenennyye v prostranstve: nostal'gicheskaya identichnost' zhiteley “zavodskikh” rayonov. [Meanings of life, rooted in space: the nostalgic identity of the inhabitants of the “factory” areas]. *Smysly zhizni rossiyskoy intelligentsia* [The meaning of life of the Russian intelligentsia]. Ed. by D. G. Tsybikova, J. T. Toschenko. M.: RGGU, pp. 275–280.

Strelnikova A. V. (2015) Muzeyno-vystavochnyy tsentr “Rabochiy i kolkhoznitsa”: transformatsiya politiki pamyati [Museum and Exhibition Center “Worker and Farm Girl”: transformation the politics of memory]. *Vestnik RGGU*. Serie “Sociology”, no 2, pp. 86–95.

Yachmennikova N. (2013) Uroki Burana. Poletit li kogda-nibud' rossiyskiy chelnok. [Lessons by Buran. Will the Russian shuttle ever fly?] *Russian newspaper at 13.11.2013*. URL: <https://rg.ru/2013/11/13/buran.html> (accessed at 19.11.2018)

О чем рассказывает татуированное тело: гендерный аспект в опыте визуальной социологии

DOI: 10.19181/inter.2018.16.6

Екатерина Воробьева*

Статья посвящена визуальному анализу гендерных аспектов современного татуирования. Объектом исследования является татуирование мужчин и женщин, предметом — гендерные репрезентации в татуировках. Показано, что современное татуирование, в основной своей массе, воспроизводит культурный дискурс нормативной феминности и маскулинности. Однако некоторые потребители татуировок бросают этой нормативности вызов. Выделены и интерпретированы три типа татуировок у обоих полов: (1) татуировки, транслирующие гендерную принадлежность их носителей, (2) гендерно нейтральные татуировки и (3) татуировки с гендерной трансгрессией. Визуальный анализ татуировок дополнен небольшим количеством примеров из ранее проведенных автором интервью с татуированными респондентами.

Ключевые слова: татуирование, репрезентация гендера, потребительское поведение, визуальный анализ

Введение

Татуирование тела имеет настолько же давнюю историю, насколько и ношение одежды. При этом его символическое значение в первобытных обществах наделялось большим количеством смыслов по сравнению с одеждой — в географических регионах с жарким климатом, в которых татуирование получило широкое распространение, в одежде¹ изначально не было необходимости. В каждом племени татуировки были строго регламентированы: изображения были типовыми и уникальными для каждого сообщества. Татуированное тело до речи и наряду с речью было источником коммуникации, а татуировка функционировала как культурный код, понятный только членам сообщества, в котором она практиковалась.

Первые свидетельства о татуировании в традиционных обществах относятся к эпохе Великих географических открытий и принадлежат мореплавателям и христианским миссионерам. Не знаящие местного языка, первооткрыватели аборигенной культуры ограничивались визуальным анализом аутентичных татуировок, представляя их в своих письменных отчетах как «экзотичные» и «причудливые» (Кук, 1971: 292–294).

По мере развития этнографии исследователи аборигенных культур стали изучать местные языки, и к визуальному анализу добавились беседы, которые в дальнейшем развились в метод интервью, активно применяющийся в современных социальных науках.

Одним из первых фундаментальных этнографических исследований, посвященных описанию племенных культур и использовавших оба метода анализа, был труд

* Воробьева Екатерина — независимый исследователь, e-vorobieva@yandex.ru

¹ О символическом значении одежды см., например: (Винсент, 2016).



«The Native Tribes of Central Australia», изданный в 1899 г. Фрэнсисом Джеймсом Гилленом в соавторстве с Уолтером Болдуином Спенсером (Spenser, 1899). «Независимо от орнамента, даже учитывая то, что они образуют орнамент (татуировки — Е. В.), — пишут авторы, — мы не смогли обнаружить ничего такого в их обычаях и традициях, что могло бы указывать на то, что они когда-либо имели какой-либо глубокий смысл. Делались неубедительные утверждения относительно этих знаков, относительно того, что они обозначают определенного рода особое посвящение племени, к которому индивид принадлежит... В связи со смертью определенных родственников, женщины, так же как и мужчины, наносят себе надрезы, оставляющие шрамы... Такие шрамы... — знак самонанесенных ран, которыми женщины гордятся, считая их видимым свидетельством того, что они должным образом оплакали своих мертвых» (Spencer, 1899: 71–74). Дальнейшие этнографические исследования, опиравшиеся на анализ большого массива текстов очевидцев, обобщили опыт предшественников. Несмотря на то, что татуирование в них описывалось наряду с другими артефактами аборигенных культур, социальное значение татуировок разных народов эксплицируется из их трудов в полном объеме. Наиболее ярким примером является двухтомный труд Ф. Ратцеля «Народоведение» (Ратцель, 1902).

Татуирование в современных обществах становится объектом систематического социологического анализа с конца 80-х гг. прошлого века в США и Европе (Sanders, 1988: 395–432; Le Breton, 2004: 109–115). Основными исследовательскими методами продолжают быть визуальный анализ татуировок и интервью с представителями тату-культуры. В России социологическое изучение современного татуирования только начинается.

Информационная база

В качестве эмпирической базы для визуального анализа выступили фотографии современных татуировок, размещенные в сети Интернет в свободном доступе, без указания авторства фотографий. Поиск фотографий осуществлялся в системе Яндекс по запросам «современные татуировки», «современные женские татуировки», «современные мужские татуировки». Общее количество проанализированных изображений — 2000: 1000 на женских телах и 1000 на мужских.

Наше предшествующее исследование показало, что, как и татуирование в традиционных обществах, современное татуирование тесно связано с конструированием и репрезентацией идентичности (Воробьева, 2016). В рамках данной статьи я фокусируюсь на гендерной идентичности как одном из аспектов репрезентации идентичности через татуирование, используя три интервью² из упомянутого исследования и дополняя ими анализ визуальных образов. Предметом исследования стали (1) репрезентация собственной гендерной идентичности и (2) репрезентация восприятия противоположного пола. Техника визуального анализа включила в себя следующие элементы классификации: (1) пол татуированного, (2) размер татуировки, (3) место расположения татуировки, (4) символическое значение нанесенных изображений и их соответствие функционирующим в современной культуре кодам, соотносимым с «фемининностью» и «маскулинностью», (5) стилистику рисунка (плавность/резкость линий) и его интонацию (мягкость/агрессивность).

Результаты исследования

Как показало наше исследование, во всем массиве татуировок, анализируемых в гендерном ракурсе, выделяется три типа. Первый, транслирующий гендерную принадлежность носителя татуировки, атрибутирующий качества и черты, закреплённые

² Всего в рамках предшествующего проекта было проведено 40 интервью, из них 14 — с тату-мастерами и 26 — с клиентами этих тату-мастеров; всего в выборке 25 мужчин и 15 женщин в возрасте 20–40 лет.

в культуре для каждого из полов, и воспроизводящий современную идеологию «гендерного дисплея», под которым создатель концепции, Ирвинг Гоффман, понимал легитимное выражение гендерной идентичности в процессе взаимодействия (Гоффман, 2001: 308–309.). Второй тип татуировок — гендерно нейтральный, репрезентирующий не гендерную идентичность, а иные аспекты идентичности. И третий тип — с гендерной трансгрессией, когда татуировка репрезентирует качества и черты, свойственные противоположному полу, и бросает идеологии «гендерного дисплея» вызов.

Тип 1. Татуировки, транслирующие гендерную принадлежность

Женские татуировки

Репрезентация фемининности. В современной культуре закреплены два легитимных типа фемининности (Женщина и визуальные знаки, 2002). Первый тип — это, условно говоря, красивая, заботливая, мягкая и нежная домашняя «кошечка»; мужчину она ставит выше себя, её тело принадлежит мужчине, она верная жена и заботливая мать его детей; её приоритет — семья. Второй тип — красивая, самодостаточная, жесткая, агрессивная «стерва»; мужчину она ставит вровень с собой, её тело принадлежит ей самой, она сексуально раскрепощена и активна; её приоритет — карьера. На каждый из этих двух типов нацелены два специфичных сегмента рынка: индустрии моды, литературы, искусства и пр. Оба типа активно используются печатной и телевизионной рекламой для продвижения идеологии и продаж.

Очевидно, что в чистом виде ни один из двух «идеальных типов» не существует. Однако, выбирая сюжет и характер татуировки, женщина репрезентирует тот тип фемининности, который считает возможным и/или нужным репрезентировать. При этом назвать её выбор свободным можно лишь условно, поскольку современная культура, как и культура в традиционных обществах, нормативна. Выбор возможен только из предложенных образцов (Адорно, Хоркхаймер, 1997: 157–177; Dawson, 2003; Луман, 2012: 90).

В типичных изображениях на женских телах, акцентирующих первый тип фемининности, эксплуатируются образы мягкости, домашности, материнства (кошка с котенком и клубком пряжи), легкости (бабочка), красоты (цветы), непорочности и чистоты (ангельские крылья).

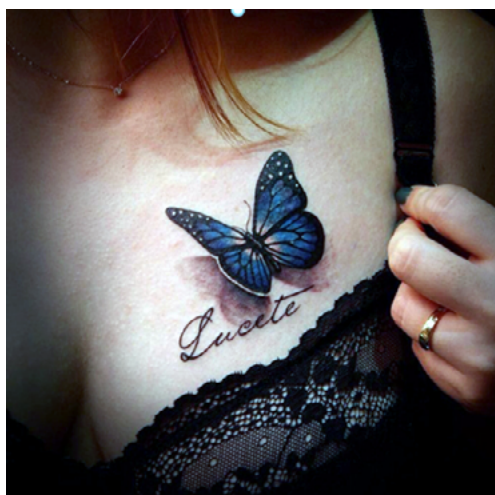


Фото 1. Пример татуировки, относящейся к первому типу репрезентации фемининности. Источник: <https://www.pinterest.ru/pin/609674868281514456/>



Татуировки с ангельскими крыльями можно интерпретировать как рефлексию женщины относительно её женской природы или судьбы. В ходе анализа данных мы обнаружили этот образ и как метафору ангельских крыльев — поэтический символ чистоты и непорочности, и как символ страданий (например, из-под крыльев сочится кровь). Эти страдания могут быть связаны с «ничтожной», по выражению Симоны Де Бовуар, социальной ролью «второго пола». Поскольку, подчеркивает Де Бовуар, именно мужская деятельность сформировала понятие человеческого существования как ценности, поднявшей эту деятельность над силами природы, покорившей природу и женщину как её часть, то мужчина в обыденном сознании предстает как творец, создатель, субъект, женщина же — только как объект его власти (Де Бовуар, 1977: 103).

Для второго типа фемининности характерны хищные, агрессивные образы: медузы-горгоны, пантеры, кошки. Если многочисленные варианты татуировок с кошками у женщин, транслирующих первый тип фемининности, представляют этих животных как мягких, пластичных, пушистых и домашних, то у женщин, транслирующих второй тип фемининности, это кошки дикие, рычащие и/или выпускающие когти.

Репрезентация фемининности может быть представлена в менее символической, т.е. более наглядной форме. Например, на тело наносится изображение женского лица или фигуры целиком. При этом создаваемый образ может иметь портретное сходство с носителем татуировки и/или соответствовать её типу фемининности, либо представлять идеал, к которому женщина стремится. Глубже понять то, какой смысл носительницы татуировок вкладывают в наносимое изображение, можно из интервью:

«Эта женщина, Влас (персонаж мультфильма — Е. В.) — для меня вообще идеал женщины. Конечно, фигуры такой, как у нее, быть не может, но... Про стиль жизни этой женщины: она живет в свое удовольствие, но одновременно она помогает людям, и она испытывает к человеку противоположного пола, который самодовольный, эгоистичный, она испытывает к нему чувство, но это чувство чистое. Т.е., возможно, у нее чисто сексуальный интерес, на физическом уровне какая-то тяга гормональная, но это чувство чистое, т.е. она ничего не требует взамен. т.е. она не скрывает, что ей нравится персонаж противоположного пола, что она его даже любит, но она не требует от него взаимных чувств, и это просто чувство, которое подпитывает её». (Ж, 22 года, 2012 г.).

Анализ этого нарратива показывает, что гендерная самоидентификация и внутренняя картина мира респондентки находят отклик во внешнем персонаже, являющемся идеалом красоты и выступающем носителем близкой по духу жизненной онтологии. Через татуировку на коже обеспечивается непрерывное присутствие значимого персонажа и возможность коммуникации с «родственной душой», дающей моральную поддержку. Благодаря сходству гендерной идеологии респондентки и её «героини», её сознание приписывает героине «идеальную» модальность, и, таким образом, героиня выступает для респондентки не только как эстетический идеал, но, одновременно, и как образец отношения к противоположному полу.

Поиск опоры вовне характерен не для всех татуирующихся женщин — для части из них «путь к себе» связан с запечатлением себя, мыслимой на фоне «идеального, гармоничного мира»:

«На руке — это детство мое: это вид из окна разбитого, здесь внизу еще девочка маленькая сидит играет с игрушками, это как бы я; тут окно открыто, тут МГУ видно, я живу на метро “Университет”, тут парк, аттракционы, ля-ля-ля, космос, звезды, тут спутник СССР — я же в СССР родилась. Типа детство, что-то такое милое, теплое, хорошее» (Ж, 26 лет, 2014 г.). Как видно из этого рассказа, в запечатленном на теле образе детства, которое ассоциируется у респондентки с «милым», «теплым» и «хорошим», и в визуальной репрезентации себя как ребенка находит воплощение потребность в защищенности, которую обеспечивает нанесенная на руку композиция.

Женские интимные татуировки. Отдельную подгруппу составляют женские татуировки на интимных местах, подчеркивающие связь фемининности с сексуальностью. В ходе анализа были зафиксированы две тенденции: для первой характерно оформление интимной зоны как романтической, таинственной (образ пещеры) или диковинной, сказочной (образ жар-птицы), для второй — изображения более откровенного и конкретного характера. Например, на интимной зоне размещается изображение, вероятно, указывающее сексуальному партнеру, что ему следует делать, — банан и дуло пистолета, направленные к вагине; при этом на банан еще и надет презерватив — по-видимому, таким образом женщина сообщает партнерам, что она за безопасный секс. Либо надпись на лобке откровенно сообщает зрителям, кому конкретно принадлежит тело женщины, а вытатуированная личная подпись заверяет сказанное.

На сайтах тату-салонов в последние годы стали появляться отдельные рубрики «Интимные татуировки», рекламирующие приобретающую популярность услугу украшения интимных мест. Например, раздел «Женское интимное тату: причины и подтекст» тату-салона «Анатомия» просвещает потенциальных клиенток следующим текстом: «Многие девушки и женщины видят в интимных тату новые возможности. Ведь обычно такие наколки призваны разнообразить сексуальную жизнь и внести в нее новые краски. Очень часто женские интимные татуировки имеют эротический подтекст, так как доступ к ним имеют лишь близкие и любимые люди, способные оценить сокровенное значение. Наиболее распространенными местами для нанесения таких тату являются ягодичцы, груди, лобок и низ живота. В этих зонах отлично смотрятся изображения с бантиками, вишенками, клубничками, бабочками и так далее. Такие милые картинку совсем не смотрятся пошло или вульгарно, а наоборот, могут стать одним из компонентов женской сексуальности» (<http://tattoorus.ru/>, дата обращения: 01.10.2018).

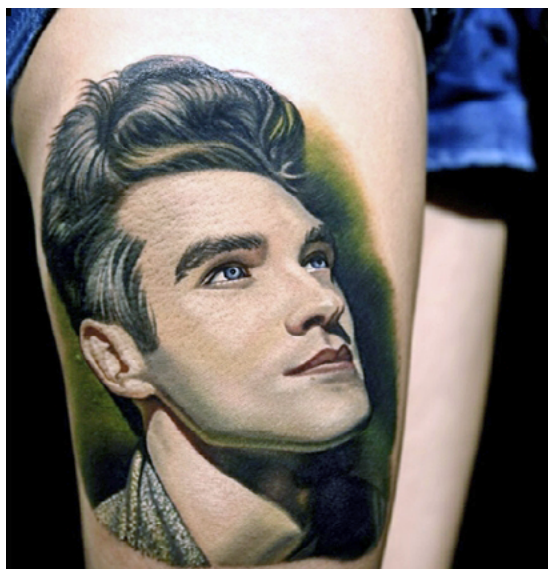


Фото 2. Пример женской татуировки с изображением мужчины. Источник: https://liberty-tattoo.ru/upload/resize_cache/iblock/915/200_200_2/9158ef6774863dca6927a46534b23cde.jpg

Репрезентация восприятия противоположного пола. Достаточно сложно по анализу татуировок сделать выводы об отношении женщин к противоположному полу. Однако можно отметить, что изображения мужчин лишены образности, символичности. Как



правило, наносимые изображения — это функционирующие в современной культуре и известные большинству портреты знаменитостей (певцов, актеров, художников), которые можно встретить и на мужских телах, или реалистичные портреты бойфрендов и мужей, которые позволяют сделать лишь тот вывод, что изображенный персонаж чем-то дорог. Исключение составляет центральный рисунок, расположенный в нижней части тела, на женской ноге. Лицо мужчины при этом обращено вверх, на женщину, что может интерпретироваться либо как то, что женщина любит доминировать в отношениях, либо как то, что женщине просто нравится мужское поклонение. Можно предположить, что носительница этой татуировки является представительницей фемининности второго типа.

Мужские татуировки

Репрезентация маскулинности. В отличие от фемининности, маскулинность в современной культуре более традиционна и однозначна (О мужественности, 2002; Российский гендерный порядок: социологический подход, 2007). Например, в рекламе мы не встретим мужчину, нежно втирающего в тело питательный крем, который, согласно слогану, «заботится о вас» или «придает вашей коже особую шелковистость». Идеология предписывает мужчине быть сильным, сексуально активным, лидером в отношениях с противоположным полом (Чернова, 2002: 527–549; Кирилина, 2004; Ваньке, 2011: 178–209). Наряду с этим ему рекомендуется быть ответственным за семью и детей (Кон, 2006). Несмотря на то, что современные метросексуалы визуально отличаются от современных бодибилдеров, маскулинные черты характера современная культура предписывает развивать всем мужчинам, независимо от индивидуальных особенностей. В ходе нашего анализа были обнаружены визуальные репрезентации, эксплуатирующие образ мужчины-воина, мужчины-победителя, а также образы силы, покровительства, агрессии. Подобные репрезентации маскулинности комментирует тату-мастер, говоря о том, что это «природные» свойства:

«У мужчины самого по себе стремление к первенству и неосознанная тяга к жестокости (небольшой, я имею в виду) — психологические: он же бывший воин, исследователь, и все, что внутри, он выражает на себе» (М, тату-мастер, 32 года).

К этому же типу татуировок относятся и наносимые современными мужчинами полинезийские орнаменты, восходящие к древним временам, когда их нанесение предписывалось мужчинам-воинам традицией.

Мужские интимные татуировки. Если опираться на информацию интернет-сайтов различных тату-салонов, то можно сказать, что у мужчин спрос на интимные татуировки так же велик, как у женщин. На сайте тату-салона «Анатомия», в частности, сообщается: «В последнее время в нашем тату-салоне спрос имеют татуировки на мужском достоинстве, которые наносятся в форме колец, стрел, разных абстракций, пламени и так далее. Внизу живота или на внутренней части бедра зачастую наносят изображения со змеями или драконами. Самым экстремальным вариантом является изображение животного, которое наносится как на гениталиях, так и внизу живота... Зачастую выделяют три основных направления мужских тату в интимных местах, которые имеют разное предназначение. Речь идет о: метросексуальной моде, главной целью которой является стремление выделить свое тело среди остальных, показать свою неординарную и яркую внешность; бандитских татуировках, когда нательный рисунок наносится на большую часть тела, в частности интимную зону; ...и гей культуре, которая имеет свои уникальные символы (символ Марса, два мужских начала и так далее)» (<http://tattoorus.ru/>, дата обращения: 01.10.2018).

Как и в женской интимной татуировке, отражающей традиционный тип фемининности, в мужской интимной татуировке мы встречаем символы, характеризующие мужское начало и его связь с сексуальностью. Так, слон — это символ силы и власти; в китайской

культуре он олицетворяет космическую энергию (Энциклопедия..., 1999: 457–458). Пистолет — как и в описанной выше женской интимной татуировке — на языке современных символов говорит о готовности вступить в половую связь.

Репрезентация восприятия противоположного пола. В отличие от женских татуировок, на которых нечасто, но встречаются сюжетно нейтральные изображения мужских лиц, мужские татуировки более подробно рассказывают о восприятии женщины и об отношении к ней. Здесь мы встречаем не просто портреты, но образы. В первом случае, речь идет о репрезентации предпочитаемого мужчиной типа фемининности: роскошная королева, повелительница стихий, потупившая взор Дева Мария с ангельскими крыльями, независимая гламурная красотка, дикарка. Важно отметить, что королевы и ангелы располагаются в верхней части мужского тела: либо на плече, либо на груди, поближе к сердцу. И только образ женщины-хищницы расположен в нижней части тела, на ноге, что может интерпретироваться как то, что такой тип женщины мужчину пленяет, но одновременно пугает. Однако таким образом может проявляться и потребность доминировать, принизить своего кумира, приземлить.

Во втором типе татуировок преобладает не репрезентация предпочитаемого типа фемининности, а рефлексия по поводу женской природы и её влияния на мужскую судьбу: например, изображение женского лица и грехопадения через символику Ада и Рая или, в более жестких вариантах, символику смерти. Отметим, что на женском теле также встречается тема «Женщина и смерть», однако, как правило, женская голова располагается в верхней части композиции и главенствует над черепом, что может интерпретироваться как то, что в женской интерпретации данной темы «женская природа» побеждает энтропию.

Статистически женские изображения на мужских телах встречаются часто и занимают не менее четверти от 1000 проанализированных мужских татуировок. Это может объясняться тем, что так лаконично сформулировал Ницше: «Двух вещей желает настоящий мужчина — опасности и игры. И поэтому нужна ему женщина — как самая опасная из всех игрушек» (Ницше, 1990: 56). Портреты детей значительно меньше представлены в мужской татуировке, нежели в женской, что говорит о том, что идеал отцовства для мужчин менее значим, чем идеал материнства — для женщин.

Тип 2. Гендерно нейтральные татуировки

Татуировки этого типа (орнаменты, сложные рисунки) ничего не рассказывают современному зрителю о гендерной идентичности её обладателей и об их отношении к противоположному полу. На первый взгляд, репрезентация себя как мужчины или как женщины не является ключевым смыслом в тату-практике. Однако историко-социологический анализ значения орнаментов позволяет говорить о том, что тип наносимого на современное тело орнамента в каждом случае имеет исторические отсылки к символике тех или иных геометрических знаков в различных культурах. Как показывают нарративы респондентов с татуировками, они не всегда осознают значение геометрической символики своей татуировки. Зачастую для них это просто красивый рисунок на теле, который выполняет чисто эстетическую функцию.

В данной статье я не стану останавливаться на расшифровке коннотаций геометрических знаков, поскольку это предмет отдельного подробного объяснения.

Тип 3. Татуировки с гендерной трансгрессией

С точки зрения ряда исследователей современной культуры потребления, потребитель есть фигура, *сопротивляющаяся* рыночным идеологиям. Это происходит в тех случаях, когда потребители критически оценивают рыночные нарративы и отвергают



предписанные способы потребительского поведения, которые предлагает идеология культурного, в частности, гендерного дискурса. Утверждается, что потребители активны в процессе интерпретации рыночных идеологий, пропагандируемых СМИ, а не попустительствуют нормативным предписаниям. Это ведет к формированию стилей жизни, вступающих в конфронтацию и бросающих вызов доминирующим консьюмеристским нормам и корпоративной власти рынка (Dohscha, Ozanne, 2003: 201–214; Kozinets, 2002: 203; Kozinets, Handelman, 2004: 691–704).

В современном татуировании этот вызов выражается в том, что мужчины транслируют типаж «женственного мужчины», а женщины — «мужественной женщины». Особенность татуировок этого типа в том, что на тело наносятся изображения, отсылаемые к традиционной символике противоположного пола: например, рисунки розы и бабочки на мужских телах, или льва и орла — на женском теле.



Фото 3. Пример татуировки с гендерной трансгрессией. Источник: <https://yandex.kz/collections/card/5a451c6a215a8466dfe6a96d/>

Однако символы феминности на мужском теле и символы маскулинности на женском могут иметь и другие коннотации. Например, бабочка не только символизирует феминность, но и является названием разновидности мужского галстука. В этом случае, место нанесения татуировки позволяет прочесть символ в ином его значении (ироничном).

Как показывают интервью с татуированными информантами, для части из них тату-изображения этого типа носят осознанно протестный характер. Преследуется цель разрушения стереотипных гендерных образов и самостоятельного конструирования гендерного дисплея, который, по мнению И. Гоффмана, является не выражением естественной сути мужского и женского, а конструированием различий между социальными позициями мужчин и женщин и способом производства гендерного неравенства (Гоффман, 2001: 327). Статистически татуировки трансгрессивного типа женщины делают значительно чаще, чем мужчины. Я думаю, что объясняется это, прежде всего, маскулинизацией современной культуры гендера.

Послесловие

Татуированное тело — это всегда тело говорящее, рассказывающее об идентичности (в том числе гендерной) обладателя татуировки. В отличие от «тела в одежде», «тела в интерьере» или «тела в пространстве города / села / деревни и т.д.», татуированное тело всегда аутентично, равно личности. Если, репрезентируя себя, человек может сменить социальную, в частности, гендерную, роль, сменив одежду, интерьер, место пребывания и т.д., то сменить роль, имея на теле татуировку, он не может, поскольку основное свойство татуировки — постоянство. Человек может эту роль только скрыть. Поэтому подавляющее большинство современных татуирующихся — в отличие от наших с ног до головы татуированных предков — наносит изображения на тех частях тела, которые при желании могут быть скрыты под одеждой.

Тату-практики в дальнейшем могут стать объектом отдельного теоретического анализа — в частности, посвященного рассмотрению современного татуирования и гендерного неравенства, а также гендерной власти.

Литература

Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1–2. / Пер. с франц.; общ. ред. и вступ. ст. С. Г. Айвазовой, коммент. М. В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.

Ваньке А. Мужская сексуальность в дискурсе журнала Men's Health // Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы: сб. ст. под ред. Е. Здравомысловой и А. Тёмкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 178–209.

Винсент С. Дж. Анатомия моды: манера одеваться от эпохи Возрождения до наших дней. М.: НЛО, 2016.

Воробьева Е. С. Формирование мотивации к татуированию как механизм конструирования идентичности // Теория и практика общественного развития. 2016. № 6 [Электронный ресурс]. URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2016/6/sociology/vorobiyova.pdf (дата обращения: 08.10.2017)

Гоффман И. Гендерный дисплей // Жеребкина И. А. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия / под ред. С. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 306–335.

Женщина и визуальные знаки: сб. ст. / под ред. А. Альчук. М.: Идея-Пресс, 2000.

Кирилина А. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации (Серия: «Учебные пособия по гендерной теории в гуманитарных науках»). М.: РОССПЭН, 2004.

Кон И. Отцовство как компонент мужской идентичности // Демоскоп Weekly. 2006. № 237–238 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit03.php> (дата обращения: 08.10.2017)

Кук Д. Третье плавание капитана Джеймса Кука. М.: Мысль, 1971.

Леви-Стросс К. Печальные тропики / Пер. с фр. Г. А. Матвеевой; науч. консультант и авт. предисл. Л. А. Файнберг. М.: Мысль, 1984.

Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2012.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Пер. с нем. М.: Интербук, 1990.

О мужественности: сб. ст. / Сост. С. Ушакин. М.: НЛО, 2002.

Ратцель Ф. Народоведение / [Соч.] проф. д-ра Фридриха Ратцеля; Пер. со 2-го соверш. перераб. нем. изд., с разреш. изд. подлинника, с библиогр. указ., [предисл.] и доп. Д. А. Корочевского. 2-е изд. со стереотип. Т. 1–2. СПб.: Просвещение, 1902.

Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007.

Чернова Ж. Нормативная мужская сексуальность: (ре)презентации в медиадискурсе // В поисках сексуальности / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб., Дмитрий Буланин, 2002. С. 527–549.



Энциклопедия символов, знаков, эмблем / сост. В. Андреева и др. М.: Локид: Миф, 1999.

Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. М. — СПб., 1997.

Dawson M. The consumer trap: Big business marketing in American life. Champaign: University of Illinois Press, 2003.

Dohscha S., Ozanne J. L. An ecofeminist analysis of environmentally sensitive women using qualitative methodology: The emancipatory potential of an ecological life // Journal of Public Policy and Marketing, 2003. № 20(2). P. 201–214.

Kozinets R. V. Can Consumers Escape the Market? Emancipatory Illuminations from Burning Man // Journal of Consumer Research, 2002. № 29(1). P. 203.

Kozinets R. V. and Handelman J. Adversaries of consumption: Consumer movements, activism, and ideology // Journal of Consumer Research, 2004. № 31(3). P. 691–704.

Le Breton D. Tatouages et piercing... un bricolage identitaire? // Identite(s): L'individu, le groupe, la societe. Paris, 2004. P. 109–115.

Sanders C. R. Marks of mischief: Becoming and being tattooed // Journal. of contemporary ethnography. Newbury Park, 1988. Vol. 16. N 4. P. 395–432.

Spencer B. The native tribes of central Australia / Ed. by Spencer B. and F. J. Gillen. Macmillan and Co., Limited: The Macmillan Company, 1899.



DOI: 10.19181/inter.2018.16.6

What the tattooed body tells: the gender aspect in the experience of visual sociology

Ekaterina Vorobyova*

*Vorobyova Ekaterina — independent researcher. e-vorobieva@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the gender aspect of modern tattooing performed by the visual method. The object of the analysis is tattooing of men and women, the subject is the representation of one's own gender and the perception of the opposite gender representation through the tattoo. It is shown that modern tattooing mostly reproduces the cultural discourse of normative femininity and masculinity. However, some tattoo consumers challenge this norm. Three types of tattoos for both sexes are identified and interpreted: (1) tattoos that emphasize the gender of their wearers, (2) gender-neutral tattoos and (3) gender perversion tattoos. The visual analysis of tattoos is supplemented by a set of examples from interviews with tattooed respondents previously conducted by the author.

Keywords: tattooing, gender representation, consumer behavior, visual analysis

References

Alchuk A. (ed) (2000) *Zhenshchina i vizualniye znaki* [Woman and visual signs], M.: Ideya-Press.

Andreyeva V. et al. (eds) (1999) *Entsiklopediya simvolov, znakov, emblem* [Encyclopedia of symbols, signs, emblems], Moscow: Lokid, Mif.

Bovuar S. de. (1997) *Vtoroi pol.* Vol. 1–2. Ed. by S. G. Aivazova. M.: Progress; SPb.: Aleteya.

Chernova J. (2002) Normativnaya mouzhskaya seksualnost: (re)prezentacii v mediadiskourse // *V poiskah seksualnosti / pod red. E. Zdravomislovoi i A. Temkinoi.* SPb.: Dmitriy Boulanin, pp. 527–549.

Cook D. (1971) *Tret'ye plavaniye kapitana Dzheimsa Kooka* [The 3rd journey of captain James Cook]. Moscow: Mysl'.

Dawson M. (2003) *The consumer trap: Big business marketing in American life.* Champaign: University of Illinois Press.

Dohscha S., Ozanne J. L. (2003) An ecofeminist analysis of environmentally sensitive women using qualitative methodology: The emancipatory potential of an ecological life // *Journal of Public Policy and Marketing*, no 20(2), pp. 201–214.

Goffman I. (2001) Genderniy display [Gender display]. At: *Vvedeniye v genderniye issledovaniya. Vol.2: Hrestomatiya*, Ed by. S. Zhrebkin. Harkov: HCGI; SPb.: Aletaya,, pp. 306–335.

Kirilina A. (2004) *Genderniye issledovaniya v lingvistike i teorii kommunikacii* [Gender studies in linguistics and theory of communication]. M.: ROSSPEN.

Kon I. Otsovstvo kak component mughskoi identichnosti [Fatherhood as a part of male identity]. *Demoskop Weekly*, 2006, no 237–238. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit03.php> (accessed at: 08.10.2017)

Kozinets R. V. (2002) Can Consumers Escape the Market? Emancipatory Illuminations from Burning Man. *Journal of Consumer Research*, no 29(1), pp. 203.

Kozinets R. V., Handelman J. (2004) Adversaries of consumption: Consumer movements, activism, and ideology. *Journal of Consumer Research*, no 31(3), pp. 691–704.

Le Breton D. (2004) *Tatouages et piercing... un bricolage identitaire? Identite(s): L'individu, le groupe, la societe*. Paris, pp. 109–115.

Levi-Stross K. (1984) *Pechal'niye tropiki* [Sad tropics]. Translated by G.A. Matveyeva; Advisor L.A. Fainberg. M.: Mysl'.

Luman N. (2012) *Realnost' massmedia* [Reality of mass media]. Translated by A. Yu. Antonovskij. M.: Kanon+: ROOI «Reabilitaciya».

Miller P., Rose N. (1997) Mobilizing the consumer; assembling the subject of consumption. *Theory Culture and Society*, no 14(1), pp. 1–33.

Nietzsche F. (1990) *Tak govoril Zaratoustra. Kniga dlya vseh I ni dlya kogo* [So said Zarathustra. A book for everyone And for no one]. M.: Interbook.

Ratzel F. (1902) *Narodovedeniye* [Science of people]. Ed. by D.A. Koropchevskij. 2nd edition. Vol. 1–2. SPb.: Prosveshcheniye.

Horkheimer M., Adorno T. (1997) *Dialektika Prosveshcheniya* [Dialectic of the Enlightenment]. M. — SPb.

Zdravomislova E., Temkina A. (eds.) (2007) *Rossiiskiy genderniy poryadok: sociologicheskij podhod* [Gender order in Russia: sociological approach], SPb.: EU SPb.

Sanders C. R. (1988) Marks of mischief: Becoming and being tattooed // *Journal of contemporary ethnography*, Newbury Park, vol. 16. no 4, pp. 395–432.

Sanders C. R. (1989) *Customizing the Body: The Art and Culture of Tattooing*. Philadelphia: Temple University Press.

Spencer B. (1899) *The native tribes of central Australia*. Ed by Baldwin Spencer and F. J. Gillen. Macmillan and Co., Ltd: The Macmillan Company.

Ushakin S. (ed.) (2002) *O mujestvennosti* [About the masculinity]. M.: NLO.

Vanke A. (2011) Mujskaya seksualnost v discourse journala Men's Health [Male sexuality in discourse of Men's Health journal]. *Zdorovie I intimnaya jizn: sociologicheskiye podhodi*. Ed. by E. Zdravomislova, A. Temkina. SPb.: EU SPb, pp. 178–209.

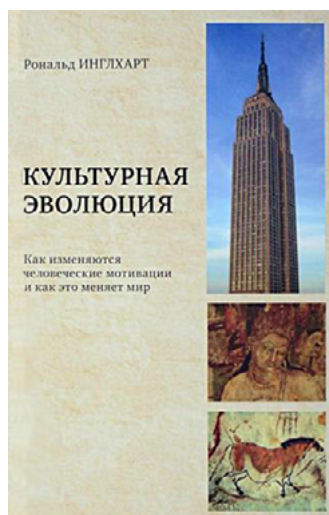
Vinsent S. J. (2016) *Anatomiya modi: manera odevat's'a ot epokhi Vozrojdeniya do nashih dnei* [Anatomy of fashion: the manner of dressing from the Renaissance to the present day]. M.: NLO.

Vorobieva E. S. (2016) Formirovaniye motivatsii k tatuirovaniyu kak mekhanizm konstrouirovaniya identichnosti. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no 6. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2016/6/sociology/vorobiyova.pdf (accessed at: 08.10.2017)

Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир¹

DOI: 10.19181/inter.2018.16.7

Анастасия Говорова*



Рецензия на книгу: Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Рональд Инглхарт; пер. с англ. С. Л. Лопатиной, под ред. М. А. Завадской, В. В. Костенко, А. А. Широкаковой, научн. ред. Э. Д. Понарин. М.: Мысль, 2018. 347 с. ISBN 978-5-244-01202-6

Ключевые слова: ценности, сравнительные исследования, Инглхарт

В данной работе всемирно известного американского социолога Р. Инглхарта представлены некоторые результаты Всемирного и Европейского исследований ценностей, проводившихся в период с 1981 по 2014 гг. и охвативших более 100 стран, в которых проживает около 90% населения всего мира. В отличие от большинства межстрановых исследований, выборки данных проектов не ограничивались государствами с высокими доходами, что, по замечанию самого автора, в некоторой степени снизило качество данных, но, в то же время, значительно усилило прогностические возможности полученных результатов. Именно идея «расширения горизонтов» делает данную работу столь уникальной и позволяет читателю получить представление о процессах, происходящих не только в отдельных государствах, но и практически на всем земном шаре. Однако географическое разнообразие точек опроса — не единственный признак этого расширения границ: помимо множества стран, данная книга охватывает и большое количество разнообразных тем, которые могут заинтересовать не только исследователей ценностей, но и специалистов, занимающихся

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории» (грант РНФ 14–28–00217).

* Говорова Анастасия — студентка социологического факультета ГАУГН. nastena_govorova@mail.ru

вопросами религии, политики, социальной структуры, гендерных и межэтнических отношений и др. Работа рассчитана и на широкую аудиторию, поскольку написана простым языком, не перегружена сложными формулами и таблицами, но, в то же время, наполнена показательными графиками, понятными как для ученых, так и для неспециалистов.

Подзаголовок книги указывает на то, что она посвящена человеческим мотивациям, однако речь здесь идет скорее о ценностях и их изменениях на страновом уровне во временной перспективе. Системы ценностей, по мнению автора, отражают баланс между движущими силами модернизации и влиянием традиций, а их трансформация может преобразовывать (и преобразовывает) целые общества. Предложенная Р. Инглхартом эволюционная теория модернизации (ее подробное описание содержится в главе 2) гласит, что такие изменения находятся в зависимости от уровня экзистенциальной (экономической и физической) безопасности, что действительно подтверждается результатами анализа. В процессе модернизации, сопровождающейся экономическим развитием и усилением ощущения безопасности, при условии, что новые поколения воспринимают выживание как должное, с определенным временным лагом происходят межпоколенческие изменения ценностей: переход от материалистических ценностей к постматериалистическим (глава 3), от ценностей выживания к ценностям самовыражения (глава 4), от традиционных ценностей к секулярно-рациональным (главы 4 и 5). Это, по мнению автора, общие правила, из которых, однако, есть исключения: например, при более подробном рассмотрении последнего перехода оказывается, что для России и других посткоммунистических стран, наоборот, характерно усиление роли религии, что связано с крушением коммунистической идеологии.

Благодаря повышению уровня экзистенциальной безопасности происходит также движение от норм высокой рождаемости к нормам индивидуального выбора (глава 6), поскольку высокая рождаемость перестает быть условием выживания обществ и люди становятся более свободными в принятии решений относительно собственной жизни. Такой переход, в свою очередь, приводит к культурным изменениям, касающимся гендерного равенства, сексуального и репродуктивного поведения, а затем и к изменениям на законодательном уровне — принятию гендерных квот в сфере управления, легализации однополых браков и т.д. Таким образом, изменения в культуре предшествуют институциональным изменениям и во многом обуславливают их, что подтверждается и при рассмотрении процесса возникновения демократии и свойственных ей институтов (глава 8), которые также сильно зависят от массовых установок и ценностей, в частности, ценностей самовыражения. Эти же ценности, благоприятствующие гендерному равенству, росту толерантности к аутгруппам и демократизации, способствуют повышению уровня счастья и удовлетворенности жизнью в стране (глава 9), являющегося важным индикатором политической ситуации. Но есть и обратная сторона медали: изменение глубоко укорененных ценностей, естественно, проходит не без сопротивления (в первую очередь, со стороны старших поколений) и может вызывать негативную реакцию — беспокойство по поводу разрушения привычного жизненного уклада, которое может вылиться в поддержку ксенофобских популистских авторитарных партий (глава 10).

Одним из наиболее интересных и актуальных в последнее время (хоть и не связанных напрямую с ценностями) сюжетов, которые рассмотрены в книге, является неравенство: усиливающееся в течение последних 40–50 лет, оно, по мнению Р. Инглхарта, в дальнейшем будет лишь усугубляться при переходе обществ к стадии развитого общества знания, или «общества искусственного интеллекта» (глава 11), несмотря на происходящий экономический рост. Размышления и прогнозы автора по поводу данной фазы развития общества антиутопичны и отражают распространенные опасения: высокие технологии и искусственный интеллект, хотя и обладают огромным потенциалом для улучшения жизни людей, будут использоваться не во благо общества, а во благо его самого богатого слоя; практически вся работа будет автоматизирована,



а сотрудники (в том числе высокообразованные специалисты, такие как врачи, юристы и т.д.) будут замещены компьютерными программами, что, естественно, приведет к потере рабочих мест и перераспределению доходов в пользу топ-менеджеров. При этом новые стабильные хорошо оплачиваемые рабочие места не будут создаваться даже в самой сфере высоких технологий, поскольку искусственный интеллект способен заменить и людей, создающих эти компьютерные программы. Таким образом, по мнению автора, нас ждет незавидное будущее, в котором 1% богатых будет контролировать всю экономику, в то время как 99% всего остального населения в большинстве своем будет занято на нестабильной малооплачиваемой работе, не требующей высокой квалификации, причем основы этого будущего уже заложены (по крайней мере, на Западе). Усиление неравенства вследствие неправильного распределения и использования увеличивающегося количества ресурсов вновь приводят к снижению экзистенциальной безопасности, которое, в свою очередь, как мы уже знаем, может привести к очередной трансформации ценностей, и она уже начала выражаться в изменении политических предпочтений в пользу ксенофобских партий. Единственным возможным выходом из складывающейся ситуации автор видит в усилении роли государства, способного перераспределить экономические ресурсы выгодным для всего общества способом, в отличие от рыночных механизмов, которые скорее будут способствовать максимизации прибыли крупных корпораций.

Безусловно, проверить прогнозы автора относительно социально-экономических последствий наступления общества искусственного интеллекта пока не представляется возможным, тем более, учитывая относительно медленные темпы перехода нашей страны к развитому обществу знания по сравнению с США, на примере которых он строит свои рассуждения по этой проблеме. При соотнесении данных размышлений с российскими реалиями создается впечатление, что описываемые события имеют мало точек соприкосновения с нашей действительностью. Однако значительная часть примеров, иллюстрирующих, по мнению Р. Инглхарта, происходящие в американском обществе процессы, связанные с переходом к новой стадии развития, удивительным образом подходят на то, что мы в настоящее время наблюдаем в России.

В частности, одним из примеров является снижение защищенности профессии юриста, выражающееся в повышении рисков остаться без работы, снижении заработной платы и нестабильности занятости. Автор предлагает связать этот факт с автоматизацией и компьютеризацией данной сферы, в то время как на самом деле это может быть обусловлено и другими факторами: например, перенасыщенностью рынка труда специалистами такого рода вследствие сдвига в сторону выбора юридического образования, что может не отвечать реальным потребностям экономики, как это было в нашей стране.

Еще одной иллюстрацией описываемых процессов служит подрыв «интеллектуальной стабильности научной жизни», в результате которого преподаватели высшей школы и ученые вынуждены переходить от стабильной полной занятости и пожизненного контракта к временной работе и негарантированной занятости. Но как это связано с переходом к обществу искусственного интеллекта и предрекаемой заменой человеческой деятельности компьютерными программами? Автор, к сожалению, не приближает нас к пониманию этого.

Как бы то ни было, данная книга представляет большой интерес как для научного социологического сообщества, так и для широкой аудитории, поскольку она позволяет проследить во времени процессы изменения общества на уровне стран с точки зрения человеческих ценностей. Более того, она заставляет задуматься не только о том, какой путь мы уже проделали, но и куда мы движемся, и к чему может привести наше стремительное развитие.



DOI: 10.19181/inter.2018.16.7

Govorova A. Book Review: Inglehart R. Cultural Evolution: How Human Motivations Change and How It Changes the World / Ronald Inglehart; Translated from English S. L. Lopatina, ed. M. A. Zavadskaya, V. V. Kostenko, A. A. Shirokanova, sc. ed. E. D. Ponarin. M.: Thought, 2018. 347 p. ISBN 978-5-244-01202-6

*Govorova Anastasia**

*** Anastasia Govorova — student at the Faculty of Sociology, GAUGN. nastena_govorova@mail.ru**

Here's reviewed the paper of the world-famous American sociologist R. Inglehart who presents some of the results of the World and European values research, conducted from 1981 to 2014. and covered more than 100 countries in which about 90% of the world's population lives.

Keywords: values, comparative research, Inglehart

Обзоры конференций

Маркс жив, потому что с ним спорят. «Научное наследие К. Маркса: современная цивилизация и капитализм (200-летию со дня рождения К. Маркса посвящается)»¹

DOI: 10.19181/inter.2018.16.8

Нина Коленникова*

Обзор научной конференции.

Ключевые слова: марксизм, академический дискурс, критические подходы

5–6 октября в Санкт-Петербурге состоялась Международная научная конференция, приуроченная ко дню рождения великого философа, социолога и экономиста Карла Маркса. Мероприятие было организовано Социологическим институтом РАН и проводилось в стенах его здания. Конференция была направлена на переосмысление идей К. Маркса с точки зрения их роли в понимании проблем цивилизационного развития обществ в XX и XXI столетиях. Работа конференции была выстроена по трем основным направлениям: интеллектуальное наследие К. Маркса и его историческое значение; природа и динамика капитализма в теории К. Маркса и марксизме; цивилизационное развитие современных обществ в контексте наследия К. Маркса.

В программный комитет конференции вошли ведущие ученые и специалисты из различных мировых университетов и организаций. В частности, в работе приняли участие представители Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Александровского института Университета Хельсинки (Финляндия), Европейского университета в Санкт-Петербурге, Белорусского государственного университета (Белоруссия), а также Карлова университета (Чехия).

Пленарное заседание конференции открыл директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, академик **М. К. Горшков**, отметивший неоспоримый вклад К. Маркса в развитие общественной и социологической мысли. Именно в идеях Маркса наиболее четко артикулирована проблема неравенств, являющаяся и сегодня одной из ключевых проблем современности. При этом неравенства отнюдь не сводятся лишь к экономическим проявлениям. Их природа намного сложнее и разнообразнее, в силу чего в обществе должен быть выработан определенный баланс интересов между различными социальными группами во избежание масштабных социальных катаклизмов.

Также в рамках пленарных докладов были поставлены важные вопросы, касающиеся современной исследовательской риторики. Профессор Хельсинкского университета

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории» (грант РНФ 14–28–00217).

* Коленникова Нина — младший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, научный сотрудник ГАУГН, аспирантка НИУ ВШЭ. kolennikova-nina@mail.ru

М. Кивинен отметил, что в современной социологии исследовательская риторика имеет тенденцию группироваться по контрасту. Маркса противопоставляют Веберу, а классовую борьбу — сотрудничеству между классами. Согласно мнению М. Кивинена, такая риторика спорна и зачастую вводит исследователя в заблуждение. Несомненно, проблемы и разногласия существуют, но есть также и множество значительных устойчивых эмпирических результатов, порой объединяющих антагонистические точки зрения. Данный тезис, собственно, частично подтвердился и в ходе работы конференции.

О наследии К. Маркса в XXI в. говорил в своем докладе профессор НИУ ВШЭ **А. Ю. Чепуренко**. Главный вопрос был поставлен следующим образом: о чем мы говорим сегодня, когда используем наследие Маркса, и используем ли мы его в полной мере? В целом, как утверждает докладчик, современный академический дискурс о наследии К. Маркса существенно смещен в сторону официозного советского марксизма. При этом не учитываются опубликованные в последние десятилетия части наследия Маркса на языках оригинала, не получившие самостоятельного развития в его главном труде — «Капитал», а также выводы и оценки, сделанные в рамках мирового марксведения на основе изучения этого наследия.

Критическая нота социально-философских и макросоциологических идей Маркса прозвучала в докладе доктора философских наук Новосибирского государственного университета **Н. С. Розова**, отметившего, что революционными и идейно богатыми идеи марксизма были именно для того времени. Сейчас мы приходим к тому, что многие идеи, хотя и не теряют своей эвристической силы и актуальности, оправданны только отчасти, что, впрочем, имеет поучительный эффект как для общества в целом, так и для исследователей, оперирующих этими идеями.

Еще одним лейтмотивом конференции стала тема отражения научного наследия Маркса в отдельных вопросах и проблемах современности сквозь призму истории. Так, в докладе директора Социологического института РАН **В. В. Козловского** поднимался вопрос о вкладе К. Маркса в историческую логику реконструкции происхождения, роста и распределения богатства, собственности и неравенства. Профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге **А. В. Магун** акцентировал внимание на применимости диалектической логики Маркса в современной социальной науке, а доктор социологических наук **М. Ф. Черныш** рассмотрел идею деградации морали в капиталистическом обществе в полемике с идеями «морального капитализма».



Открытие конференции.

Источник фото: страница организатора конференции в социальной сети Facebook.

Автор фото: Владимир Ильин.



Такие отправные точки были даны участникам конференции в рамках пленарных заседаний. Далее велась работа различных секций, на которых автору данного обзора посчастливилось быть слушателем. В целом за два дня конференции для слушателей открыли двери 11 секций. Идеи марксизма рассматривались в самом широком ключе, начиная от классических интерпретаций и понятий до конвертации этих идей в новейшие методы и интерпретативные модели применительно к современности. Так, обсуждению мирового значения научного наследия К. Маркса и судьбе марксизма в целом была посвящена работа секций под руководством **А. И. Савина** и **Н. А. Головина**, где были представлены доклады, рассматривающие идеи Маркса в контексте современных теоретических концепций, в противопоставлении отдельных направлений и школ, а также реконструкции марксизма у различных авторов.

На секциях по обсуждению философского и социологического наследия К. Маркса были представлены доклады, включающие как анализ классических социально-философских, политических, экономических идей Маркса, так и многочисленные их интерпретации на основании теоретических и эмпирических материалов исследователей. Так, в докладе **У. Г. Николаевой** был отмечен эвристический потенциал марксистской экономической этнологии и антропологии для анализа тенденций архаизации экономики, которые часто находят выражение в современных обществах в сегментах неформальной экономики. В докладе **А. В. Резаева**, **Н. Д. Трегубовой** и **Д. М. Жихаревича** ставился вопрос актуальности идей Маркса для социологов в XXI в. и содержался призыв к возвращению исследователей к исходным терминам и проблемам текстов Маркса. **Я. И. Гилинский** рассмотрел идеи Маркса с точки зрения того, в чем философ мог ошибаться и в чем он, напротив, был прав. Так, например, критика капитализма у Маркса, согласно докладчику, может считаться абсолютно обоснованной, а вот надежды Маркса на социалистическую революцию и социализм не оправдались.



Работа секции «Философское и социологическое наследие Карла Маркса».
Источник фото: страница организатора конференции в социальной сети Facebook.
Автор фото: Владимир Ильин.

Следующий блок докладов был посвящен обсуждению трендов экономического, политического и культурного развития, цифровой цивилизации, новейшим методам и эмпирическим исследованиям в свете интеллектуального наследия К. Маркса. В частности, обсуждались процессы виртуализации и современные формы социальной коммуникации. Так, в докладе **Н. В. Тищенко** отмечается, что в XX столетии марксизм оказался востребованным в качестве инструмента «объективации» идеологических конструкций. Сегодня же марксизм является технологией производства идеологии через утверждение групп антагонистов и тактики борьбы за их права.

Критические подходы к изучению городского пространства, в том числе в контексте идей марксизма, обсуждались на секции под руководством **Е. В. Тыкановой**. Доклады здесь отличались живостью и насущностью изучаемых авторами проблем. Так, в докладе **Н. И. Карбаинова** был представлен анализ проблемы, обозначенной автором как «захватный капитализм» (на примере сквоттерских поселений Улан-Удэ) и свойственной преимущественно региональным территориям. Суть данного явления заключается в вовлечении захватной собственности в рыночные отношения купли-продажи и аренды недвижимости. В качестве теоретического основания докладчик использует идеи К. Маркса о первоначальном накоплении капитала, в дальнейшем развитые в концепции Д. Харви.

Оригинальной, с точки зрения содержания и структуры, выглядела также секция по вопросам постсоветской повседневности индустриальных районов России, которой руководила **Е. В. Полухина**. На секции были представлены два фильма. В первом исследователи зафиксировали фрагменты беседы с представителями рабочих уральского завода «Уралмаш», а в докладе представили сравнительный анализ территориальных идентичностей жителей районов, прилегающих к территориям «Уралмаша» и территориям бывшего московского завода «ЗиЛ». Второй фильм демонстрировал культурные практики рабочих «Уралмаша» и деятелей современного искусства. Авторами исследования была зафиксирована тенденция нарастания социального неравенства между резидентами индустриальных районов и представителями других социальных групп.



Работа секции «Феминизм, марксизм и женский труд».

Источник фото: страница организатора конференции в социальной сети Facebook.

Автор фото: Елена Тыканова



Ряд обсуждений, вызвавших неподдельный интерес и ажиотаж со стороны слушателей, был посвящен рассмотрению идей марксизма и феминизма с точки зрения их эвристического потенциала для критического анализа проблем современных обществ, коммодификации женского труда и места эмоциональной работы в системе позднего капитализма. Эти вопросы активно обсуждались в рамках специальной секции «Феминизм, марксизм и женский труд», ключевыми спикерами которой стали **А. А. Темкина** и **Л. Л. Шпаковская**. При этом основная полемика строилась вокруг союза марксизма и феминизма.

В завершение стоит отметить, что конференция нашла широкий отклик в научном сообществе. Идеи, которым уже более века, живо откликнулись в умах исследователей и, пройдя сквозь призму современности, нашли новое воплощение. Судя по разнообразию тематик и интерпретаций, наследие Маркса вдохновило и еще будет вдохновлять исследователей на научный поиск. В ходе работы конференции не единожды было сказано, что, несмотря на физическое отсутствие автора, его идеи продолжают жить, и, скорее, не потому, что у них есть продолжатели, а потому, что они всегда находят своего критика.



DOI: 10.19181/inter.2018.16.8

Marx is alive because we argue with him. “The scientific heritage of Karl Marx: modern civilization and capitalism (dedicated to the 200th anniversary of Karl Marx)”

*Nina Kolennikova**

*** Kolennikova Nina — Junior Researcher, Institute of Sociology, FCTAS RAS, Researcher, GAUGN; postgraduate student, HSE. kolennikova-nina@mail.ru**

Review of the scientific conference about Marxism and Marxist legacy.

Keywords: Marxism, academic discourse, critical approaches

Качественная парадигма как ресурс для социальной практики

DOI: 10.19181/inter.2018.16.9

Виктория Семенова*

Обзор научно-практической конференции, посвященной особенностям применения качественных методов исследования в социальных науках.

Ключевые слова: качественная методология, научный неокOLONиализм, академический дискурс

Обычно качественная методология вызывает чисто академический интерес как проблематика теоретических оснований и места в структуре социологического знания, техники сбора и анализа неструктурированных данных, презентации локальных результатов в социологическом пространстве. Это делает парадигму несколько схоластической, оторванной от практических задач публичного применения социологического знания.

Задуманная как крупное международное событие, 3-я Мировая конференция по качественным исследованиям (Third World Conference on Qualitative Research, WCQR) в Лиссабоне 17–19 октября 2018 г. переориентировала исследовательский интерес в сторону «quali» как практически-ориентированного знания, или, точнее, в сторону возможности применения результатов качественного исследования в практике социальных работников.

Интересна предыстория зарождения и становления этого сегмента сообщества социологов-качественников. До лиссабонской встречи проводилось два сходных мероприятия: 1-я и 2-я Мировые конференции, которые, как и нынешняя конференция, были инициированы иберо-американской ассоциацией исследователей-качественников и, естественно, были обращены к той части мира, которая объединяет испано- и португальскоязычные страны Европы и Латинской Америки. Поэтому рабочими языками предшествующих встреч были только испанский и португальский. В Лиссабоне в 2018 г. впервые рабочим языком стал английский, и, следовательно, произошла переориентация «мировой конференции» с испано-португальского на более «глобальный» межстрановой контекст. Это сразу поставило перед испано-португальскими участниками конференции новые проблемы: во-первых, стало необходимым владение английским языком как рабочим, во-вторых, произошла переориентация теоретических подходов на англоязычную, более разработанную, традицию качественной социологии и, в-третьих, тематика конференции изменилась: в нее были включены вопросы, касающиеся применения теоретического знания в практике осуществления социальных проектов, в частности, в сферах образования и медицины.

На пленарном заседании сразу возникла дискуссия относительно «неокOLONиализма» в области качественного знания: насколько методология, разработанная в англоязычном и, более широко, европеизированном контексте применима в странах с другой культурой и иными методическими наработками?

* Семенова Виктория — доктор социологических наук, руководитель сектора исследования социальных изменений качественными методами Института социологии ФНИСЦ РАН, victoria-sem@yandex.ru



О возможности такого конфликта в области качественной парадигмы уже дискутировали прежде. Так, Уве Флик (Uwe Flick) отмечал, что необходимо понимание того, что глобализация качественной парадигмы может приводить к новым вызовам. Мы живем в разных мирах качественной традиции; существуют локальные традиции, и взаимообмен локальными спецификами достаточно затруднен, как, кстати, и выполнение международных проектов, где нарративы респондентов вписываются в контексты разных культур (Flick, 2014). И это касается не только языковых барьеров, но и политических и научных контекстов, в рамках которых осуществляется то или иное исследование. Подобные различия осложняют процессы глобализации качественных подходов, хотя сами социальные процессы как объект изучения все больше становятся глобализованными: например, процессы миграции или проблематика социальной работы. Поэтому требуются новые сочетания и конфигурации традиционных методов «в центре» и «на периферии» пространства качественной методологии (Flick, 2014).

Это разделение на «центр» и «периферию» качественного знания не только осложняет доступ к популярным международным периодическим изданиям и другим формам научной коммуникации, но и затрудняет усвоение учебного материала, иллюстрированного непонятными примерами из жизни другой культуры, а также снижает эффективность применения традиционных технологий анализа, не всегда совпадающих с локальными традициями культур (Gobo, 2011). Например, информированное согласие респондента на использование его личных данных до сих пор проблематизируется в рамках разных национальных культур.

На эти сложности в освоении научной культуры «другого» и обращали внимание испаноязычные участники конференции, обращаясь к термину научного «неоколониализма». Тем не менее, ведущие программные доклады приглашенных спикеров были представлены англоязычными исследователями: Christina Silver, University of Surrey, Stuart Shulman, USA, Nerinda Kalpokaite and Ivana Radivojevic, Germany, Ron Chenail, Nova Southeastern University, USA (<https://easychair.org/smart-program/WCQR2018/>).

Вместе с тем, конференция в Лиссабоне ярко продемонстрировала свою «локальную» специфику. Несмотря на то, что конференция официально считалась научной, сферы интересов участников из латиноамериканских стран были сугубо практическими. Основные направления докладов касались эффективности использования качественных данных при сопровождении государственных социальных (медицинских и образовательных) программ и выявлении типичных реакций реципиентов на происходящие изменения. Другими словами, в этом сообществе качественные исследования в основном используются для изучения «откликов» реципиентов на социальные реформы, проводимые локальными или государственными структурами. Символически эта сугубо практическая ориентация конференции была обозначена через само место проведения конференции — ESEL, Лиссабонская медсестринская школа, вместо привычных университетских корпусов. На это же указывала и организационная принадлежность участников: кроме представителей университетов и институтов Колумбии, Бразилии, Чили, Катара, Испании, Лиссабона, Великобритании, Польши, Коста-Рики, Австрии, Азорских островов, здесь были и работники медицинских центров, сотрудники госпиталей, медицинских школ, служб поддержки семьи, международных филантропических организаций. Основной ракурс презентаций, с точки зрения проблематики качественных методов — стратегии социально-незащищенных групп (или хронически больных людей) при преодолении своих сложных жизненных ситуаций.

Важный ракурс этой практически-ориентированной конференции — приобщение участников к работе в корпоративных проектах и работе с заказчиками социально-ориентированных исследований. Один из приглашенных спикеров, исследователь из Португалии Джейми Рибейро (Jaime Ribeiro), так и назвал свое выступление: «Насколько удовлетворены ваши заказчики? (How happy are your clients?)», тем самым подчеркивая практическую ориентацию современных качественных исследований на рынок

исследовательских услуг и необходимость внешнего эффекта при подаче конечного продукта — результата качественного исследования.

В связи с этим, отдельный день заседаний был полностью посвящен практическим навыкам компьютерной обработки качественных данных в различных модификациях (Digital Tools Day). На конкретных примерах в формате «demo sessions», с учетом более широкого, т.н. менеджерского подхода к результатам эмпирического исследования как корпоративного проекта, исследователей учили, «как доказать клиенту, что представляемый продукт является качественным». Участники демо-сессий имели возможность наглядно пройти путь от первичных данных, их организации, кодирования и категоризации до анализа и интерпретации.

Большая часть презентаций на конференции была выполнена в русле корпоративных проектов, где заказчиками были крупные частные компании, министерства или международные филантропические организации, а исследователи работали с объемными массивами качественных данных. Развивая свою мысль о маркетинговой составляющей качественных исследований, Джейми Рибейро настаивал на том, что конкурентный рынок исследовательских услуг предъявляет свои требования к качеству качественных данных и обоснованию полученных результатов. Борьба за клиента требует от исследователей менеджерского подхода и ориентации на удовлетворенность клиента качеством получаемых услуг; необходимо направленно формировать представление заказчика об опыте экспериментаторов и позитивном имидже получаемого продукта. Это называется «борьба за заказчика» — она становится возможной благодаря эффектному представлению результатов проекта через визуальные и текстовые формы, что и дают компьютерные программы как инструменты обработки качественных данных: QDAS (Qualitative Data Analysis Software) и ATLAS.ti 8 Windows отслеживают процесс формирования субъективного мнения опрошенных, позволяют представить информацию в виде кодов, из которых складываются работающие категории. Триангулятивная презентация данных дает возможность читать данные об изучаемой организации или компании как «по вертикали», так и «по горизонтали», с учетом как внешней, так и внутренней информации об объекте, — что, в конечном счете, формирует у заказчика представление о качестве заказанного продукта.

Литература

Flick U. Challenges for Qualitative Inquiry as a Global Endeavor: Introduction to the Special Issue Qualitative Inquiry 2014. Vol. 20(9). P. 1059–1063.

Gobo G. Globalizing methodology? The encounter between local methodologies. International Journal of Social Research Methodology. 2011. No. 14. P. 417–437.

WCQR2018: 3rd World Conference on Qualitative Research. Program. <https://easychair.org/smart-program/WCQR2018/> (дата обращения: 06.11.2018)



DOI: 10.19181/inter.2018.16.9

Qualitative paradigm as a resource for social practice

Victoria Semenova*

* **Semenova Victoria — Doctor of Sociology, Head of the Social Change Research Sector with the Qualitative Methods of the Institute of Sociology, FCTAS, Russian Academy of Sciences. victoria-sem@yandex.ru**

Review of the scientific-practical conference on the peculiarities of the application of qualitative research methods in social sciences.

Keywords: qualitative methodology, scientific neo-colonialism, academic discourse



References

Flick U. (2014) Challenges for Qualitative Inquiry as a Global Endeavor: Introduction to the Special Issue Qualitative Inquiry, vol. 20(9), pp. 1059–1063.

Gobo G. (2011). Glocalizing methodology? The encounter between local methodologies. International Journal of Social Research Methodology, no. 14, pp. 417–437.

WCQR2018: 3rd World Conference on Qualitative Research. Program. <https://easychair.org/smart-program/WCQR2018/> (accessed at: 06.11.2018)

Поиск новых подходов к актуальным проблемам социологического знания. Юбилейные XX Харчевские чтения «Теоретическое и эмпирическое знание в социологии: современные вызовы и перспективы взаимодействия»¹

DOI: 10.19181/inter.2018.16.10

Иван Касьяненко*

Обзор научной конференции, посвященной соотношению теоретических подходов и эмпирических исследований в социологии

Ключевые слова: социологическая теория, эмпирические исследования, структура социологического знания

22 октября 2018 года в Институте социологии ФНИСЦ РАН состоялись юбилейные XX Харчевские чтения «Теоретическое и эмпирическое знание в социологии: современные вызовы и перспективы взаимодействия». Харчевские чтения — небольшие научные чтения, проходящие в Институте социологии ежегодно в октябре, начиная с 1999 года. Невелики они лишь по числу гостей — конференц-зал института, где проходят Чтения, может вместить очень ограниченное число людей. По количеству же и качеству докладов, именитости выступающих, они могут соперничать со многими другими конференциями.

В этом году за один день были прочитаны 17 докладов. Объединенные столь широкой темой, доклады затрагивали самые разнообразные проблемы и области научного поиска, при этом демонстрируя высокие стандарты качества в любой области. География Чтений не ограничивалась Москвой и даже Россией: были заявлены докладчики из Петербурга, Екатеринбургa, Луганска. Не все выступающие смогли присутствовать на конференции очно. Часть докладов были прочитаны по видеосвязи, а один представлен тезисами, бумажные копии которых были предоставлены всем гостям.

Открыли конференцию приветственным словом М. К. Горшков и Ж. Т. Тощенко. Поздравив присутствующих с юбилеем Чтений, Ж. Т. Тощенко рассказал о вызовах, которые предстоит принять современной социологии. В их числе кризис классических теоретических концепций, постоянное увеличение числа существующих теорий и концепций, новые теоретико-методологические и методические идеи, междисциплинарные исследования — проблемы, к решению которых призваны приблизить нас Чтения.

Первой рассказала о своих изысканиях И. Ф. Девятко, чей доклад «Будущее социологической теории и управляемый данными подход к поиску паттернов и закономерностей

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории» (грант РФФ 14-28-00217).

* Касьяненко Иван — студент социологического факультета ГАУГН. vanomort@yandex.ru



в социальных науках» был посвящен вопросу, волнующему сейчас, пожалуй, каждого исследователя: отношения социологии и постоянно растущего объема данных. В этих условиях участие человека-ученого кажется излишним: зачем вообще выдвигать гипотезы, если машина сама может обнаружить значимые корреляции в предоставленном ей массиве? Но И. Ф. Девятко предостерегает нас от такого подхода. По ее мнению, в отсутствие определяемой содержательными соображениями априорной теоретической модели возрастает вероятность гиперинтерпретации статистических артефактов, что приводит к углублению кризиса воспроизводимости результатов и угрожает целостности устоявшихся теоретических моделей.

Следующим выступил В. В. Щербина с докладом «Социологическая теория: содержание, разработчики, пользователи». Он также поднимал очень актуальные для всех нас вопросы, связанные с гетерогенностью социологического знания, высокой дифференциацией научного сообщества. По его словам, «после похорон социологии Парсонса в 1970-х» социология утратила общий предмет, возникла гуманистическая социология, герменевтика, структурализм, и в новых обстоятельствах даже разговор о «социологии в целом» утратил смысл. В ходе последовавшего обсуждения Г. Г. Татарова предположила, что такая ситуация может быть обусловлена сложностью нашего объекта, заметив, что сейчас «один физик другого уже не понимает», и это, возможно, нормально для науки на определенной стадии развития. Однако В. В. Щербина не согласился с этим аргументом и остался на своих позициях.

Условно все доклады можно разделить на две группы. Первая — доклады, посвященные непосредственно соотношению теоретического и эмпирического в социологии или в какой-то конкретной ее области. Их оказалось значительно меньше, чем докладов, посвященных другим вопросам и образующих вторую группу. Лучшее основание для группировки дать трудно из-за разнообразия тем, представленных докладами второй группы. Среди них и риски фейковости социальных исследований, описанные С. Г. Кирдиной-Чэндлер, и историческая память, локализованная в русских усадьбах, об особенностях которой рассказал Н. Е. Покровский, и способ представления личного нарратива в виде сетевой семантической структуры, предложенный Г. В. Каныгиным. Наиболее важным в этой группе представляется доклад Ю. С. Шкурко, посвященный взаимоотношениям социологии и биологических наук: она собрала и обобщила данные исследований, обнаруживших наличие связи между традиционно «биологическим» и «социальным» в человеке, и показала, если не необходимость, то перспективность исследований в этом направлении.

К сожалению, этот доклад, как и многие другие, не получил широкого обсуждения. Отчасти потому, что относился ко второй группе и рассматривал узкоспециальную тему (как ни сложно назвать синтез двух наук «узкоспециальной темой»), и не все присутствующие достаточно хорошо в ней разбирались, а отчасти стал жертвой общей проблемы — недостатка времени. На протяжении всей конференции мало кому удавалось успеть рассказать все, что он или она считали нужным, а обсуждение часто прерывалось, не успев толком начаться. Если в начале собравшиеся живо обсуждали доклады, то к середине мероприятия многие предпочитали молчать, зная, что полезное взаимодействие труднодостижимо в таких условиях. Часто все, что мог успеть ответить докладчик — «читайте в статье».

С одной стороны, это говорит о высоком уровне организации: все прошло по расписанию, все успели прочитать, по крайней мере, часть своего доклада, и мероприятие не затянулось до глубокой ночи. С другой стороны, для чего мы на самом деле собираемся в стенах института? Не для того же, чтобы кратко и впопыхах почитать вслух то, о чем до этого подробно написали в журнале? Ж. Т. Тощенко во вступительном и заключительном слове обозначил существование конечного числа проблем, требующих совместной

работы для разрешения. Но, фактически, для продуктивного обсуждения важных вопросов у гостей был разве что кофе-брейк — 30 минут, которые оказались более насыщены взаимодействиями, чем все «официальное» заседание.

В целом, впечатления от Чтений — очень положительные. Прозвучало множество качественных докладов, в которых рассматривались проблемы текущих исследований, были представлены новые результаты и направления. Особенно приятна неизменная атмосфера камерности, характерная для Харчевских чтений. Но для лучшего достижения полезного результата представляется целесообразным уменьшить плотность докладов на единицу времени и сузить тему следующих Чтений.



DOI: 10.19181/inter.2018.16.10

**Search for the new approaches to current problems
of sociological knowledge. Anniversary XX Kharchev Readings
“Theoretical and Empirical Knowledge in Sociology:
Current Challenges and Prospects for Interaction”**

*Ivan Kasyanenko**

*** Kasyanenko Ivan — student at the sociological department of GAUGN. vanomort@yandex.ru**

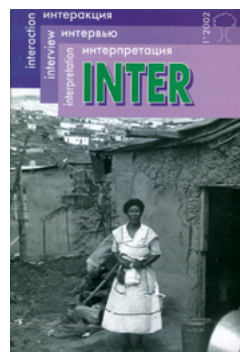
Review of the scientific conference on the relationship of theoretical approaches and empirical research in sociology

Keywords: sociological theory, empirical research, structure of sociological knowledge

Авторы номера

Бегеманн Бернард	аспирант Венского университета, Департамент социальной антропологии
Воробьева Екатерина	независимый исследователь
Говорова Анастасия	студентка социологического факультета ГАУГН
Ипатова Анна	кандидат культурологии, MA in Sociology, старший научный сотрудник Лаборатории методологии социальных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ
Касьяненко Иван	студент социологического факультета ГАУГН
Коленникова Нина	младший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, научный сотрудник ГАУГН, аспирантка НИУ ВШЭ
Рогозин Дмитрий	кандидат социологических наук, полевой интервьюер Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ, старший научный сотрудник ФНИСЦ РАН
Семенова Виктория	доктор социологических наук, руководитель сектора исследования социальных изменений качественными методами Института социологии ФНИСЦ РАН
Стрельникова Анна	кандидат социологических наук, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

ИНТЕР № 1 (2002)



Письмо редакторов

Теоретические дискурсы и дискуссии

Майкл Рустин. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках

Индивид и общество

Ян Коетцы. Жизнь на периферии: потребность в промежуточных шагах на пути радикальной трансформации общества

Полевые исследования

Елена Ярская-Смирнова. Социальные изменения и мобилизация ресурсов: жизненные истории российских инвалидов

Алла Чирикова. Женщина-директор в деловой и частной жизни

Исследовательская рефлексия

Валерий Голофаст. Повседневность в социокультурных изменениях

Из классического наследия. Памяти П. Бурдьё

Пьер Бурдьё. Биографическая иллюзия

Визуальная социология

Елена Мещеркина. Субъектив камеры

Биография номера

Елена Мещеркина. Как стать баронессой

Конференции и рецензии на книги

Игорь Масалков. Шутценбергер А.А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы

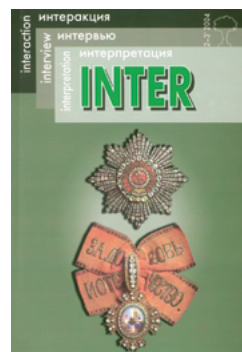
Лиана Ипатовна, Сергей Кухтерин. Ежегодные курсы в Центре социологического образования (Институт социологии РАН, Москва)

Интернет новости

Игорь Масалков. Ресурсы по качественным исследованиям (КИ) в интернете

Авторы номера

ИНТЕР № 2–3 (2004)



Письмо редакторов

Теоретические дискурсы и дискуссии

Брайн Роберте. Конструирование индивидуальных мифов

Ирина Сандомирская. Родина в советских и постсоветских дискурсивных практиках

Александр Малинкин. Женские награды в России: исследование по социологии наградного дела

Индивид и общество

Дан Бар-Он, Сэми Адван. Возможен ли общий учебник истории для палестинцев и израильтян?

Олег Яницкий. Риск-солидарности: российская версия

Полевые исследования

Дидье ле Галль, Шарлотте Ван. Сексуальный дебют в современной Франции

Елена Омельченко. Размытое начало: гомодебют в контексте сексуального сценар

Биография номера

Елена Мещеркина. «...Я была домашним, дворовым ребенком»

Визуальная социология

Елена Мещеркина. Фотография из семейного альбома

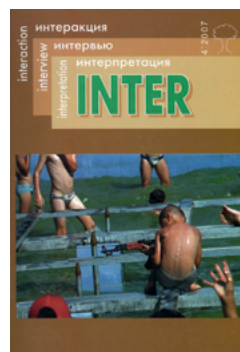
Рецензии

Сергей Ушакин. Познавая в сравнении: о евростандартах, мужчинах и истории Барбара Эванс Клементе, Ребекка Фридман и Дэн Хили (ред.). Российские мужчины в истории и культуре

Елена Рождественская. Рефлексия отца-философа М. Эпштейн. Отцовство. Метафизический дневник

Авторы номера

ИНТЕР № 4 (2007)



Письмо редакторов

Теоретические дискурсы и дискуссии

Петр Штомпка. Введение в визуальную социологию

Розвита Брекнер. Изображенное тело. Методика анализа фотографии

Оксана Запорожец. Визуальная социология: контуры подхода

Индивид и общество

Елена Лебедева, при участии Елены Греминой. Конструирование социального документа в практике документального театра (театр.doc)

Михаил Рожанский. Дневник советской девушки

Полевые исследования

Дмитрий Попов. Российская интеллигенция как образ: визуальные послания разных времен

Ольга Ткач. В поисках родословной: изобретение традиции?

Биография номера

Ксавье ЛеРой. Автобиография танцора: «Продукт обстоятельств»

Комментарий Елены Рождественской. Биография как телесный нарратив

Визуальная социология

Фотография Сергея Максимишина «Чечня», комментарий Елены Рождественской

Авторы номера

ИНТЕР № 5 (2009)



Письмо редакторов

Теоретические дискурсы

Ольга Никитина-ден Бестен. «Детство» в социальных науках: новые смыслы и новые подходы

Olga N. Nikitina-den Besten. What's new in the New Social Studies of Childhood?

Полевые исследования

Иван Забаев. Образ ребенка у жителей российских мегаполисов. По материалам биографических интервью с россиянами репродуктивного возраста

Gerhard Jost. Parental Loss during Childhood — Biographical Research Based on the Qualitative Paradigm (Потеря родителя в детстве — Биографическое исследование на основе качественной парадигмы)

Алевтина Корнеева, Анна Стрельникова. Детдомовцы и воспитанники патроната на пороге взрослой жизни

Ольга Громашева. Чем и как накормить дитя? Восприятие матерями рисков питания

Методологическая рефлексия

Мишель Вивьорка. Понятие интервенции в социологии, психологии и клинической социологии. Предисловие к книге «Международная клиническая социология»

Игорь Масалков. Клиническая социология как пространство интервенции

Визуальная социология

Елена Рождественская. Визуализация детства в городском пространстве. Готтфрид Хелнвайн

Рецензии

Елена Рождественская. Рецензия на коллективную монографию «Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине» (под ред. Здравомысловой Е., Темкиной А.)

Конференции

Виктория Семенова. Новые пути в биографических исследованиях. Конференция «Биография и перформанс». Краков, декабрь 2009

ИНТЕР № 6 (2011)



Письмо редакторов

Теоретические дискурсы и дискуссии

Michał Łuczewski, Paulina Bednarz-Łuczewska. Memory cultures and politics of history. A plea for Polish-Russian cooperation

Serguei Oushakine. "I have no idea how to make myself useful": Chechen War veterans on the State that betrayed

Елена Рождественская, Виктория Семенова. Социальная память как объект социологического изучения

Коллективная память в национальных контекстах: Россия-Польша

Илона Голембевска. 17 января 1945 года в Варшаве: представление событий в польских школьных учебниках по истории

Эва Кристина Селлава-Колбовска. Тяжелый груз воспоминаний и неудобные «места памяти». Исследование коллективной и культурной памяти о событиях 17 января 1945 года в Варшаве

Войцех Полец. Культурная память в качестве определяющего отношения поляков к россиянам

Mikhail Chernysh. Historical trauma and memory: the case of the Afghan war

Роман Абрамов. «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ

Визуализация памяти

Елена Рождественская, Ирина Тартаковская. Пространство памяти в «Афганском» музее: попытки договориться с прошлым

Анна Стрельникова. Коллективная память в городском пространстве: места памяти об Афганской войне

Новые ракурсы рассмотрения памяти: опыт молодых

Наталья Мاستикова. Фрагментарность памяти об Афгане у последующих поколений: результаты фокус-групп со студентами

Ирина Ксенофонтова. Виртуализация мемориальных практик: интернет-сайт как «книга памяти»

ИНТЕР № 7 (2014)



Письмо редакторов

Полевые исследования: анализ виртуальных сообществ

Анна Стрельникова, Елизавета Полухина. «...Что такое повсеместное дарение? Это максимальное доверие друг к другу»: особенности социального порядка в виртуальных сообществах дарообмена

Елена Рождественская, Виктория Семенова. Киберэтнография виртуального сообщества: анализ туристского форума

Александрина Ваньке, Ирина Ксенофонтова, Ирина Тартаковская. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы»)

Elisabeth Schilling. Transnational Biography: Reassessment of personal biographical experiences in internet forums among Russian migrants in Germany

Михаил Черныш. Сетевая среда религиозных исканий

Теоретические дискурсы и дискуссии

Елизавета Полухина. Онлайн-наблюдение как метод сбора данных

Иван Климов. Размышления о методологии Online-Offline Phenomena Studies: к дискуссии на симпозиуме «Пути России — 2014»

Полина Колозариди. Чем онлайн отличается от оффлайна и какой теоретический смысл есть в этом различии

Визуальная социология

Елена Рождественская. АВАТАР: визуализация идентичности в сети

Первые шаги

Ксения Федина. «Виртуальная Родина»: пространство национальной идентичности в социальных сетях (на примере детей мигрантов из Армении и Азербайджана)

Исследовательские центры

Иван Климов. Приоритеты исследовательской программы Центра изучения Интернета и общества РЭШ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА И АННОТАЦИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ИНТЕР № 8 (2014)



Теоретические дискурсы и дискуссии

Виктория Семенова. Стратегия комбинации качественного и количественного подходов при изучении поколений

Елена Рождественская. Надежность качественных методов и качество данных

Анна Стрельникова. Перемещения в пространственных координатах: больше, чем географическая мобильность

Полевые исследования: политики памяти в современной России

Александрина Ваньке, Елизавета Полухина. Вечный огонь в Александровском саду как публичное место памяти

Анна Стрельникова. Памятник без музея, музей без памятника: непростая биография «Рабочего и колхозницы»

Ирина Тартаковская, Екатерина Тарновская. «Одной правды нет»: визуализация политики памяти в историческом музее

Роман Абрамов, Евгений Терентьев. Символическое пространство культуры памяти: два топонимических кейса

Визуальная социология

Елена Рождественская, Ирина Тартаковская, Елизавета Полухина, Виктория Семенова. Мемориал Синти и Рома: групповая аналитическая дискуссия

Первые шаги

Надежда Васильева. Символика памятника Ф.Э. Дзержинскому в современном публичном дискурсе

Рецензии

Наталья Веселкова. Приглашение всмотреться: две обложки книги Алейды Ассман. Рецензия на: А. Ассман. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014

Авторы номера

ИНТЕР № 9 (2015)



Письмо редакторов

Теоретические дискурсы и дискуссии

Наталья Савельева. Между свободой и подчинением: «техники себя» в работах Мишеля Фуко

Ekaterina Kovaleva, Marina Spirina. Representation of the female body in modern yoga: theoretical and methodological approach

Ольга Савинская. «Образовательное пространство детского сада»: концептуализация понятия и методика конструирования его измерений

Полевые исследования

Алиса Толстокорова. Энигма, враг или амиго?: роль аттитудного фактора в конструировании опыта зарубежного трудоустройства украинских трудовых мигрантов

Anastasia Poylova. The role of the entrepreneur's family in choosing a career path

Елена Онегина, Полина Остроухова. «Обретение красоты» в женских нарративах

Визуальная социология

Анна Санина. Визуальная политическая ирония в Рунете: кейс сообщества «Potsreotizm»

Обзоры конференций

Александрина Ваньке. Новая повестка дня в исследованиях телесности. Международный симпозиум «Дискурсы тела/политики тела и действие». Вена, Венский университет, 5–7 февраля 2015 г.

Виктория Семенова. Международная конференция «Biographies of Belonging». Амстердам, Амстердамский свободный университет, 10–11 марта 2015 г.

Ирина Тартаковская. Международная конференция «Политическое — это личное: режимы гендера, здоровья и заботы». Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 16–17 апреля 2015 г.

Авторы номера

Abstracts and keywords



Памяти В. А. Ядова

Кшиштоф Косела. Прощальное письмо варшавских друзей

Виктория Семенова, Елена Рождественская. Владимир Александрович Ядов

Исследования социальной мобильности

Елена Омельченко, Гюзель Сабирова, Яна Крупец. Социальная мобильность молодежи в фокусе тройной рефлексии

Наталья Кремнева, Евгения Лукьянова. Рабочая профессия: успех или неудача? Восприятие социального положения рабочего в семейном контексте

Анна Стрельникова. Пространственные проекции социальной мобильности: переезды как доминантные события биографического повествования

Елизавета Полухина, Александра Горяйнова. Жилищные траектории московских семей в XX веке как объект вторичного анализа биографических интервью

Мария Балакирева. Изучение повседневной мобильности горожанок с детьми: опыт применения стратегии смешивания методов

Павел Сушко. Успех по-сельски или как брать «быка за рога»: модели жизненного успеха сельской молодежи

Константин Глазков, Анна Стрельникова. Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии

Визуальная социология

Павел Демин, Станислав Пашков. Символика университета в восприятии студентов

Публичная социология

Ольга Казьмина. «Управляемый хаос» — от теории к социальной практике российской «глубинки»

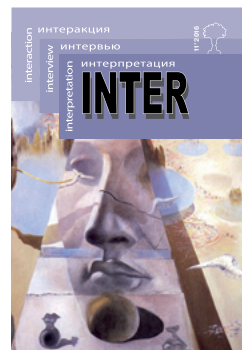
Обзоры конференций

Надежда Васильева. Перспективы исследований социальной мобильности. Международный конгресс Европейской социологической ассоциации. Прага, 25–28 августа 2015 г.

Авторы номера

Abstracts and keywords

ИНТЕР № 11 (2016)



Петр Иванов. Городские жители и производство пространства (на примере российских городов)

Анатолий Жвйтиашвили. Нестабильная занятость и социальное неравенство: западный опыт

Екатерина Бессчётнова. Социальные коннотации запаха

Алиса Толстокорова. Украинские «золотые рыбки»: стратегии сопротивления неравенству и доминированию во взаимоотношениях мигранток-домработниц и их работодателей

Биография номера

Интервью с руководителем сети дистрибьютеров в компании сетевого маркетинга

Размышления над книгой

Oleg Yanitsky. The Urry's global mobilities concept: some comments and considerations

Обзоры конференций

Евгения Гольман. Международная трансдисциплинарная конференция «Doing the Body in the 21st Century». Питтсбург, Университет Питтсбурга, 31 марта — 2 апреля 2016 г.

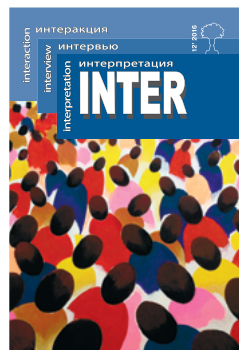
Надежда Васильева. Новые проблемы в исследованиях социальной мобильности. Российско-польская конференция. Варшава, Варшавский университет, 11–12 апреля 2016 г.

Павел Сушко. Дискуссии социологов о настоящем России. XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 19–22 апреля 2016 г.

Авторы номера

Abstracts and keywords

ИНТЕР № 12 (2017)



Теоретические дискурсы и дискуссии

Виктория Шмидт. «Спасем наших детей»: к проблеме дискурса кампаний в пользу реформы общественного воспитания детей с инвалидностью в России

Lyudmila Nurse. Identities and a sense of belonging: young Lithuanians and Latvians from ethnic minorities

Полевые исследования

Мария Миронова, Анастасия Кожевникова. Измерение удовлетворенности съемным жильем: методические аспекты

Константин Вернигор, Яна Воронина, Ольга Синева. Геймифицированная онлайн-анкета: возможности и ограничения

Ольга Маркова. Письма с фронта как документ военной эпохи

Эссе

Екатерина Постная. Музей истории ГУЛАГа как отражение травматического опыта

Визуальная социология

Александрина Ваньке, Елена Рождественская, Евгения Гольман, Роман Абрамов. Визуализация телесности в контексте профессии: аналитическая дискуссия

Новые книги: авторский взгляд

Борис Докторов. История должна быть многолюдной и писаться многими

Вероника Жобер. «Много нас рассеяно по свету... Мы — лишь след на тающем снегу...»

Рецензии

Виктория Семенова. Границы памяти в городах с короткой историей

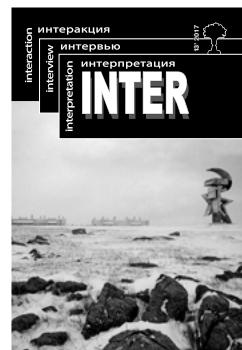
Обзоры конференций

Анна Стрельникова. VII Международная научно-практическая конференция памяти А. О. Крыштановского «Методы и процедуры социологических исследований», 23–24 сентября 2016 г.

Авторы номера

Abstracts and keyword

ИНТЕР № 13 (2017)



Письмо редакторов

Теоретические дискурсы и дискуссии

Ralf Bohnsack. The Interpretation of pictures and the Documentary Method

Наталья Веселкова. Куда идет «Троллейбус»? Социологический ресурс одной фотографии

Svetlana Bankovskaya. Epistemological premisses of converting video of social events into the narrative

Визуальная социология

Елена Рождественская. Анализ фотографии С. Максимишина: объединяя документальный и гештальтистский подходы

Полевые исследования

Анна Стрельникова, Александрин Ваньке. Полевое исследование индустриального района: стратегии сбора и анализа визуальных данных

Дмитрий Омельченко, Святослав Поляков. Исследователь с камерой в пространстве медийной публичности: полевой опыт

Мария Балакирева, Александра Горяйнова, Елизавета Полухина. Переезды внутри Москвы: как тип домохозяйства и стиль жизни предопределяет выбор места жительства

Первые шаги

Яна Багина, Анастасия Кочервей, Светлана Нарьян. Восприятие видеоблогов и потребительское поведение (на примере бьюти-блогов)

Рецензии

Анастасия Говорова. Азбука визуализации данных

Abstracts and keywords

Авторы номера

ИНТЕР № 14 (2017)



Исследовательские дискурсы: профессиональный труд, занятость, этнография

Liliia Zemnukhova. Russian IT specialists and their professional mobility abroad

Виктория Семенова. Профессиональный успех: изменяющаяся саморефлексия современных профессионалов

Михаил Черныш. Информационные работники: профиль социальной группы

Ирина Тартаковская. Женственность прекарности

Павел Сушко. Специфика человеческого капитала работников сферы информационных технологий

Ирина Чудова, Анастасия Пироцкая. Изучение социальных сетей в перспективе поколений

Дарья Морозова, Ольга Гурова. «Следуя устойчивой моде»: изучение практик финских дизайнеров одежды с помощью исследовательского фильма

Биография номера

Александрина Ваньке. Прекарная занятость как «свободный» выбор? Интервью с работницей клининговой компании

Первые шаги

Иван Касьяненко, Антон Алабин. «Айтишники» как современная профессиональная группа

Рецензии

Александра Бурдяк. Два поколения исследований о поколениях. Читая книги «Социальная мобильность в России: поколенческий аспект» (2017) и «Социальное расслоение возрастной когорты: Выпускники 80-х в постсоветском пространстве» (1997)

Анастасия Говорова. Социальная мобильность в ракурсе рынка труда

Обзоры конференций

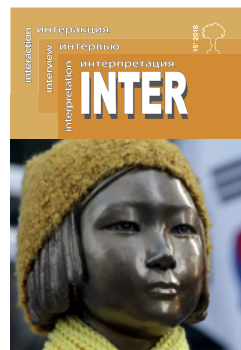
Анна Стрельникова. Социальное неравенство и информационные технологии: обзор конференции «eLearning Stakeholders and Researchers Summit 2017»

Марат Сустанов. Исследования в digital-мире: IT-тренды, определяющие настоящее и будущее

Авторы номера

Abstracts and keywords

ИНТЕР № 15 (2018)



Письмо редакторов

Социологические концепции в качественных исследованиях

Жанна Чернова. Репрезентации отцовства: социологический анализ блогов

Ольга Пинчук. «Нестандартные» условия труда женщин на производстве: опыт включенного наблюдения

Дискурсы и дискуссии

Роман Абрамов. Ностальгические аффекты и коммодификация советского: на примере Музея советских игровых автоматов

Михаил Рожанский. Новый советский консенсус: реанимация идеала в пятидесятых

Елена Рождественская. Фронтовое письмо

Визуальная социология

Елена Рождественская. Перформативная память и памятник вианбу в Южной Корее

Биография номера

Ирина Тартаковская. Интервью с прекарием: «Я такой человек — мне проще без всяких бумажек, без всего»

Полевые исследования

Олег Оберемко. Социальное пространство отдыха (российское Черноморье): палеоэтнографические этюды

Обзоры конференций

Иван Касьяненко. Социальные исследования и современность: обзор конференции «Ломоносов-2018»

Анастасия Говорова, Мария Красникова. Многоголосие исследовательских подходов на Апрельской международной конференции

Рецензии

Мария Красникова. Анализ системы «позднего социализма»

Abstracts

Авторы номера

Интеракция. Интервью. Интерпретация.
№ 16. Том 10. 2018
СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

*Научный журнал «Интеракция. Интервью. Интерпретация»
учрежден на заседании Президиума Общественной организации
«Российское общество социологов» и выпускается с 2002 г.*

*Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 14 сентября 2018 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-73688*

**Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.
Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.
Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.**

Редакционная коллегия

Семенова В. В. (главный редактор), Институт социологии ФНИСЦ РАН
Рождественская Е. Ю., Институт социологии ФНИСЦ РАН, НИУ ВШЭ
Тартаковская И. Н., Институт социологии ФНИСЦ РАН
Стрельникова А. В., НИУ ВШЭ
Жушко П. Е. (отв. секретарь), Институт социологии ФНИСЦ РАН

Корректор:

Шурман Наталья Владимировна

Макет:

Кудымов Виталий Евгеньевич

Адрес редакции:

117218, г. Москва,
ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, каб. 513
Тел.: (499) 128-86-18
e-mail: inter.fnisc@gmail.com
Размещение журнала: www.inter-fnic.ru